
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00312656 2

KOMMENTARI K ROMANU
I. S. TURGENEVA "RUDIN"

V. V. Danilov

Published on demand by
UNIVERSITY MICROFILMS
University Microfilms Limited, High Wycomb, England
A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

* * *

Россійская Коммунистическая партія (большевиковъ).

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

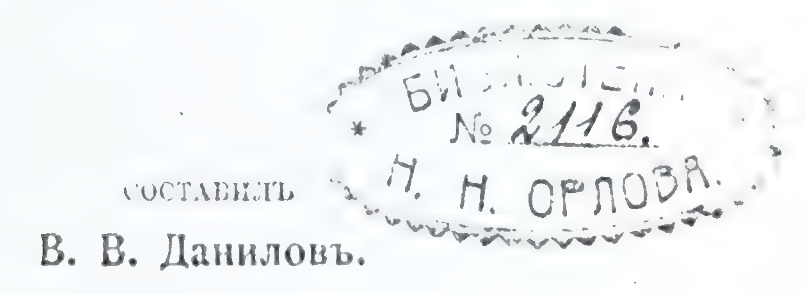
КОММЕНТАРІИ

КЪ РОМАНУ

И. С. ТУРГЕНЕВА

„РУДИНЪ“.

ПОСОБІЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ РОМАНА.

СОСТАВИЛЪ

В. В. Даниловъ.

Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ“.

Москва, Срѣтенка, д. 8, уг. Рыбникова пер.
Москва, 2-й домъ Совѣтовъ, Театральная площадь.

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.
Петроградъ, Литейный пр., д. 48.

LIBRARY
JUL 12 1971
UNIVERSITY OF TORONTO

Книжный складъ „КОММУНИСТЪ“,

Москва, Срѣтенка, 8 (уг. Рыбникова пер.).

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. Тел. 227—42.

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЯ.

Кн. 1-я. **И. П. Покровскій.** Членъ Гос. Думы. Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія 10 лѣтъ (1901—1910). 2 р.

Кн. 2-я. **Исторія соціализма.** Въ монографіяхъ К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго и Э. Бернштейна. Перев. Е. И. Леонтьевыхъ. Ч. I. Отъ Платона до анабаптистовъ. Ч. II. Отъ Томаса Мора до кануна великой революціи. За обѣ части 4 р.

Кн. 3-я. **М. С. Александровъ.** Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. 2 р.

Кн. 4-я. **Петръ Масловъ.** Аграрный вопросъ въ Россіи. Томъ I. (Условія развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи). 4-е. дополн. изд. Съ прилож. статей: 1. О принципіальныхъ основахъ аграрной программы. 2. Моимъ критикамъ. 2 р. 50 к.

Кн. 5-я. **Петръ Масловъ.** Аграрный вопросъ въ Россіи. Томъ II. Кризисъ крестьянскаго хозяйства и крестьянское движеніе. 3 р.

Кн. 6-я. **Петръ Масловъ.** Капитализмъ. Ч. I. Наемный трудъ и заработная плата. 3 р.

Кн. 7-я. **Петръ Масловъ.** Исторія народнаго хозяйства. 3 р.

Кн. 8-я. **А. М. Коллонтай.** Общество и материнство. Государственное страхованіе материнства. 4 р. 50 к.

Кн. 9-я. **А. М. Коллонтай.** Страхованіе материнства. Томъ 2.

Кн. 10-я. **А. Деборинъ.** Введеніе въ философію діалектическаго матеріализма. Съ предисловіемъ Г. В. Плеханова. 4 р.

Кн. 11-я. **Вл. Кранихфельдъ.** Въ мірѣ идей и образовъ. 3 р. 50 к.

Кн. 12-я. **Мих. Невѣдомскій.** Зачинатели и продолжатели. 3 р. 50 к.

Кн. 13-я. **С. Т. Семеновъ.** Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ. 2 р.

Кн. 14-я. **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.** Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ. 3 р.

Кн. 15-я. **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.** Къ исторіи русскаго духоборчества. 3 р.

Кн. 16-я. **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.** Новый Израиль. 3 р.

Кн. 17-я. **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.** Среди сектантовъ. 3 р.

Кн. 18-я. **Владимиръ Бончъ-Бруевичъ.** Изъ міра сектантовъ. 3 р.

Кн. 19-я. **Фр. Энгельсъ.** Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Переводъ съ нѣмецкаго И. Е. Леонтьевыхъ. 4 р.

Кн. 21-я. **Фр. Лассаль.** Письма Ферд. Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ примѣчаніями и приложеніями Ф. Меринга. 2 р.

Кн. 22-я. **Ю. Каменевъ.** Объ А. И. Герценѣ и Н. Г. Чернышевскомъ. 1 р. 50 к.

Кн. 24-я. **Ф. Тахтаревъ.** Соціологія какъ наука. 1 р.

Кн. 25-я. **Ю. Каменевъ.** Экономическая система имперіализма. 1 р. 50 к.

Кн. 26-я. **К. Марксъ и Фр. Энгельсъ.** Манифестъ коммунистической партіи. 1 р.

Кн. 27-я. **В. П. Милютинъ.** Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи. 1 р. 50 к.

МОСКВА.
Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. д.
1918.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. *Исторія написанія романа.*—На рукописи «Рудина» Тургеневымъ сдѣлана надпись: «Начатъ 5 іюня 1855 г. въ воскресенье, въ Спасскомъ, окончепъ 24 іюля въ воскресенье, тамъ же, въ 7 недѣль. Напечатанъ съ большими прибавленіями въ январской и февральской книжкахъ «Современника» 1856 г.». Изъ записи видно, что «Рудинъ» былъ передѣлываемъ авторомъ уже послѣ того, какъ былъ написанъ. О томъ же говоритъ письмо Тургенева къ С. А. Аксакову изъ Спасскаго отъ 3 августа 1855 г.: «Я воспользовался уединеніемъ и бездѣйствіемъ и написалъ большую повѣсть... Я ни надъ однимъ моимъ произведеніемъ такъ не трудился и не хлопоталъ, какъ надъ этимъ; конечно, это еще не ручательство; но, по крайней мѣрѣ, самъ передъ собой правъ. Коли Пушкинъ и Гоголи трудились и передѣлывали десять разъ свои вещи, такъ ужъ намъ, маленькимъ людямъ, самъ Богъ велѣлъ». (Вѣстникъ Европы, 1894, книга 2). Въ другихъ письмахъ Тургеневъ сообщаетъ, что работа надъ романомъ подвигалась не особенно быстро. 10 іюля онъ пишетъ Краевскому: «Такая жара, что невозможно писать». Дружинину: «Хандрю... и лишь изрѣдка могу заставить себя работать». (Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, 12). Если принять это во вниманіе, то надо заключить, что Тургеневъ писалъ романъ не планомѣрно всѣ семь недѣль, а только урывками. Получается, такимъ образомъ, сравнительно короткій срокъ работы для произведенія порядочныхъ размѣровъ, какимъ является «Рудинъ» въ настоящей редакціи. Отсюда ясно, почему романъ былъ напечатанъ съ большими прибавленіями: первоначальная редакція была мала для романа, не развита.

Заглавіе романа первоначально предполагалось Тургеневымъ другое—«Геніальная натура». Эти слова въ примѣненіи къ Рудину сохранились въ романѣ въ XII главѣ. Лежневъ говоритъ про него: «Онъ не мелкій человѣкъ».—«Рудинъ—геніальная натура!»—подхватилъ Басистовъ.—«Геніальность въ немъ, пожалуй, есть,—возразилъ Лежневъ,—а натура... Въ томъ-то вся его бѣда, что натуры-то собственно въ немъ нѣтъ». Такая точка зрѣнія на Рудина заставила Тургенева измѣнить заглавіе романа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь указаніе на то, что взглядъ на Рудина у Тургенева сложился не сразу. Вначалѣ онъ самъ считалъ его геніальной натурой, разъ далъ такое заглавіе роману, но впослѣдствіи измѣнилъ воззрѣніе на своего героя и посмотрѣлъ на его характеръ критически, что отразилось въ приведенныхъ словахъ Лежнева.

Въ январской книжкѣ «Современника» были напечатаны первыя шесть главъ романа, въ февральской—остальное. Эпизода смерти Рудина въ журнальной редакціи нѣтъ,- онъ былъ добавленъ Тургеневымъ впослѣдствіи.

ГЛАВА I.

II. *Посѣщеніе Александрой Павловной Липиной больной старухи.* Американскій писатель Бойезенъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ («Минувшіе годы», 1908, VIII, 69) передаетъ слова нашего писателя: «Всякая написанная мною строчка вдохновлена чѣмъ-либо, или случившимся лично со мною, или же тѣмъ, что я наблюдалъ». Можно поэтому полагать, что Тургеневъ началъ свой романъ изображеніемъ больной умирающей крестьянки подъ вліяніемъ царившей лѣтомъ 1855 года въ окрестностяхъ Спасскаго эпидеміи холеры. Въ письмѣ отъ 3 августа этого года онъ пишетъ С. Т. Аксакову: «Какъ вы провели лѣто, которое уже на исходѣ? Я его провелъ весьма однообразно почти не выѣзжалъ, не охотился — у насъ вездѣ была холера и довольно сильная; я ея побаиваюсь,—дома-то все ничего, а заѣдешь въ какую-нибудь деревню — и вдругъ придется умирать въ свиномъ сараѣ—скверно!»

Проф. Орестъ Миллеръ пользуется даннымъ эпизодомъ для отрицательной характеристики Рудина и общества, изображеннаго въ романѣ: «Мѣсто дѣйствія романа— барскій салонъ въ стилѣ XVIII вѣка. Міръ, окружающій его, совершенно не существуетъ для проживающихъ въ немъ и даже для его просвѣтительнаго оратора и трибуна Рудина. А рядомъ этотъ міръ - душная изба, больная горячкой старуха, куда заглядываетъ самая неразвитая личность повѣсти, Александра Павловна».

III. *Камеръ-юнкеръ баронъ Муффель.*- Н. В. Шелгуновъ придаетъ образу барона Муффеля обобщающее значеніе, въ смыслѣ отрицательной характеристики героевъ романа, не исключая Рудина: «Дѣйствительной жизни,—говоритъ Шелгуновъ,—такой, какая существуетъ для огромнаго большинства человѣчества, онъ не зналъ; но зато ему была коротко знакома искусственная жизнь обезпеченныхъ людей, жившихъ за плечами своихъ мужиковъ, какъ у Христа за пазухой. Жизнь этихъ болтуновъ была постоянною праздностью и вся дѣятельность ихъ сосредоточивалась въ однихъ разговорахъ и въ общихъ разсужденіяхъ о предметахъ, не имѣвшихъ ровно никакого отношенія ко всему тому, что ихъ окружало. Это были люди сильно возбужденной фантазіи и общихъ разсужденій. Припомните камеръ-юнкера барона Муффеля. Дарья Михайловна познакомилась съ нимъ у князя Гагарина,—тургеневскіе герои всегда князья, графы, камеръ-юнкеры и вообще люди знатнаго происхожденія и большихъ чиновъ,—этотъ почтенный камеръ-юнкеръ и баронъ обратилъ на себя вниманіе Дарьи Михайловны, плѣнивъ ее великосвѣтской блестящей болтовней и, написавъ политико-экономическую статью, желалъ подвергнуть ее

суду Дарьи Михайловны. Въ статьѣ этой трактовалось объ отношеніяхъ промышленности къ торговлѣ въ Россіи. Неправда ли, какъ все это глупо!.. Ну, съ чего этому камеръ-юнкеру писать политико-экономическую статью, и почему понадобилось ему непремѣнно представить свою статью на судъ Дарьи Михайловны? Занимаютъ тебя вопросы экономическіе,—изслѣдуй ихъ, пиши, печатай, представляй ихъ на судъ публики или въ видѣ проекта министру финансовъ. Конечно, такой способъ дѣйствія обнаружилъ бы стремленіе къ дѣйствительному дѣлу, чего вовсе не было въ головѣ блистательныхъ, великосвѣтскихъ героевъ Тургенева. Вся суть ихъ жизни заключалась въ вѣчномъ желаніи рисоваться и щеголять красивыми словами. И политико-экономическая статья Муффеля была точно такъ же не больше, какъ желаніе порисоваться въ великосвѣтскомъ дамскомъ салонѣ».

Какъ относился самъ Рудинъ къ занятіямъ наукою бароновъ Муффелей, видно изъ діалога между нимъ и Пигасовымъ во II главѣ.

— «Господинъ баронъ Муффель,—спросилъ Пигасовъ,—спеціально занимается политической экономіей, или только такъ, посвящаетъ этой интересной наукѣ часы досуга, остающіеся среди свѣтскихъ удовольствій и занятій по службѣ?

Рудинъ пристально посмотрѣлъ на Пигасова.

— Баронъ въ этомъ дѣлѣ дилетантъ,—отвѣтилъ онъ, *слегка краснѣя*,—но въ его статьѣ много справедливаго и любопытнаго».

IV. *Проживающій въ Одессѣ благопотребный старецъ Роксоланъ Медіаровичъ Ксандрыка.*—Больше имя Ксандрыки въ романѣ не упоминается. Нынѣшнему читателю это имя, съ эпитетомъ «благопотребный старецъ», ничего не говоритъ. Но Тургеневъ, повидимому, полагалъ, что нѣкоторымъ изъ его современниковъ это имя, съ приведеннымъ эпитетомъ, кое-что скажетъ.

Кого же онъ могъ имѣть въ виду подъ именемъ Ксандрыки?

Романъ «Рудинъ» былъ написанъ въ 1855 году. За годъ до того, 13 іюня 1854 года, скончался когда-то участникъ Вѣнскаго конгресса, дѣятель царствованія императора Александра I, вооружившійся противъ европейскаго просвѣщенія, центрами котораго были тогда германскіе университеты, религіозно-нравственный писатель, молдаванинъ по происхожденію, Александръ Скарлатовичъ Стурдза.

Значительную часть жизни Стурдза прожилъ въ Одессѣ, гдѣ писалъ и издавалъ такія сочиненія, какъ «Вѣра и вѣдѣніе, или разсужденіе о необходимомъ согласіи между богооткровенною религіею и наукой въ дѣлѣ преподаванія въ народныхъ школахъ», «Очеркъ христіанской жизни и смерти», «Письма о должностяхъ священнаго сана», «Ручная книга православнаго христіанина» и проч.

Извѣщенія о смерти Стурдзы появились въ «Москвитянинѣ» Погодина и «Сѣверной Пчелѣ». Первый писалъ: «Изъ Одессы сообщаютъ о кончинѣ одного изъ тамошнихъ почетнѣйшихъ согражданъ знаменитаго въ Европѣ (за исключеніемъ редакціи не-

тербургскихъ журналовъ) своими литературными трудами А. С. Стурдзы». («Москвитянинъ», 1854, т. IV, отд. V, стр. 144). Въ слѣдующемъ году журналъ снова напомнилъ о Стурдзѣ, перепечатавъ изъ «Одесскаго Вѣстника» «Краткое свѣдѣніе о жизни и трудахъ А. С. Стурдзы» («Москв.» 55 г., т. I, № 4). Статья эта написана слащаво-умилительнымъ слогомъ, отзывающимся вліяніемъ схоластическаго семинарскаго языка: «Въ 1806 году *благовоспитанный юноша* Александръ Стурдза поступилъ на службу ...»—«Кстати и *благоприлично* здѣсь привести одинъ примѣръ тогдашняго его мышленія...»—*Старецъ* признавался дочери: «Ахъ, на закатѣ жизни трудно человѣческому уму обитать въ развалинахъ тѣла!» И, однакоже, вѣчно юный умъ и соображеніе *старца* теплились и сіяли въ дряхлѣющемъ тѣлѣ». Врядъ ли не подъ вліяніемъ этой статьи съ ея извитіями словесъ, въ родѣ подчеркнутаго, у Тургенева явился эпитетъ «благопотребный старецъ». Указаніе на мѣсто жительства Кеандрыки въ Одессѣ является біографическою чертою для Стурдзы.

«Благопотребный старецъ» Кеандрыка былъ для Тургенева предметомъ насмѣшки. Но упоминаніе о немъ въ «Рудинѣ» отражаетъ не только отношеніе къ Стурдзѣ автора, но вообще тогдашнихъ литературныхъ круговъ не консервативнаго направленія, т.-е. тѣхъ редакціи петербургскихъ журналовъ, о которыхъ бросаетъ замѣчаніе Погодинъ. Тургеневъ діалогомъ Пандалевскаго и Липиной хотѣлъ сказать, что такихъ дѣятелей, какъ Стурдза, въ противоположность утвержденію «Москвитянина», въ Россіи не знаютъ: Липина и «не слыхивала» его имени. Кромѣ того, упоминаніе о Кеандрыкѣ-Стурдзѣ имѣетъ художественное значеніе для освѣщенія личности главнаго героя романа. Рудинъ, говорящій передъ Ласунской «о значеніи просвѣщенія и науки, объ университетахъ и жизни университетской вообще», изощряется въ краснорѣчіи на эти темы передъ лицомъ, принадлежащимъ къ кругу Стурдзы, который за свое сочиненіе, направленное противъ германскихъ университетовъ, въ 1818 году былъ даже вызванъ на дуэль студентомъ графомъ Бухгольцомъ. Но Рудинъ такъ далекъ отъ дѣйствительности, что не разбирается во всемъ этомъ.

ГЛАВА II

V. *Домъ Дарьи Михайловны Ласунской... сооруженный по рисункамъ Растрелли во вкусѣ прошедшаго столѣтія.*—Архитекторъ, итальянецъ по происхожденію, графъ Растрелли работалъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ (умеръ въ 1771 году). Ему принадлежитъ проектъ самаго большого и величественнаго Зимняго Дворца въ Петроградѣ. Въ литературныхъ описаніяхъ имя Растрелли служитъ для указанія художественной старины зданій, напр. у Мельникова-Печерскаго въ повѣстки «Старые годы»: «По ту сторону Заборья высятся на горѣ палаты князей Заборовскихъ. Величествен-

ный дворецъ, строенный въ прошломъ столѣтіи по плану Растрелли, угрюмо смотритъ на новую, развившуюся подъ его ногами дѣятельность».

VI. *«Салонъ уже начался».*—Салоны—явленіе преимущественно французской общественной жизни XVIII и XIX вѣковъ. Салонъ, это—кружокъ лицъ, собиравшихся въ домѣ какой-либо дамы, выдѣлявшейся умомъ и красотою. Такъ какъ во Франціи въ салоны входили писатели и политическіе дѣятели, то они пріобрѣли большое вліяніе на литературную и политическую жизнь. Въ нашей литературѣ изображеніе французской салонной жизни находимъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» Карамзина. Будучи въ Парижѣ, Н. М. Карамзинъ посѣтилъ салонъ госпожи Гло***, «ученой дамы», которая «любитъ обходиться съ авторами»; собравшіеся говорили, большею частью, о политикѣ. Какъ вообще проводили время въ салонахъ, объ этомъ Карамзину разсказываетъ аббатъ Н*: «У маркизы Д* съѣзжались самыя модныя парижскія дамы, знатные люди, славнѣйшіе остроумцы; один играли въ карты, другіе судили о житейской философіи, о нѣжныхъ чувствахъ, пріятностяхъ, красотѣ, вкусѣ; по четвергамъ у графини А* собирались глубокомысленные политики обоего пола, сравнивали Мабли (политическаго писателя) съ Ж. Жакомъ (Руссо); тамъ по субботамъ у баронессы Ф* читалъ М* примѣчанія свои на книгу Бытія, изъясняя любопытнымъ женщинамъ свойство древняго хаоса и представляя его въ такомъ ужасномъ видѣ, что слушательницы падали въ обморокъ отъ великаго страха».

Въ первой четверти XIX столѣтія мода на салоны стала проникать и въ русское великосвѣтское общество. Изображеніемъ петербургскаго салона фрейлины Анны Павловны Шереръ начинается романъ гр. Л. Н. Толстого «Война и миръ». Есть картина Мясоѣдова, изображающая салонъ княгини Зинаиды Волконской: роскошный залъ съ колоннами; за столомъ хозяйка салона; тутъ же Хомяковъ, Жуковскій, Пушкинъ, Баратынскій, князь Вяземскій и другіе. Польскій поэтъ Мицкевичъ читаетъ свои стихи.

Въ примѣненіи къ собранію въ домѣ Ласунской, состоящему, за исключеніемъ Пигасова, только изъ обитателей дома, Тургеневъ употребляетъ слово *салонъ* въ ироническомъ смыслѣ, отмѣчая комическую сторону въ характерѣ Ласунской, желающей походить на французскихъ дамъ, дѣятельницъ салоновъ, хотя въ ея деревенскомъ салонѣ совсѣмъ нѣтъ людей, которые могли бы поддерживать умственное настроеніе. Этимъ объясняется, почему она рѣшила «приласкать» незнакомаго ей Рудина: онъ очень подходилъ для этой цѣли.

VII. *Разсказъ Пигасова о помѣщицѣ Еленѣ Антоновнѣ Чепузовой.*—Когда Ласунская не повѣрила тому, что Пигасовъ толкнулъ въ бокъ колѣномъ «замѣчательно неестественную барышню», между ними произошелъ слѣдующій діалогъ:

— Послѣ этого,—сказалъ Пигасовъ,—вы, пожалуй, также не повѣрите, что наша сосѣдка Чепузова, Елена Антоновна, сама,

замѣтьте, сама мнѣ разсказала, какъ она уморила своего роднаго племянника?

— Вотъ еще выдумали!

— Позвольте, позвольте! Выслушайте и судите сами. Замѣтьте, я на нее клеветать не желаю, я ее даже люблю, насколько, т.-е., можно любить женщину; у ней во всемъ домѣ нѣтъ ни одной книги, кромѣ календаря, и читать она не можетъ иначе, какъ вслухъ — чувствуетъ отъ этого упражненія испарину и жалуется потомъ, что у нея глаза пупомъ полѣзли... Словомъ, женщина она хорошая, и горничныя у ней толстыя. Зачѣмъ мнѣ на нее клеветать?

— Ну,—замѣтила Дарья Михайловна,—взобрался Африканъ Семенычъ на своего конька—теперь не слѣзетъ съ него до вечера.

Послѣ этого замѣчанія Ласунской Пигасовъ начинаетъ говорить вообще о женщинахъ, какъ бы забывая про свое намѣреніе разсказать о Чепузовой и ея племянникѣ. Такимъ образомъ, упоминаніе о нихъ имѣетъ въ себѣ что-то недоговоренное. Такъ оно и есть, потому что въ журнальной редакціи романа разсказъ о Чепузовой былъ приведенъ полностью. Послѣ словъ: «Зачѣмъ мнѣ на нее клеветать?» Пигасовъ продолжаетъ: «Ну-съ, встрѣчаю я Чепузову, говорю ей: «Вашъ племянникъ, я слышалъ, скончался»; а она мнѣ: «скончался, батюшка Африканъ Семенычъ, скончался; и вообразите себѣ; говоритъ она, приходитъ ко мнѣ мой племянникъ и говоритъ: тетенька, говоритъ, я что-то нездоровъ. А у самого внутри такъ и переливаетъ: бу, бу, бу, бу, бу, бу, бу, бу.... у... у... у, бу, бу, бу,. у... у... у... Онъ мнѣ говоритъ: животъ, тетенька, у меня болитъ, а я ему: врешь,—это у тебя пахъ болитъ! пахъ! пахъ! Онъ свое твердитъ, я ему: это у тебя пахъ! пахъ! пахъ! Лечи пахъ! Что же вы думаете вѣдь, не послушался и померъ. А замѣтьте,— подхватилъ съ торжествующимъ лицомъ Пигасовъ: вѣдь отъ холеры умеръ племянникъ, отъ холеры, а Чепузова: пахъ! пахъ!

— Что за пустяки! Что за пустяки! — твердила сквозь смѣхъ Дарья Михайловна.

— Да клянусь же вамъ честью, такъ и кричитъ: пахъ! пахъ! Оглушила даже, въ такой азартъ вошла. Словно перестрѣлка поднялась. Пахъ! пахъ! такъ пристала... насилу отвязалась.

Впослѣдствіи Тургеневъ выпустилъ это мѣсто подъ вліяніемъ замѣчанія С. Т. Аксакова, который писалъ ему 7 февраля 1856 года: Какъ при вашемъ вкусѣ, тактѣ и чувствѣ приличія могла написаться извѣстная страница (я разумѣю: бурчаніе въ животѣ), страница въ началѣ повѣсти. Воля ваша, а этому причиною цинизмъ петербургскаго общества» («Русское Обозрѣніе», 1894 г., XII, 578).

VIII. *Грибоѣдовскій стихъ, приводимый Дарьею Михайловною.* — «Ну, ты, батюшка, я вижу, неисправимъ, хоть брось»,—возразила Дарья Михайловна, слегка искажая Грибоѣдовскій стихъ.

У Грибоѣдова въ «Горѣ отъ ума» (IV, 8): «А ты, мой батюшка, неисцѣлимъ, хоть брось».

Искаженіе Ласунскою Грибоѣдовскаго стиха имѣетъ для ея характеристики то же значеніе, что и ея неудачная попытка, въ IV главѣ, въ разговорѣ съ Рудинымъ, привести русскую пословицу: «Съ больной... какъ это говорится..., съ больного на здороваго». Дарья Михайловна хочетъ порисоваться тѣмъ, что она знаетъ русскую литературу и народную рѣчь, но ни въ той, ни въ другой она нисколько не свѣдуща. Въ той же IV главѣ Тургеневъ говоритъ о Ласунской: «Дарья Михайловна изъяснялась по-русски. Она щеголяла знаніемъ родного языка, хотя галлицизмы, французскія словечки попадались у ней частенько. Она съ намѣреніемъ употребляла простые народные обороты, но не всегда удачно. Ухо Рудина не оскорблялось странной пестротой рѣчи на устахъ Дарьи Михайловны, да и врядъ ли имѣлъ онъ на это ухо».

Все это—черты отчужденности общества Муффелей, Ласунскихъ и Рудина—отъ русской національной стихіи, противъ чего въ XII главѣ протестуетъ Лежневъ.

IX. *Насмѣшка Пигасова надъ малорусскимъ языкомъ и литературою.*— «Если бы у меня были лишнія деньги, я бы сейчасъ сдѣлался малороссійскимъ поэтомъ,—сказалъ Пигасовъ.

— Это что еще? Хорошъ поэтъ!—возразила Дарья Михайловна: развѣ вы знаете по-малороссійски?

— Нимало; да оно и ненужно.

— Какъ ненужно?

— Да такъ же, ненужно. Стоитъ только взять листъ бумаги и написать наверху: «Дума»; потомъ начать такъ: «гой, ты доля моя, доля!» или: «сѣде казачино Наливайко на курганѣ», а тамъ: «пониджъ горою, по-пидъ зеленою, грае, грае, воропае, гопъ! гопъ!» или что-нибудь въ этомъ родѣ. И дѣло въ шляпѣ. Печатай и издавай. Малороссъ прочтетъ, подопретъ рукою щеку и непремѣнно заплачетъ,—такая чувствительная душа!

— Помилуйте!—воскликнулъ Басистовъ.—Что вы это такое говорите? Это ни съ чѣмъ несообразно. Я жилъ въ Малороссіи, люблю ее и языкъ ея знаю... «грае, грае воропае»—совершенная безсмыслица.

— Можетъ-быть, а хохолъ все-таки заплачетъ. Вы говорите: языкъ... Да развѣ существуетъ малороссійскій языкъ? Я попросилъ разъ одного хохла перевести слѣдующую, первую попавшуюся мнѣ фразу: «грамматика есть искусство правильно читать и писать». Знаете, какъ онъ это перевелъ: «храматыка є выскусьтво правыльно чытаты ы пысаты...» Что жъ, это языкъ, по-вашему? Самостоятельный языкъ? Да скорѣй, чѣмъ съ этимъ согласиться, я готовъ позволить лучшаго своего друга истолочь въ ступѣ...»

Въ словахъ Пигасова, можетъ-быть, сказалось насмѣшливо-скептическое отношеніе самого Тургенева къ малорусской литературѣ. Вѣроятность такого предположенія подтверждается письмомъ Тургенева къ извѣстной малорусской писательницѣ Маріи Александровнѣ Марковичъ (псевдонимъ Марко Вовчокъ) отъ 22 мая 1861 года, по поводу издававшагося Бѣлозерскимъ и

Кулишомъ журнала «Основа», посвященнаго малорусской исторіи и литературѣ и печатавшагося наполовину по-малорусски, наполовину на литературномъ русскомъ языкѣ. «Мнѣ дали,—писалъ Тургеневъ,—четыре номера «Основы», изъ которыхъ я могъ заключить, что выше малороссійскаго племени нѣтъ ничего въ мірѣ и что въ особенности мы, великороссы, дрянь и ничтожество. А мы, великороссы, поглаживаемъ себѣ бороду, посмѣиваемся и думаемъ: пускай дѣти потѣшатся, пока еще молоды. Вырастутъ—подумаютъ. А теперь они еще отъ собственныхъ словъ пьянѣютъ. И журналъ у нихъ на такой славной бумагѣ—и Шевченко такой великій поэтъ... Тѣшьтесь, тѣшьтесь, малыя дѣти». («Минувшіе годы», 1908, VIII, 91.)

ГЛАВА III.

X. *Нападки Пигасова на общія разсужденія.*—«Всѣ эти,—говоритъ Пигасовъ,—такъ называемыя, общія разсужденія, гипотезы тамъ, системы... извините меня... никуда не годятся. Это все одно умствованіе—этимъ только людей морочатъ. Передавайте, господа, факты, и будетъ съ васъ... Смерть моя, эти общія разсужденія, обозрѣнія, заключенія. Все это основано на такъ называемыхъ убѣжденіяхъ; всякій толкуетъ о своихъ убѣжденіяхъ, и еще уваженія къ нимъ требуетъ, носится съ ними...»

Философско-идеалистическое направленіе молодыхъ представителей русскаго общества 30-хъ годовъ, разсуждавшихъ не иначе, какъ съ точки зрѣнія метафизическихъ началъ, находилъ въ нѣкоторыхъ кругахъ общества отрицательное отношеніе. Такъ, проф. Московскаго университета С. П. Шевыревъ въ письмѣ къ Н. В. Гоголю несочувственно отзывается объ увлеченіяхъ подобнымъ направленіемъ мысли Константина Сергѣевича Аксакова, одного изъ главныхъ представителей славянофильства: «Историческіе взгляды (его) и взгляды на народную жизнь и пѣсню весьма живые, свѣтлые, новые. Но Гоголь подпустилъ дыму, иногда и въ смыслъ, а всего болѣе въ слогъ. Что дѣлать? Я люблю душою Константина, несмотря на всѣ его увлеченія. Все въ немъ течетъ изъ такого чистаго, прекраснаго источника: душа сильная и благородная. Но фантазія преобладаетъ въ немъ иногда и увлекаетъ его туда, куда не слѣдуетъ. Тѣмъ онъ вредитъ и прекраснымъ своимъ мыслямъ... Его дѣло было бы изучать народный бытъ, языкъ, пѣсни, преданія, пословицы. Но Гоголь до сихъ поръ всему мѣшаетъ. Нѣмцы напустили такого туману въ эту славную русскую голову, что она до сихъ поръ отъ этого болитъ». (Отчетъ «Имп. Публ. Библ.» 1893 г.) Такъ же относился къ философскимъ увлеченіямъ Константина Аксакова другой проф. того же университета историкъ М. П. Погодинъ: «Непріятнѣйшія извѣстія о К. Аксаковѣ,—записываетъ онъ въ своемъ дневникѣ 30-хъ годовъ.—Новое направленіе. Толкуютъ о философіи. Дѣйствительно, можетъ причинить вредъ». (Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», IV, 307). Такъ про

себя или другъ другу жаловались на философское направленіе друзья молодыхъ идеалистовъ. Литературные же и общественные враги сдѣлали это направленіе предметомъ открытыхъ нападокъ и насмѣшекъ. Особенно выдѣлялся въ этомъ отношеніи незаурядный писатель, издатель «Библіотеки для Чтенія», О. И. Сенковскій, славившійся въ свое время подъ псевдонимомъ баронъ Брамбеусъ.—«Неистощимое,—говоритъ по этому поводу П. В. Анненковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»—часто дѣльное и почти всегда ѣдкое остроуміе Сенковскаго, глумившагося надъ русской quasi-наукой, старалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, удалить всякую серьезную попытку къ самостоятельному труду и отравить насмѣшкой источники, къ которымъ трудъ этотъ могъ бы обратиться». Нападки на философскія стремленія сдѣлались въ кругу такихъ журналистовъ консервативно-охранительнаго направленія, какъ Сенковскій, Ѳаддей Булгаринъ, Н. И. Гречъ, своего рода знаменемъ. Поэтому, когда Н. А. Полевой, спасая свое существованіе послѣ закрытія издававшагося имъ журнала «Московскій Телеграфъ» за статью, показавшуюся непатріотическою, сталъ писать въ «Сынѣ Отечества» Греча, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ "перешелъ на сторону враговъ философскаго движенія въ Россіи,—говоритъ Анненковъ... Отзываясь теперь презрительно и насмѣшливо о молодыхъ попыткахъ отыскать какія-то особенныя начала для жизни и мысли, безъ справки съ опытомъ и условіями времени, Полевой думалъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ въ томъ кругу людей и понятій, къ которымъ примкнулъ послѣ паденія «Московскаго Телеграфа».

Философское направленіе становится предметомъ комическаго изображенія также на страницахъ беллетристическихъ произведеній. Такъ, романистъ К. Масальскій въ повѣсти «Донъ-Кихотъ» изображалъ помѣщика Левкоева, увлекавшагося философіей, какъ герой Сервантеса рыцарскими подвигами: «Едва рѣчь, даже слегка и мимоходомъ, касалась философіи, какъ въ головѣ его возставалъ хаосъ, въ которомъ всѣ отвлеченныя выраженія новѣйшихъ философовъ: дуализмъ, идеализмъ! идеотизмъ, трансцендентализмъ, макрокосмъ, микрокосмъ, потенцъ, индивидуальность, реальность, объективность, субъективность и прочая, безпорядочно летали и кружили, какъ хлопья снѣга во время сильной вьюги». За это Левкоева собираются помѣстить въ домъ сумасшедшихъ. Въ другой повѣсти В. А. Ушакова «Піюша», совершенно прозрачно выводится Бѣлинскій, подъ именемъ Висяши, что представляетъ комическую передѣлку имени критика—Виссаріонъ. Этотъ Висяша, судилъ и рядилъ о Фихте и Гегелѣ и былъ такъ убѣжденъ въ тождествѣ міровъ идеальнаго и реальнаго, что смѣло называлъ презрѣнными невѣждами тѣхъ, которые не понимали знаменитаго тождества. Въ особенности плѣнился Висяша Шеллинговымъ я». Онъ получилъ деньги «изъ московскихъ журналовъ за трансцендентальную и верхоглядную критику, т.-е. за то, что людьми порядочными называется бранью въ печати».

Такимъ образомъ, въ обществѣ 30-хъ годовъ намѣчается въ нѣкоторыхъ кругахъ оппозиція философскому направленію. Художественнымъ выраженіемъ этого въ романѣ «Рудинъ» и является озлобленный Пигасовъ, нападающій на убѣжденія.

XI. *Токвиль.* «Читали ли вы эту книгу? C'est de Tocqueville, vous-avez?»

И Дарья Михайловна протянула Рудину французскую брошюру.

Рудинъ взялъ тоненькую книжонку въ руки, перевернулъ въ ней нѣсколько страницъ и, положивъ ее обратно на столъ, отвѣчалъ, что собственно этого сочиненія г-на Токвиля онъ не читалъ, но часто размышлялъ о затронутомъ имъ вопросѣ. Разговоръ завязался».

Токвиль—французскій политическій дѣятель и писатель первой половины XIX в. Показывая его брошюру Рудину, Ласунская тѣмъ самымъ давала понять, что она серьезная женщина, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это было средствомъ возбудить серьезный разговоръ, котораго такъ недоставало для ея салона.

XII. *Рудинъ—путешествующій принцъ.* «Рудинъ подошелъ къ Натальѣ. Она встала: лицо ея выразило замѣшательство. Волынцевъ, сидѣвшій подлѣ нея, тоже всталъ.—«Я вижу фортепіано, началъ Рудинъ мягко и ласково, какъ путешествующій принцъ:—не вы ли играете на немъ?»

Этимъ мѣстомъ, какъ доказательствомъ отрицательнаго отношенія къ Рудину самого автора, пользуется проф. И. И. Ивановъ въ книгѣ «И. С. Тургеневъ. Жизнь, личность, творчество»:—«На его взглядъ,—говоритъ о Тургеневѣ г. Ивановъ,—герой комиченъ съ самаго начала. «Я вижу фортепіано, началъ Рудинъ мягко и ласково, какъ путешествующій принцъ...», и вы чувствуете,—такое заключеніе можно сдѣлать объ артистѣ, только что вызвавшемъ эффектъ, для него вполнѣ привычный и интересный лишь по чужимъ впечатлѣніямъ. Онъ блистательно исполнилъ свою роль и хочетъ отдохнуть на игрѣ другихъ. Подобное настроеніе врядъ ли доступно человѣку, минутой раньше съ такой горячностью разрѣшавшему міровые вопросы, врядъ ли доступно, при одномъ условіи, если самые вопросы хватаютъ его за сердце, тѣсно срослись съ его нравственной природой. И какъ естественнымъ является замѣчаніе—также авторское—о впечатлѣніи m-lle Boncourt: Рудинъ «въ ея глазахъ былъ чѣмъ-то въ родѣ виртуоза или артиста». Невольно спрашиваешь: «зачѣмъ авторъ счелъ необходимымъ сообщить намъ, что думаетъ объ его героѣ существо совершенно безличное и не играющее въ романѣ никакой роли?»

ГЛАВА IV.

XIII. *Madame Récamier.*—«Дарья Михайловна «одѣлась просто, но изящно, à la madame Récamier!»

Жанна Рекамье (1777—1849 г.) была душою одного изъ самыхъ извѣстныхъ парижскихъ салоновъ 30—40 гг. XIX вѣка. Она отли-

чалась необыкновенной красотою и о впечатлѣніи, которое она производила, говоритъ слѣдующій случай. Въ 1797 году, во времена директоріи, когда Наполенъ Бонапартъ возвратился изъ Италіи, въ честь его былъ устроенъ торжественный праздникъ въ залахъ Люксембургскаго дворца. Во время рѣчи одного изъ членовъ правительства, обращенной къ Бонапарту, присутствовавшая на торжествѣ Рекамье, чтобы лучше видѣть послѣдняго, приподнялась со своего мѣста,—и публика, забывъ о виновникѣ торжества, восхищенная красотою Рекамье, стала смотрѣть только на нее и даже вполголоса выражать свое удивленіе, чѣмъ вызвала недовольство Бонапарта. Въ ея салонѣ постоянными собесѣдниками были такія литературныя знаменитости, какъ Ламартинъ и Шатобріанъ. Съ послѣднимъ Рекамье была въ очень тѣсной дружбѣ, и, когда онъ умеръ, ея жизнь какъ будто изсякла: Рекамье пережила Шатобріана только однимъ годомъ.

Одною изъ отличительныхъ особенностей Рекамье была нелюбовь къ пышнымъ нарядамъ и дорогимъ украшеніямъ. Обычно она носила простое, но изящное бѣлое платье, и только на шеѣ у нея было ожерелье.

Ласунская, воображавшая себя такою же знаменитостью, какъ дѣятельницы извѣстныхъ французскихъ салоновъ, стремилась походить въ данномъ случаѣ на одну изъ наиболѣе знаменитыхъ въ Парижѣ салонныхъ дамъ.

XIV. *Canning—Каннингъ.*—«Вошелъ дворецкій, человѣкъ высокаго роста, сѣдой и плѣшивый, въ черномъ фракѣ, бѣломъ галстукѣ и бѣломъ жилетѣ. — «Что ты? — спросила Дарья Михайловна и, слегка обратясь къ Рудину, прибавила вполголоса:— «n'est ce pas, comme il ressemble à Canning?»

Въ исторіи политической жизни Англіи извѣстно два Каннинга: одинъ Джорджъ (ум. 1827 г.), другой—сынъ перваго Чарльзъ-Джонъ, современникъ героевъ романа «Рудинъ». Указывая на сходство дворецкаго съ однимъ изъ англійскихъ политическихъ дѣятелей, Ласунская подчеркиваетъ свое знаніе Европы.

ГЛАВА V

XV. *«Поэзія—языкъ боговъ».*—Называя поэзію языкомъ боговъ, Рудинъ повторяетъ идеи романтической эстетики. Романтики высоко ставили идеалъ поэзіи и искусства вообще. Шеллингъ далъ этой идеализаціи искусства философское обоснованіе въ сочиненіи «Система трансцендентальной философіи», проводя ту мысль, что художникъ творитъ, побуждаемый не какими-либо внѣшними причинами, а состояніемъ его собственной души. И изъ этой независимости искусства отъ внѣшнихъ причинъ и цѣлей вытекаетъ святость, божественность искусства.

XVI. *Самообличенія Рудина.*—«Онъ говорилъ прекрасно, горячо, убѣдительно—о позорѣ малодушія и лѣни, о необходимости дѣлать дѣло. Онъ осыпалъ самого себя упреками, доказывалъ,

что разсуждать напередъ о томъ, что хочешь сдѣлать, такъ же вредно, какъ накалывать булавкой наливающійся плодъ, что это только напрасная трата силъ и соковъ».

По поводу самообличеній Рудина проф. Ивановъ говоритъ: «Рудинъ склоненъ сурово нападать на себя самого, но эти нападки такой же ораторскій турниръ, какъ и всѣ другія разсужденія краснорѣчиваго виртуоза. Для Рудина развѣнчивать себя — не глубокая нравственная мука, а то же самонаслажденіе, какое испытывалъ Печоринъ, разсказывая княжнѣ Мэри всевозможные ужасы про себя и про свою жизнь. Это обычная уловка байронствующихъ комедіантовъ, — окружить себя мрачнымъ отчаяннымъ ореоломъ самоотрицанія, чтобы вызвать сочувствіе въ отзывчивомъ отуманенномъ сердцѣ женщины. Пріемъ, до тонкости извѣстный Печорину. Лермонтовскій герой, прочитавши предъ княжной Мэри «эпитафію» самому себѣ, замѣчаетъ: «Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ блистали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали, ей было жаль меня! Сострадание — чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце». Тотъ же расчетъ у Рудина. Рудинъ не ошибается. Вы съ перваго же появленія героя увѣрены: Наталья полюбитъ Рудина».

XVII. *«О честности высокой говоритъ».* — «Я увѣрена, — говоритъ Александра Павловна Лежневу, — что, кромѣ ума, у него (Рудина) и сердце должно быть отличное. Вы взгляните на его глаза, когда онъ... — «О честности высокой говоритъ»... — подхватилъ Лежневъ.

Со стороны Лежнева это не просто цитата подвернувшагося стиха изъ «Горе отъ ума» (IV, 4). Язвительный смыслъ этого стиха въ приложеніи къ Рудину становится яснымъ, если припомнить, что это говоритъ Репетиловъ объ Удушьевѣ Ипполитѣ Маркелычѣ:

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
И крѣпко на руку нечистъ;
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ;
Когда жъ о честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ:
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ.

XVIII. *Синій чулокъ.* — «Я встрѣтился съ Рудинымъ за границей. Тамъ къ нему одна барыня привязалась, изъ нашихъ русскихъ, синій чулокъ какой-то, ужъ не молодой и некрасивый, какъ оно и слѣдуетъ синему чулку».

«Синій чулокъ» — названіе, примѣнявшееся въ Россіи къ женщинамъ, желавшимъ казаться интересующимися исключительно вопросами науки и политики. Выраженіе это пошло изъ Англіи, гдѣ въ XVIII столѣтіи такъ назывались мужчины и женщины, презиравшіе карточную игру и признававшіе только серьезные разговоры. Возникло оно потому, что главный поборникъ этого направленія въ обществѣ Штиллингфлитъ носилъ синіе чулки.

ГЛАВА VI.

XIX. *Прошло два мѣсяца.* Въ теченіе всего этого времени Рудинъ почти не выѣзжалъ отъ Дарьи Михайловны».

По этому поводу проф. Орестъ Миллеръ замѣчаетъ: «Въ пылу очарованія даже Басистову студенту не приходитъ въ голову спросить: какъ это человѣкъ, пріѣхавшій случайно, съ чужими порученіями, засиживается на нѣсколько мѣсяцевъ и только и дѣлаетъ, что ораторствуетъ?»

XX. *Отношеніе Рудина къ членамъ дома Ласунской.*— «Басистовъ продолжалъ благоговѣть передъ Рудинымъ и ловить на-лету каждое его слово. Рудинъ мало обращалъ на него вниманія. Какъ-то разъ онъ провелъ съ нимъ цѣлое утро, толковалъ съ нимъ о самыхъ важныхъ міровыхъ вопросахъ и задачахъ и возбудилъ въ немъ живѣйшій восторгъ; но потомъ онъ его бросилъ... Видно, онъ только на словахъ искалъ чистыхъ и преданныхъ душъ».—«Послѣ самой Дарьи Михайловны Рудинъ ни съ кѣмъ такъ часто и такъ долго не бесѣдовалъ, какъ съ Натальей».

Несмотря на полную опредѣленность словъ самого автора, что Рудинъ не искалъ «чистыхъ и преданныхъ душъ», т.-е. въ его отношеніяхъ къ своимъ слушателямъ не было ничего искренняго и идейнаго, критики старались подыскать различныя объясненія отношенію Рудина къ Дарьѣ Михайловнѣ и Басистову. Проф. О. Миллеръ говоритъ: «Рудинъ, очевидно, воображаетъ, что онъ дѣлаетъ дѣло: онъ привыкъ видѣть дѣло въ безплодномъ ораторствованіи, онъ успѣлъ уже на это убить значительную часть своей жизни. Онъ, очевидно, и изъ этой пустѣйшей Ласунской создаетъ себѣ, силой воображенія, такую почву, которая способна воспринимать обильное сѣмя его рѣчей, и такимъ образомъ разыгрывающееся воображеніе доставляетъ богатую пищу его самолюбію».

Предложеніе О. Миллера противорѣчитъ признанію самого Рудина, сдѣланному имъ въ этомъ при воспоминаніи о Ласунской: «Я зналъ въ душѣ, что изъ словъ моихъ ничего не выйдетъ».

По отношенію къ Басистову Рудину воображать ничего не приходилось, такъ какъ Басистовъ «ловилъ на-лету каждое его слово», отчего же Рудинъ «его бросилъ»?

Проф. Ивановъ разъясняетъ этотъ вопросъ иначе: «Артисту,— говоритъ онъ,— нужна самая впечатлительная и благодарная публика. А такая публика прежде всего женская,—Рудинъ ораторствуетъ, «вдохновленный близостью молодыхъ женщинъ», «увлеченный потокомъ собственныхъ ощущеній». Онъ часто бесѣдуетъ съ Натальей и удѣляетъ едва одно утро Басистову».

XXI. «Рудинъ, казалось, и не очень заботился о томъ, чтобы она (Наталья) его понимала—лишь бы слушала его».

Проф. Ивановъ объясняетъ это тѣмъ, что Рудинъ бесѣдуетъ съ Натальей «именно, какъ виртуозъ: ему важенъ эффектъ, а не идейное вліяніе рѣчей».

XXII. *«Фаустъ» Гёте.*—А. И. Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ «Былое и думы», разсказывая про кружокъ московскихъ идеалистовъ 30-хъ годовъ, группировавшихся вокругъ Н. В. Станкевича, изображаемаго въ «Рудинѣ» подъ именемъ Покорскаго, говоритъ объ отношеніи членовъ этого кружка къ «Фаусту» Гёге. Знаніе Гёге, особенно второй части Фауста (оттого ли, что она хуже первой, или оттого, что труднѣе ея), было столько же обязательно, какъ имѣть платье».

XXIII. *Гофманъ.*—Гофманъ—одинъ изъ виднѣйшихъ нѣмецкихъ романтиковъ конца XVIII и начала XIX вѣка. Отличительною чертою его творчества является тѣсное сплетеніе дѣйствительнаго и чудеснаго, производящее на читателя жуткое впечатлѣніе. Его произведенія: «Котъ-Мурръ», «Эликсиръ Сатаны», «Серапіоновы братья» и др. Фантастическое творчество Гофмана оказало вліяніе на нѣкоторыхъ русскихъ писателей. Его усматриваютъ въ творчествѣ Гоголя, періода «Вечеровъ на хуторѣ» и «Петербургскихъ повѣстей», въ произведеніяхъ Антона Погорѣльскаго (Перовскаго): «Двойникъ, или мои вечера въ Малороссіи», «Черная курица», въ произведеніи кн. В. Ѳ. Одоевскаго «Русскія ночи» и даже въ сочиненіяхъ Ѳ. М. Достоевскаго начальнаго періода его литературной дѣятельности (напр., въ «Двойникѣ»).

Московскіе идеалисты 30-хъ годовъ, увлекавшіеся философіею Шеллинга, содержавшею цѣлое ученіе о духѣ художника, должны были особенно интересоваться Гофманомъ, какъ это показываютъ слѣдующія слова Герцена: «Хотите ли вы знать, что такое душа художника, насколько она отдѣлена отъ души обыкновеннаго человѣка, души съ запахомъ земли, души, въ которой запачкано божественное начало? Хотите ли взойти во внутренность ея, въ этотъ храмъ идеала, къ которому рвется художникъ и котораго никогда во всей чистотѣ не можетъ исторгнуть изъ души своей? Хотите ли видѣть, какъ бурны его страсти, слѣдовать за нимъ? Читайте Гофмановы повѣсти: онѣ вамъ представятъ самое полное развитіе жизни художника во всѣхъ фазахъ ея» («Знаменитые современники. Гофманъ»).

XXIV. *Письма Беттины.*—«Переписка Гёте съ ребенкомъ», Беттины фонъ Арнимъ, вышедшая въ 1835 г., считается одною изъ лучшихъ книгъ нѣмецкой романтики. Беттина фонъ Арнимъ, будучи 22-лѣтнею дѣвушкою, влюбилась въ 60-лѣтняго Гёте и начала съ нимъ переписку, которую опубликовала подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Тургеневъ былъ лично знакомъ съ Беттиною, встрѣчаясь съ нею, въ бытность студентомъ Берлинскаго университета, въ русской семьѣ Фроловыхъ.

XXV. *Новалисъ.*—Фридрихъ Гарденбергъ, извѣстный подъ литературнымъ именемъ Новалиса,—одинъ изъ типичнѣйшихъ нѣмецкихъ романтиковъ XVIII вѣка. Наибольшею извѣстностью пользуются его «Гимны ночи», полные грустныхъ чувствъ, вызванныхъ смертью четырнадцатилѣтней невѣсты автора, и неоконченный

романъ «Генрихъ фонъ Офтердингенъ», въ которомъ возводится въ апоѳеозъ поэтическая фантазія. Въ нѣмецкой романтической литературѣ Новалисъ—первый писатель, у котораго сказалась поэтическая идеализація средневѣковья и особенно католицизма (въ статьѣ «Христіанство или Европа»); онъ былъ ненавистникъ лютеранства.

XXVI. *Германская поэзія.*—«Рудинъ былъ весь погруженъ въ германскую поэзію, въ германскій романтическій и философскій и увлекалъ ее (Наталью) за собой въ тѣ заповѣдныя страны. Невѣдомыя, прекрасныя, раскрывались онѣ передъ ея внимательнымъ взоромъ; со страницъ книги, которую Рудинъ держалъ въ рукахъ, дивные образы, новыя, свѣтлыя мысли такъ и лились звенящими струями ей въ душу и въ сердцѣ ея, потрясенномъ благодарной радостью великихъ ощущеній, тихо вспыхивала и разгоралась святая искра восторга...»

О сильномъ вліяніи нѣмецкой романтической литературы на идеалистически настроенную молодежь 30-хъ годовъ свидѣтельствуетъ П. В. Анненковъ: «Теперь (писано въ 1856—7 гг.) трудно и повѣрить, сколько обновляющихъ и исправительныхъ началъ принесла нѣмецкая поэзія молодымъ людямъ 30-хъ годовъ, когда открылось у насъ дѣятельное сближеніе съ нею. Мечты юности были здѣсь воспитателями сердца и души, любой поэтическій образъ—нравственнымъ представленіемъ, вдохновенный афоризмъ—обязательнымъ правиломъ для жизни. Пламенный стихъ Шиллера и Гёте хранился какъ орудіе на борьбу съ своими и чужими эгоистическими страстями и передавался такъ другимъ. Поэма, романъ, трагедія и лирическое произведеніе служили кодексомъ для разумнаго устройства своего внутренняго міра. Безъ преувеличенія можно сказать въ отношеніи къ Станкевичу (см. дальше) и его кругу, что поэзія сдѣлалась учительницей ихъ, тѣмъ, чѣмъ она была съ перваго появленія своего на свѣтъ».

Таково было нравственное вліяніе нѣмецкой литературы. Не менѣе велико было также ея вліяніе на развитіе ума.—«Въ произведеніяхъ этой литературы,—продолжаетъ Анненковъ,—свободная фантазія пѣвца безпрестанно касается философскихъ положеній, часто даже и зарождается она въ области чистой мысли. Иногда также, по требованіямъ своей природы, она уступаетъ дорогу мысли и подъ конецъ въ ней пропадаетъ, какъ песчинка въ полномъ блескѣ солнца. Легко представить себѣ, какъ должны были дѣйствовать на молодой пытливый умъ безпрестанные намеки поэзіи, которую онъ изучалъ съ такою жадностью, и какъ пораженъ былъ онъ особеннымъ родомъ величія, заимствуемаго ею отъ непосредственнаго соучастія мысли...»

«Чѣмъ смѣлѣе выдавалась мысль изъ среды поэтическаго образа, тѣмъ напряженнѣе становились усилія отыскать ея полное значеніе и возвести до общаго положенія, которое могло бы сдѣлать ее независимою пояснительницею всѣхъ случаевъ жизни. Попытки эти обыкновенно выражались лирическимъ языкомъ, исполнен-

нымъ страстнаго увлеченія, и много было еще въ нихъ неопредѣленнаго, смутнаго и произвольнаго...»

«Еще многіе помнятъ ту почти непрерывную цѣпь эстетическихъ потрясеній, которыя почерпалъ кругъ Станкевича ежечасно изъ свойствъ и сущности германскаго міросозерцанія, отраженнаго литературой народа. Общій характеръ, лежащій въ основаніи нѣмецкой поэзіи, постоянно держалъ людей этихъ среди одухотворенной, проясненной и возвеличенной имъ природы. Вмѣсто одной скромной, студенческой жизни своей, они окружены были тысячью жизней, движеніемъ, такъ сказать, многоразличныхъ существованій, кажущихся мертвыми и бездушными простому глазу».

XXVII. *Взгляды Рудина на любовь.*—Въ разговорѣ съ Натальей Рудинъ говоритъ: «Любовь! въ ней все тайна: какъ она приходитъ, какъ развивается, какъ исчезаетъ. То является она вдругъ, несомнѣнная, радостная какъ день, то долго тлѣетъ, какъ огонь подъ золой, и пробивается пламенемъ въ душѣ, когда уже все разрушено; то вползаетъ она въ сердце какъ змѣя, то вдругъ выскользнетъ изъ него вонъ... Да, да, это вопросъ важный. Да и кто любитъ въ наше время, кто дерзнетъ любить?»

Эти слова Рудина о любви показываютъ, что онъ придаетъ ей какой-то особенный, таинственный смыслъ. «Кто дерзнетъ любить?» спрашиваетъ Рудинъ, обнаруживая этимъ высокое, неземное пониманіе любви. Такъ, дѣйствительно, смотрѣли на любовь московскіе идеалисты 30-хъ годовъ. Взгляды на этотъ предметъ одного изъ нихъ—Н. В. Станкевича—П. Н. Милюковъ («Изъ исторіи русской интеллигенціи», 1902 г.)) излагаетъ въ такомъ видѣ: «Любовь—это слово, кажется, чаще какого-либо другого упоминается въ письмахъ Станкевича до середины 30-хъ годовъ. Но далеко не всегда оно имѣетъ у него свой обыкновенный смыслъ. Любовь для Станкевича—это прежде всего міровая сила, давшая жизнь міру и всему, что въ немъ живо. Въ человѣкѣ любовь—это высшій и лучшій способъ чувствовать свое единство съ міромъ; въ то же время это и высшее проявленіе преимущества человѣка, какъ существа сознательнаго, надъ остальными частями мірозданія. Культивируя въ себѣ *человѣческое*, т.-е. то, что возвышаетъ человѣка надъ вселенной, мы исполняемъ высочайшую задачу, возложенную на насъ Провидѣніемъ. А это *человѣческое* заключается въ любви, дружбѣ и искусствѣ» (Статья: «Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ»).

XXVIII. *Печоринство въ характерѣ Рудина.* «Рудинъ прошелся по комнатѣ.—Замѣтили ли вы,—заговорилъ онъ, круто повернувшись на каблукахъ,—что на дубѣ—а дубъ крѣпкое дерево—старые листья только тогда отпадаютъ, когда молодые начнутъ пробиваться?—Да,—медленно возразила Наталья,—замѣтила.—Точно то же случается и со старой любовью въ сильномъ сердцѣ: она уже вымерла, но все еще держится; только другая, новая любовь можетъ ее выжить.—Наталья ничего не отвѣтила. «Что это значитъ?» подумала она. Рудинъ постоялъ, встряхнулъ волосами и удалился.

А Наталья пошла къ себѣ въ комнату. Долго сидѣла она въ недоумѣніи на своей кроваткѣ, долго размышляла о послѣднихъ словахъ Рудина и вдругъ сжала руки и горько заплакала».

К. С. Аксаковъ въ письмѣ къ Тургеневу, говоря о Рудинѣ, обмолвился о Печоринѣ: «Лѣтъ десять тому назадъ,—писалъ онъ,—вы бы изобразили Рудина совершеннымъ героемъ. Нужна была зрѣлость созерцанія для того, чтобы видѣть пошлость рядомъ съ необыкновенностью, дрянность рядомъ съ достоинствомъ, какъ въ Рудинѣ. Вывести Рудина было очень трудно, и вы эту трудность побѣдили... Теперь вы Печорина, конечно, выставили бы не героемъ».

Проф. Ивановъ подробно развиваетъ это сопоставленіе Рудина съ Печоринымъ по поводу разговора Тургеневскаго героя съ Натальею о старой любви.

«Аксаковъ бросилъ будто случайно намекъ на Печорина: на самомъ дѣлѣ, воспоминанія о печоринствѣ преслѣдуютъ насъ на каждой страницѣ рудинской исторіи.

«Припомните одинъ изъ многочисленныхъ разговоровъ Рудина съ Натальей—о любви. Рудинъ говоритъ особенно часто объ этомъ предметѣ, онъ намѣренъ даже писать трактатъ о трагическомъ значеніи любви. Почему именно о трагическомъ? Отнюдь не потому, что самъ авторъ испыталъ или вообще способенъ испытать любовную трагедію, а потому, что трагедія несравненно эффектнѣе, романтичнѣе, чѣмъ обыкновенная, общечеловѣческая психологія любви. Рудинъ немедленно создаетъ картинную иллюстрацію.

(Приводится выписанная выше сцена).

«Что значитъ эта притча—Наталья не понимаетъ. Но пониманія и не требуется Рудину. Ему необходимо ослѣпить воображеніе и захватить чувство,—и возможно больше театральнаго тумана.

«Конецъ сцены превосходенъ.

«Рудинъ постоялъ, встряхнулъ волосами, и удалился».

«Картина—прямо изъ опернаго либретто. И картина весьма старая, но неотразимая для Татьянъ, Марій, Наталій. Нужна тайна—и сердце дѣвушки неизбѣжно запутается въ сѣтяхъ. Такъ ведетъ себя Онѣгинъ среди деревенскихъ мечтательницъ. Печоринъ съ княжной Мери, «принявъ глубоко тронутый видъ», разсказываетъ иносказательную исторію о томъ, какъ онъ отрѣзалъ одну мертвую половину своей души и бросилъ, «тогда какъ другая шевелилась»... Послѣдствія всюду одинаковыя. Татьяна не спитъ ночей въ смутной мучительной тоскѣ, княжна Мери окончательно подавлена сладкимъ ужасомъ загорающейся страсти, Наталья «долго размышляла о послѣднихъ словахъ Рудина и вдругъ сжала руки и горько заплакала».

«Въ основѣ столь могущественной таинственности лежитъ капля все того же яда—разочарованіе. Рудинъ щеголяетъ въ старомъ плащѣ россійскихъ чайльдъ-гарольдовъ. Нарядъ сильно потертъ, но Рудинъ успѣшно обновляетъ маскарадъ пріемами, не-

извѣстными его предшественникамъ. Тѣ черпали репертуаръ загубленныхъ чувствъ и загадочныхъ рѣчей у Байрона и байронидовъ. Рудинъ пользуется германской философіей и поэзіей — совершенно противоположнаго духа, чѣмъ байронизмъ. Чайльдъ-Гарольды усиливались все отрицать и надо всѣмъ смѣяться: Рудинъ, напротивъ, зоветъ своихъ слушателей въ царство восторженной вѣры, вдохновенной мысли, всеобъемлющихъ идеаловъ. Но вѣдь нашъ бѣдный міръ такъ мало отвѣчаетъ поэтическимъ призывамъ и идеальнымъ стремленіямъ. Краснорѣчивымъ гегельянцамъ далеко не всегда приходится встрѣчать радостно-трепетную публику въ родѣ Натальи и Басистова, рѣдко рѣчи ихъ льются среди молчанія роскошной ночи, подъ шубертовскую музыку,—и гегельянство, слѣдовательно, прямымъ путемъ можетъ привести къ тоскѣ и «холоду сердечному».

XXIX. *Рудинъ—Тартюфъ.*—«По-вашему, Рудинъ—Тартюфъ какой-то,—говоритъ Липина Лежневу.—Въ томъ-то и дѣло, что онъ даже не Тартюфъ. Тартюфъ, тотъ, по крайней мѣрѣ, зналъ чего добивался,—отвѣчаетъ Лежневъ».

Тартюфъ, герой комедіи Мольера,—лицемѣръ на религіозно-нравственной почвѣ. Прикидываясь богомольнымъ, высоко-нравственнымъ и смиреннымъ человѣкомъ, Тартюфъ пріобрѣтаетъ довѣріе Оргона, поселяется въ его домѣ, распоряжается въ немъ, слѣдитъ за домашними, а самъ ухаживаетъ за женою Оргона и и, наконецъ, завладѣваетъ его домомъ; дѣлаетъ на Оргона клеветническій доносъ и при помощи судебныхъ властей пытается выселить своего покровителя изъ его собственнаго дома.

Липина припоминаетъ Тартюфа, потому что Лежневъ раньше назвалъ Рудина «актеромъ» и охарактеризовалъ его роль въ домѣ Ласунской такими словами: «Быть идоломъ, оракуломъ въ домѣ, вмѣшиваться въ распоряженія, въ семейныя сплетни и дрязги—неужели это достойно мужчины?»

XXX. *Покорскій.*—По поводу образа Покорскаго Тургеневъ говоритъ: «Когда я изображалъ Покорскаго, образъ Станкевича носился предо мною, но все это только блѣдный очеркъ» («Вѣстникъ Европы», 1899, январь).

Николай Владиміровичъ Станкевичъ родился въ 1813 г. въ Воронежской губ. въ семьѣ богатаго помѣщика. Учился въ Острогожскомъ уѣздномъ училищѣ, въ пансіонѣ въ Воронежѣ и Московскомъ университетѣ, гдѣ явился центромъ кружка идеалистически настроенной молодежи, между которою были такія лица, какъ Бѣлинскій и Конст. Аксаковъ. Болѣе всего въ это время Станкевича занимала философія. Вспоминая свои университетскіе годы, Станкевичъ писалъ одному изъ близкихъ пріятелей, Невѣрову: «Въ старые годы я ставилъ единое благо въ философіи—такъ и должно было думать. То былъ возрастъ непреодолимой жажды къ знанію, возрастъ вѣры въ силы ума и возрастъ сомнѣній въ старыхъ шаткихъ вѣрованіяхъ. Надо было дать пищу душѣ, надобно было смирить междоусобіе въ ея нѣдрахъ, надобно было запастись побужденіями къ дѣятель-

ности. Система смѣнялась системою, но кругъ знаній расширялся, и высокіе предметы изслѣдованія поставили душу выше благъ міра сего». Члены кружка при посредствѣ Станкевича пріобщались къ философскимъ интересамъ, что вліяло на ихъ образованіе и умственное развитіе. Бѣлинскій познакомился съ нѣмецкою философіею почти только черезъ Станкевича. По окончаніи университета Станкевичъ нѣкоторое время готовится къ магистерскому экзамену по исторіи, но оставляетъ это и занимаетъ должность почетнаго смотрителя Острогожскаго уѣзднаго училища. Въ 1835 году Станкевичъ возвращается въ Москву, гдѣ продолжаетъ занятія философіей; въ 1837 году уѣзжаетъ за границу, слушаетъ лекціи въ Берлинскомъ университетѣ, а въ 1840 году умираетъ въ Италіи отъ чахотки.

Значеніе Станкевича въ исторіи русской литературы и общественности основывается исключительно на умственномъ и моральномъ вліяніи, которое онъ имѣлъ на другихъ лицъ, явившихся крупными литературными дѣятелями.

Въ «Рудинѣ» Станкевичъ изображается историческими чертами.

Лежневъ разсказываетъ, что «Покорскій былъ на видъ тихъ и мягокъ... Человѣкъ онъ былъ нервическій, нездоровый; зато, когда онъ расправлялъ свои крылья,—Боже! куда ни залеталъ онъ! въ самую глубь и лазурь неба!»

Анненковъ же говоритъ о Станкевичѣ, что онъ былъ человѣкъ «болѣзненный, тихій по характеру, поэтъ и мечтатель».

Характеризуя вліяніе Покорскаго, Лежневъ говоритъ, что ему «всѣ отдавались сами собой».

То же говоритъ Бѣлинскій о Станкевичѣ въ письмѣ къ Бакунину: «Станкевичъ никогда и ни на кого не налагалъ авторитета, а всегда и для всѣхъ былъ авторитетомъ, потому что всѣ добровольно и невольно сознавали превосходство его натуры надъ своею». О томъ же свидѣтельствуетъ Анненковъ: «Еще въ университетской аудиторіи онъ сталъ центромъ кружка товарищей, равныхъ ему по свѣдѣніямъ, но подчинившихся охотно (какъ способны только подчиняться люди въ молодые годы свои) вліянію свѣтлаго ума, благороднаго сердца и строгихъ нравственныхъ требованій. Станкевичъ дѣйствовалъ обаятельно всѣмъ своимъ существомъ на сверстниковъ: это былъ живой идеалъ правды и чести, который въ раннюю пору жизни страстно и неутомимо ищется молодостью, живо чувствующею свое призваніе».

Лежневъ указываетъ на то, что нравственное вліяніе Покорскаго на нѣкоторыхъ впослѣдствіи было заглушено жизнью: «Эхъ! славное было время тогда, и не хочу я вѣрить, чтобы оно пропало даромъ! Да оно и не пропало,—не пропало даже для тѣхъ, которыхъ жизнь опошлила потомъ... Сколько разъ мнѣ случалось встрѣтить такихъ людей, прежнихъ товарищей! Кажется, совсѣмъ звѣремъ сталъ человѣкъ, а стоитъ только произнести при немъ имя Покорскаго—и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелятся, точно

ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ забытую стклянку съ духами...»

Точно такъ же и Анненковъ отмѣчаетъ, что образъ мыслей и духъ Станкевича не сказывались впослѣдствіи въ людяхъ, которые когда-то находились подъ его вліяніемъ: «Нельзя сказать,—говоритъ онъ,—чтобы все, прикасавшееся къ Станкевичу, оставалось навсегда подъ вліяніемъ его образа мыслей или было проникнуто духомъ его строгаго направленія: иные неспособны были вполнѣ усвоить примѣра его, у другихъ жизнь и нерадѣніе заглушили благодатныя зерна; но какъ тѣ, такъ и другіе, при жизни Станкевича, были нравственно подняты имъ и были, хоть на мгновеніе, выше себя».

Объясняя причину вліянія Станкевича на окружающихъ, Тургеневъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Станкевичъ оттого такъ дѣйствовалъ на другихъ, что самъ о себѣ не думалъ, истинно интересуясь каждымъ человѣкомъ, и, какъ бы самъ того не замѣчая, увлекалъ его вслѣдъ за собою въ область идеала. Фразы въ немъ слѣда не было. Невозможно передать словами, какое онъ внушалъ къ себѣ уваженіе, почти благоговѣніе».

Душевныя черты Покорскаго отражаютъ личность Станкевича, но внѣшнія условія жизни послѣдняго были иныя, чѣмъ у Покорскаго. Станкевичъ былъ богатый человѣкъ, Тургеневъ для усиленія художественнаго впечатлѣнія идеальной личности Покорскаго изображаетъ его бѣднякомъ.

Тургеневъ познакомился со Станкевичемъ въ Берлинѣ въ 1839 году и особенно сблизился съ нимъ во время совмѣстнаго пребыванія въ Римѣ въ 1840 году.

Смерть Станкевича вызвала глубоко-скорбное письмо Тургенева къ Т. Н. Грановскому: «Насъ постигло великое несчастье. Едва я могу собраться съ силами писать. Мы потеряли человѣка, котораго мы любили, въ кого мы вѣрили, кто былъ нашею гордостью и надеждою... Я оглядываюсь, ищу—напрасно. Кто изъ нашего поколѣнія можетъ замѣнить нашу потерю? Кто достойный приметъ отъ умершаго завѣщаніе его великихъ мыслей и не дастъ погибнуть его вліянію, будетъ итти по его дорогѣ, въ его духѣ, съ его силой?.. Отчего не умирать другому, тысячѣ другихъ, мнѣ, напр.? Когда же придетъ то время, что болѣе развитый духъ будетъ непремѣннымъ условіемъ высшаго развитія тѣла? Зачѣмъ на землѣ можетъ гибнуть и страдать прекрасное?.. Но нѣтъ, мы не должны унывать. Сойдемся, дадимъ другъ другу руки, станемъ тѣснѣе: одинъ изъ нашихъ упалъ, быть-можетъ, лучшій. Но возникаютъ другіе; рука Бога не перестаетъ сѣять въ души зародыши великихъ стремленій, и—рано ли, поздно ли—свѣтъ побѣдитъ тьму».

Такія свѣтлыя мысли внушала Тургеневу память о Станкевичѣ. Естественно, что, изображая настроеніе молодежи 30-хъ годовъ, онъ не могъ пройти мимо образа Станкевича и увѣковѣчилъ его въ лицѣ Покорскаго. Кромѣ того, нравственный обликъ Станкевича отразился въ «Яковѣ Пасынковѣ» Тургенева.—«Онъ говорилъ,—характеризуетъ авторъ своего героя,—вообще мало и съ замѣтнымъ

затрудненіемъ; но когда одушевлялся, рѣчь его лилась свободно и странное дѣло!—голосъ его становился тише, взоръ его какъ будто уходилъ внутрь и погасалъ, а все лицо слабо разгоралось. Въ устахъ его слова: «добро» «истина», «жизнь», «наука», «любовь», какъ бы восторженно они ни произносились, никогда не звучали ложнымъ звукомъ. Безъ напряженія, безъ усилія вступалъ онъ въ область идеала; его цѣломудренная душа во всякое время была готова предстать передъ «святыню красоты», она ждала только привѣта, прикосновенія другой души»...

Одинъ эпизодъ изъ воспоминаній Тургенева о Станкевичѣ воспроизведенъ имъ въ «Яковѣ Пасынковѣ». Однажды въ Римѣ, поднимаясь по лѣстницѣ въ четвертый этажъ, Станкевичъ началъ читать стихотвореніе Пушкина «Предчувствіе»:

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ...

Но вдругъ онъ остановился, кашлянулъ и поднесъ платокъ къ губамъ—на немъ была кровь. «Я невольно содрогнулся,—разсказываетъ Тургеневъ,—а онъ только улыбнулся и дочелъ стихотвореніе до конца». Эта способность забываться передъ поэтическимъ впечатлѣніемъ, съ реминисценціей того же стихотворенія, воспроизведена и въ «Яковѣ Пасынковѣ». Передъ смертью Яковъ Пасынковъ проситъ своего пріятеля почитать ему. Тотъ беретъ Лермонтова. «Пушкинъ выше, конечно,—говоритъ умирающій Пасынковъ.»—Помнишь: «Снова тучи надо мною собралися въ тишинѣ...» или «Въ послѣдній разъ твой образъ милый дерзаю мысленно ласкать...» Ахъ, чудо! чудо!..»

Н. А. Добролюбовъ придаетъ такимъ личностямъ, какъ Станкевичъ, абсолютное значеніе, безотносительно къ тому, проявила ли данная личность какую-либо дѣятельность или нѣтъ. Когда въ 1857 году вышла книга П. В. Анненкова о Станкевичѣ, содержавшая его біографію и переписку, въ «Библіотекѣ для Чтенія» (редакціи А. В. Дружинина) появилась статья о книгѣ, въ которой авторъ, соглашаясь, что Станкевичъ былъ «чрезвычайно замѣчательною» личностью, ставилъ, однако, вопросъ: имѣетъ ли онъ «право на имя нравственнаго и общественнаго дѣятеля въ той степени, которая можетъ придать человѣку значеніе?» Н. А. Добролюбовъ доказываетъ, что Станкевичъ уже потому имѣетъ право на историческое вниманіе, что онъ имѣлъ сильное вліяніе на Бѣлинскаго, Грановскаго и Кольцова, но, помимо того, личность Станкевича имѣетъ общественное значеніе безъ отношенія къ кому-либо другому.

«У насъ, говоритъ Добролюбовъ, еще недостаточно развито уваженіе къ нравственному достоинству отдѣльныхъ личностей; у насъ еще нерѣдко можно слышать такое разсужденіе: «онъ мнѣ ничего худого не сдѣлалъ: могу ли я назвать его негодяемъ?» Или такое: «что мнѣ уважать его? мнѣ отъ него ни тепло, ни холодно!»

Понятно, что люди съ такими понятіями и удивлены, и раздражены тѣмъ, что имъ смѣютъ говорить объ общественномъ значеніи человѣка, который не только пирамиды не выстроилъ, Америку не открылъ, пороху не выдумалъ, но даже ни одного благотворительнаго бала не сдѣлалъ, даже ни одной толстой книги не сочинилъ. Преувеличенныя похвалы Станкевичу намъ самимъ кажутся излишними и несправедливыми; сравнивать его съ Сократомъ, идеи котораго разнесены по свѣту нѣсколькими Платонами, намъ никогда не приходило въ голову. Но, съ другой стороны, мы считаемъ крайне несправедливымъ и то отрицаніе, съ которымъ многіе относятся къ этой прекрасной, возвышенной личности. Кто признаетъ права личности и принимаетъ важность естественнаго, живого, свободнаго ея развитія, тотъ пойметъ и значеніе Станкевича какъ въ самомъ себѣ, такъ и для общества».

XXXI. *Философскія идеи кружка Покорскаго.* «Нашъ кружокъ,—разсказываетъ Лежневъ,—состоялъ, говоря по совѣсти, изъ мальчиковъ—и недоученныхъ мальчиковъ. Философія, искусство, наука, самая жизнь—все это для насъ были одни слова, пожалуй, даже понятія, заманчивыя, прекрасныя, но разбросанныя, разъединенныя. Общей связи этихъ понятій, общаго закона мы не сознавали, не осязали, хотя смутно толковали о немъ, силились отдать себѣ въ немъ отчетъ... Слушая Рудина, намъ впервые показалось, что мы, наконецъ, схватили ее, эту общую связь, что поднялась наконецъ завѣса! Положимъ, онъ говорилъ не свое—что за дѣло, но стройный порядокъ водворялся во всемъ, что мы знали, все разбросанное вдругъ соединялось, складывалось, выростало передъ нами, точно зданіе, все свѣтлѣло, духъ вѣялъ всюду... Ничего не оставалось безсмысленнымъ, случайнымъ; во всемъ высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и, въ то же время, таинственное; каждое отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами, съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія, съ сладкимъ сердечнымъ трепетомъ чувствовали себя какъ бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призванными къ чему-то великому...»

Московскіе идеалисты 30-хъ годовъ находились подъ вліяніемъ философскихъ системъ двухъ германскихъ профессоровъ—Фридриха Шеллинга (1775—1854) и Георга Гегеля (1770—1831); оба преподавали философію въ Іенѣ.

Ученіе Шеллинга носитъ названіе натуръ-философіи, потому что оно стремится дать философское объясненіе жизни природы, при чемъ идеи Шеллинга отмѣчены эстетическими интересами. Въ общемъ, онѣ сводятся къ слѣдующему. Въ природѣ нѣтъ раздѣленія на духъ и матерію. Все существующее есть развитіе единой силы, которую Шеллингъ опредѣляетъ, какъ абсолютное тождество. Такимъ образомъ, вся природа едина въ своей основѣ. Она постоянно пребываетъ въ процессѣ внутренняго творчества, саморазвитія. Наивысшей ступенью этого развитія въ природѣ является человѣкъ, потому что въ человѣкѣ наиболѣе всего выражена творя-

щая сила, и въ его лицѣ природа достигаетъ сознанія. Но болѣе всего творческая сила, которою обладаетъ человѣкъ, проявляется въ художникѣ-поэтѣ, который какъ бы въ миніатюрѣ повторяетъ творческую дѣятельность природы. Поэтому, изучая художественное творчество, мы вмѣстѣ съ тѣмъ постигаемъ творческія тайны природы. Отсюда возвышенный взглядъ Шеллинга на поэта.

Гегель такъ же, какъ и Шеллингъ, признавалъ только одно абсолютное начало въ мірѣ. Это—идея, міровой Разумъ, который осуществляется какъ во всей природѣ, такъ и въ человѣкѣ. Въ природѣ, однако, міровой Разумъ, Духъ не достигаетъ полнаго развитія,—природа только ступень къ дальнѣйшему развитію Разума. Сущности своей міровой Духъ достигаетъ лишь въ человѣкѣ, но не въ отдѣльной геніальной личности—художникѣ, поэтѣ,—какъ училъ Шеллингъ, а въ объективныхъ проявленіяхъ жизни человѣчества во всей его совокупности, сказываясь въ области права и государства, искусства, религіи и нравственности. Жизнь человѣчества, проявляющаяся въ указанныхъ формахъ, представляетъ высшую ступень развитія абсолютнаго Разума.

Въ томъ, что передаетъ Лежневъ объ идеяхъ, занимавшихъ кружокъ Покорскаго, нельзя усмотрѣть вліянія какой-либо одной изъ указанныхъ философскихъ системъ. Слова Лежнева обладаютъ настолько общимъ характеромъ, что въ нихъ содержаніе свободно укладываются и мысли Шеллинга и ученіе Гегеля, такъ какъ и тотъ и другой одинаково вносили стройность въ міросозерцаніе и наполняли вѣяніемъ духа вселенную.

Неотразимое впечатлѣніе, какое производила философія на членовъ кружка Покорскаго, вполнѣ передаетъ то настроеніе, которое въ дѣйствительности внушало знакомство съ нѣмецкою философіей русскимъ идеалистамъ 30-хъ годовъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Анненковъ: «Какимъ-то торжествомъ, свѣтлымъ, радостнымъ чувствомъ исполнилась жизнь, когда указана была возможность объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому, навсегда пропасть, раздѣляющую два міра, и сдѣлать изъ нихъ единый сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи, вѣчнаго разума. Съ какой юношеской и благородной гордостью понималась тогда часть, предоставленная человѣку въ этой всемірной жизни! По свойству и праву мышленія, онъ переносилъ видимую природу въ самого себя, разбиралъ ее въ нѣдрахъ собственнаго сознанія,—словомъ, становился ея центромъ, судьею и объяснителемъ. Природа была поглощена имъ и въ немъ же воскресала для новаго, разумнаго и одухотвореннаго существованія. Какъ удовлетворялось высокое нравственное чувство со знаніемъ, что право на такую роль во вселенной не давалось человѣку по наслѣдству, какъ имѣніе, утвержденное давнимъ владѣніемъ! Чѣмъ свѣтлѣе отражался въ немъ самомъ вѣчный духъ, всеобщая идея, тѣмъ полнѣе понималъ онъ ея присутствіе во всѣхъ другихъ сферахъ жизни. На концѣ всего воззрѣнія стояли нравственныя обязанно-

сти, и одна изъ необходимѣйшихъ обязанностей —высвобождать въ себѣ самомъ божественную часть мiровой идеи отъ всего случайнаго, нечистаго и ложнаго, для того, чтобъ имѣть право на блаженство дѣйствительнаго разумнаго существованiя».

Увлеченiе философскими системами доходило, однако, у московскихъ идеалистовъ до крайности. «Молодые философы,—говоритъ А. И. Герценъ,—испортили себѣ пониманiе; отношенiе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманiе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ генiально смѣялся Гёте въ своемъ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ. Все въ самомъ дѣлѣ непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категорiи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобъ отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ, и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмелькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцiю народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленiи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ «гемюту» или къ трагическому въ сердцѣ».

Насмѣшку надъ такимъ книжнымъ отношенiемъ къ самымъ простымъ явленiямъ находимъ также въ романѣ «Рудинъ». Пигасовъ разсказываетъ о героѣ произведенiя (XII глава): «Безпрерывно развиваясь (эти господа все развиваются: другiе, напримѣръ, просто спятъ или ѣдятъ, а они находятся въ моментѣ развитiя спанья или ѣды...). Итакъ, развиваясь постоянно, Рудинъ дошелъ, путемъ философiи, до того умозаключенiя, что ему должно влюбиться».

Философскiе интересы кружка Станкевича не остались безъ влiянiя на дѣятельность тѣхъ его членовъ, которые вышли на литературную дорогу. Такъ, идеи Шеллинга и Гегеля нашли широкое отраженiе въ статьяхъ В. Г. Бѣлинскаго первой половины его литературной дѣятельности. Мысли о стройности мiрозданiя и о высокомъ нравственномъ назначенiи человѣка находимъ въ первой статьѣ Бѣлинскаго «Литературныя мечтанiя», написанной подъ непосредственнымъ впечатлѣнiемъ взглядовъ Шеллинга на природу, какъ на проявленiе одного начала, на человѣка, какъ сознательную ступень развитiя этого единаго начала, и на поэзiю, какъ на повторенiе творческаго процесса природы.

«Весь безпредѣльный прекрасный Божiй мiръ,—говоритъ Бѣлинскiй,—есть не что иное, какъ дыханiе единой вѣчной идеи (мысли единаго, вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразiи. Только пламенное чувство смертнаго можетъ постигать въ свои свѣтлыя мгновенiя, какъ велико тѣло этой души вселенной, сердце котораго составляютъ громадныя солнца, жилы—

пути млечные, а кровь—чистый эфиръ. Для этой идеи нѣтъ покоя: она живетъ безпрестанно, то-есть безпрестанно творитъ, чтобы разрушать, и разрушаетъ, чтобы творить. Она воплощается въ блестящее солнце, въ великолѣпную планету, въ блудящую комету; она живетъ и дышитъ—и въ бурныхъ приливахъ и отливахъ морей, и въ свирѣпомъ ураганѣ пустынь, и въ шелестѣ листьевъ, и въ журчаньи ручья, и въ рыканіи льва, и въ слезѣ младенца, и въ улыбкѣ красоты, и въ волѣ человѣка и въ стройныхъ созданіяхъ генія... Кружится колесо времени съ быстротой непостижимой, въ безбрежныхъ равнинахъ неба потухаютъ свѣтила, какъ истощившіеся вулканы, и зажигаются новыя; на землѣ проходятъ роды и поколѣнія и замѣняются новыми, смерть истребляетъ жизнь, жизнь уничтожаетъ смерть, силы природы борются, враждуютъ и умиротворяются силами посредствующими, и гармонія царствуетъ въ этомъ вѣчномъ броженіи, въ этой борьбѣ началъ и веществъ. Такъ идея живетъ: мы ясно видимъ это нашими слабыми глазами. Она мудра, ибо все предвидитъ, все держитъ въ равновѣсіи; за наводненіемъ и за лавой ниспосылаетъ плодородіе, за опустошительной грозой—чистоту и свѣжесть воздуха, въ пустыняхъ песчаной Аравіи и Африки поселила верблюда и страуса, въ пустыняхъ ледяного Сѣвера поселила оленя. Вотъ ея мудрость, вотъ ея жизнь физическая: гдѣ же ея любовь? Богъ создалъ человѣка и далъ ему умъ и чувство, да постигаетъ эту идею своимъ умомъ и знаніемъ, да пріобщается къ ея жизни въ живомъ и горячемъ сочувствіи, да раздѣляетъ ея жизнь въ чувствѣ безконечной зиждущей любви! Итакъ, она не только мудра, но и любяща! Гордись, гордись, человѣкъ, своимъ высокимъ назначеніемъ; но не забывай, что божественная идея, тебя родившая, справедлива и правосудна, что она дала тебѣ умъ и волю, которые ставятъ тебя выше всего творенія, что она въ тебѣ живетъ...»

Объ искусствѣ Бѣлинскій пишетъ: «Какое назначеніе и какая цѣль искусства?.. Изображать, воспроизводить въ словѣ, звукѣ, въ чертахъ и краскахъ идею всеобщей жизни природы: вотъ единая и вѣчная тема искусства! Поэтическое одушевленіе есть отблескъ творящей силы природы...»

Подъ вліяніемъ же философскихъ взглядовъ Гегеля Бѣлинскій написалъ двѣ статьи: «Очерки Бородинскаго сраженія. Ѳ. Глинки» и «Менцель, критикъ Гёте», о которыхъ можно сказать словами Погодина, относящимися къ К. С. Аксакову: «Гегель подпустилъ дымку въ смыслъ».

Философскія идеи кружка Станкевича отразилась также въ поэзіи А. В. Кольцова, который хорошо былъ знакомъ со Станкевичемъ и бывалъ въ его кружкѣ. Такъ, въ думѣ «Поэтъ» Кольцовъ повторяетъ идеи Шеллинга объ искусствѣ:

Властелинъ-художникъ
Создаетъ картину—
Великую драму,
Исторію царства.

Въ нихъ духъ вѣчной жизни
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ
Себя проявляетъ...

XXXII. *Участники кружка Покорскаго.*—«Взъерошенный поэтъ Субботинъ издаетъ, по временамъ и какъ бы во снѣ, отрывистыя восклицанія; сорокалѣтній буршъ, сынъ нѣмецкаго пастора, Шеллеръ, прослывшій между нами за глубочайшаго мыслителя, по милости своего вѣчнаго, ничѣмъ ненарушимаго молчанья, какъ-то особенно торжественно безмолвствуетъ; самъ веселый Щитовъ, Аристофанъ нашихъ сходокъ, утихаетъ и только ухмыляется».

Н. Л. Бродскій въ монографіи «Поэты кружка Станкевича» доказываетъ, что въ лицѣ «взъерошеннаго поэта» Субботина, котораго раньше Лежневъ называетъ «полусумасшедшимъ и милѣйшимъ поэтомъ кружка», изобразилъ одного изъ участниковъ кружка Станкевича—Василія Ивановича Красова.

«Даже среди друзей,—характеризуетъ его Н. Л. Бродскій,—восторженныхъ, экзальтированныхъ, чрезмѣрно богатыхъ чувствами, В. И. Красовъ занималъ исключительное мѣсто, какъ истый романтикъ, всегда горящій воодушевленіемъ, восторгомъ... Если для Бѣлинскаго, Герцена и другихъ людей того поколѣнія «алый свѣтъ юности постепенно замѣнился сѣвернымъ, яснымъ солнцемъ реальнаго пониманія», Красовъ долго продолжалъ жить въ мірѣ фантазіи, окружать жизнь «нимбомъ», вѣрить въ ея «чудныя сказки». Мечтатель, онъ всюду видѣлъ прекрасное, таинственное, чудесное. Въ каждомъ переулкѣ, гдѣ поселялся, встрѣчалъ чудныя существа и необычайныя происшествія, о которыхъ потомъ и разсказывалъ, прикрашивая и преувеличивая до фантастичнаго. Съ своими «находками» объяснялся чрезвычайно восторженно, и одна изъ тѣхъ глубокихъ натуръ, которыя все понимаютъ, послѣ поэтическаго монолога Красова, съ недоумѣніемъ спрашивала Станкевича, почему нельзя понять ни одного слова въ разговорѣ его друга? Душевная воспламеняемость его была изумительна. Какъ-то Станкевича, занимавшагося дома съ Красовымъ, позвали по одному дѣлу въ правленіе университета. Станкевичъ тотчасъ одѣлся и отправился. На полдорогѣ онъ слышитъ, что кто-то поспѣшно его догоняетъ. Онъ оборачивается и видитъ Красова въ полномъ студенческомъ мундирѣ, со шпагою. «Ты куда?» спрашиваетъ его Станкевичъ.—«За тобою, за тобою,—отвѣчаетъ Красовъ со слезами на глазахъ.—Я буду защищать тебя до послѣдней капли крови». Станкевичъ съ трудомъ вразумилъ его, что никакой опасности не предвидится... И такъ всегда было: Красовъ во всемъ готовъ былъ видѣть необычайное».

Красовъ родился въ 1810 году въ Кадниковѣ, Вологодской губ., гдѣ отецъ его былъ соборнымъ протоіереемъ; по окончаніи Вологодской семинаріи учился въ Московскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1835 г. Былъ преподавателемъ Черниговской гимназіи и, по рекомендаціи проф. М. П. Погодина, адъюнктомъ по каѳедрѣ

русской словесности въ университетѣ св. Владимира. Проф. Дашкевичъ такъ характеризуетъ университетское преподаваніе Красова: онъ «былъ даровитая поэтическая натура, но нисколько не профессоръ. Чтобы быть хорошимъ профессоромъ и ученымъ, ему не доставало ни свѣдѣній, ни терпѣнія къ пріобрѣтенію ихъ. Читалъ онъ, подъ вліяніемъ минуты, съ необыкновеннымъ жаромъ, но безъ обдуманнаго плана и предварительнаго приготовленія. Сверхъ того, у него была способность видѣть въ утрированномъ поэтическомъ свѣтѣ самыя обыкновенныя вещи. Впрочемъ, къ чести Красова должно сказать, что восторженность его была неподдѣльная, и жаръ, съ которымъ онъ читалъ лекціи, истекалъ прямо изъ свойствъ его поэтической личности». Въ 1838 году Красовъ защищалъ диссертацію «о главныхъ направленіяхъ въ англійской и нѣмецкой литературѣ съ конца XVIII вѣка», но на диспутѣ обнаружилъ, по мнѣнію факультета, «неопредѣлительныя мысли» и не былъ удостоенъ степени доктора. Поэтому Красовъ оставилъ университетъ и пѣшкомъ, вслѣдствіе отсутствія денегъ, отправился въ Москву, питаясь по дорогѣ хлѣбомъ. Матеріальное его положеніе было настолько плохо, что пріятели собирали между собою деньги для него. Но бѣдность не измѣнила его романтическаго настроенія. Грановскій писалъ объ этомъ Станкевичу: Красовъ «все тотъ же: зажмуритъ глаза и читаетъ стихи». Больной чахоткою, онъ умеръ въ бѣдности въ 1854 году. Данная Красову въ романѣ фамилія—Субботинъ, можетъ-быть, представляетъ намекъ на его духовное происхожденіе.

Въ лицѣ «сорокалѣтняго бурша» Шеллера, какъ можно догадываться, скрывается другой участникъ кружка Станкевича, другъ Герцена и Огарева, Николай Христофоровичъ Кетчеръ (1809—1886), шведъ по происхожденію. Кетчеръ окончилъ Медико-Хирургическую академію и служилъ въ Москвѣ. Въ русской литературѣ онъ извѣстенъ, какъ переводчикъ Шекспира, Гофмана и Шиллера. На Кетчера, какъ переводчика Шекспира, Тургеневъ написалъ эпиграмму:

Вотъ еще свѣтило міра—
Кетчеръ, другъ шипучихъ винъ;
Перепёръ онъ намъ Шекспира
На языкъ родныхъ осинъ!

По поводу же переводовъ Кетчера изъ Шиллера, Н. А. Полевой острилъ: «Штабъ-лѣкарь Кетчеръ—переводчикъ штабъ-лѣкаря Шиллера». Характеристику Кетчера даетъ А. В. Станкевичъ въ брошюрѣ: «Н. Х. Кетчеръ. Воспоминанія А. В. Станкевича. 1887 г.». Авторъ воспоминаній характеризуетъ Кетчера близко къ тому, что говоритъ о Шеллерѣ Лежневъ: «Кетчеръ былъ человѣкъ значительнаго ума, болѣе сильнаго и яснаго, чѣмъ гибкаго и тонкаго. Его мнѣнія и сужденія были, большею частію, похожи на короткіе категорическіе приговоры, въ оправданіе и объясненіе которыхъ онъ не любилъ и не умѣлъ пускаться... Свое признаніе, свое согласіе и сочувствіе высказывалъ Кетчеръ немногими словами, громкимъ одобре-

Въ нихъ духъ вѣчной жизни
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ
Себя проявляетъ...

XXXII. *Участники кружка Покорскаго.*—«Взъерошенный поэтъ Субботинъ издаетъ, по временамъ и какъ бы во снѣ, отрывистыя восклицанія; сорокалѣтній буршъ, сынъ нѣмецкаго пастора, Шеллеръ, прослывшій между нами за глубочайшаго мыслителя, по милости своего вѣчнаго, ничѣмъ ненарушимаго молчанья, какъ-то особенно торжественно безмолвствуетъ; самъ веселый Щитовъ, Аристофанъ нашихъ сходокъ, утихаетъ и только ухмыляется».

Н. Л. Бродскій въ монографіи «Поэты кружка Станкевича» доказываетъ, что въ лицѣ «взъерошеннаго поэта» Субботина, котораго раньше Лежневъ называетъ «полусумасшедшимъ и милѣйшимъ поэтомъ кружка», изобразилъ одного изъ участниковъ кружка Станкевича—Василія Ивановича Красова.

«Даже среди друзей,—характеризуетъ его Н. Л. Бродскій,—восторженныхъ, экзальтированныхъ, чрезмѣрно богатыхъ чувствами, В. И. Красовъ занималъ исключительное мѣсто, какъ истый романтикъ, всегда горящій воодушевленіемъ, восторгомъ... Если для Бѣлинскаго, Герцена и другихъ людей того поколѣнія «алый свѣтъ юности постепенно замѣнился сѣвернымъ, яснымъ солнцемъ реальнаго пониманія», Красовъ долго продолжалъ жить въ мірѣ фантазіи, окружать жизнь «нимбомъ», вѣрить въ ея «чудныя сказки». Мечтатель, онъ всюду видѣлъ прекрасное, таинственное, чудесное. Въ каждомъ переулкѣ, гдѣ поселялся, встрѣчалъ чудныя существа и необычайныя происшествія, о которыхъ потомъ и разсказывалъ, прикрашивая и преувеличивая до фантастичнаго. Съ своими «находками» объяснялся чрезвычайно восторженно, и одна изъ тѣхъ глубокихъ натуръ, которыя все понимаютъ, послѣ поэтическаго монолога Красова, съ недоумѣніемъ спрашивала Станкевича, почему нельзя понять ни одного слова въ разговорѣ его друга? Душевная воспламеняемость его была изумительна. Какъ-то Станкевича, занимавшагося дома съ Красовымъ, позвали по одному дѣлу въ правленіе университета. Станкевичъ тотчасъ одѣлся и отправился. На полдорогѣ онъ слышитъ, что кто-то поспѣшно его догоняетъ. Онъ оборачивается и видитъ Красова въ полномъ студенческомъ мундирѣ, со шпагою. «Ты куда?» спрашиваетъ его Станкевичъ.—«За тобою, за тобою,—отвѣчаетъ Красовъ со слезами на глазахъ.—Я буду защищать тебя до послѣдней капли крови». Станкевичъ съ трудомъ вразумилъ его, что никакой опасности не предвидится... И такъ всегда было: Красовъ во всемъ готовъ былъ видѣть необычайное».

Красовъ родился въ 1810 году въ Кадниковѣ, Вологодской губ., гдѣ отецъ его былъ соборнымъ протоіереемъ; по окончаніи Вологодской семинаріи учился въ Московскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1835 г. Былъ преподавателемъ Черниговской гимназіи и, по рекомендаціи проф. М. П. Погодина, адъюнктомъ по каѳедрѣ

русской словесности въ университетѣ св. Владимира. Проф. Дашкевичъ такъ характеризуетъ университетское преподаваніе Красова: онъ «былъ даровитая поэтическая натура, но нисколько не профессоръ. Чтобы быть хорошимъ профессоромъ и ученымъ, ему не доставало ни свѣдѣній, ни терпѣнія къ пріобрѣтенію ихъ. Читалъ онъ, подъ вліяніемъ минуты, съ необыкновеннымъ жаромъ, но безъ обдуманнаго плана и предварительнаго приготовленія. Сверхъ того, у него была способность видѣть въ утрированномъ поэтическомъ свѣтѣ самыя обыкновенныя вещи. Впрочемъ, къ чести Красова должно сказать, что восторженность его была неподдѣльная, и жаръ, съ которымъ онъ читалъ лекціи, истекалъ прямо изъ свойствъ его поэтической личности». Въ 1838 году Красовъ защищалъ диссертацію «о главныхъ направленіяхъ въ англійской и нѣмецкой литературѣ съ конца XVIII вѣка», но на диспутѣ обнаружилъ, по мнѣнію факультета, «неопредѣлительныя мысли» и не былъ удостоенъ степени доктора. Поэтому Красовъ оставилъ университетъ и пѣшкомъ, вслѣдствіе отсутствія денегъ, отправился въ Москву, питаясь по дорогѣ хлѣбомъ. Матеріальное его положеніе было настолько плохо, что пріятели собирали между собою деньги для него. Но бѣдность не измѣнила его романтическаго настроенія. Грановскій писалъ объ этомъ Станкевичу: Красовъ «все тотъ же: зажмуритъ глаза и читаетъ стихи». Больной чахоткою, онъ умеръ въ бѣдности въ 1854 году. Данная Красову въ романѣ фамилія—Субботинъ, можетъ-быть, представляетъ намекъ на его духовное происхожденіе.

Въ лицѣ «сорокалѣтняго бурша» Шеллера, какъ можно догадываться, скрывается другой участникъ кружка Станкевича, другъ Герцена и Огарева, Николай Христофоровичъ Кетчеръ (1809—1886), шведъ по происхожденію. Кетчеръ окончилъ Медико-Хирургическую академію и служилъ въ Москвѣ. Въ русской литературѣ онъ извѣстенъ, какъ переводчикъ Шекспира, Гофмана и Шиллера. На Кетчера, какъ переводчика Шекспира, Тургеневъ написалъ эпиграмму:

Вотъ еще свѣтило міра—
Кетчеръ, другъ шипучихъ винъ;
Перепёръ онъ намъ Шекспира
На языкъ родныхъ осинъ!

По поводу же переводовъ Кетчера изъ Шиллера, Н. А. Полевой острилъ: «Штабъ-лѣкарь Кетчеръ—переводчикъ штабъ-лѣкаря Шиллера». Характеристику Кетчера даетъ А. В. Станкевичъ въ брошюрѣ: «Н. Х. Кетчеръ. Воспоминанія А. В. Станкевича. 1887 г.». Авторъ воспоминаній характеризуетъ Кетчера близко къ тому, что говоритъ о Шеллерѣ Лежневъ: «Кетчеръ былъ человѣкъ значительнаго ума, болѣе сильнаго и яснаго, чѣмъ гибкаго и тонкаго. Его мнѣнія и сужденія были, большею частію, похожи на короткіе категорическіе приговоры, въ оправданіе и объясненіе которыхъ онъ не любилъ и не умѣлъ пускаться... Свое признаніе, свое согласіе и сочувствіе высказывалъ Кетчеръ немногими словами, громкимъ одобре-

ніемъ, крѣпкимъ пожатіемъ руки того, съ кѣмъ соглашался, иногда только радостно озарившимся лицомъ и улыбкой... Образъ жизни Кетчера, его обстановка и вкусы были своеобразны. Долго жилъ онъ одинокій и бездомный по неудобнымъ московскимъ квартирамъ, какъ живутъ *старые бурши*. Никакихъ привычекъ и потребностей удобствъ для него не существовало. Въ строгомъ порядкѣ содержались въ его жилищѣ только рабочій столъ и чернильница. Ни за работой, ни за ѣдой не выпускалъ онъ изо рта трубки или плохой дешевой сигары, въ дыму которыхъ еще фантастичнѣе представлялась его фигура, насупленныя брови, толстыя губы и цѣлая шапка косматыхъ, густыхъ и всклокоченныхъ волосъ».

А. И. Герценъ, вспоминая Кетчера, которому онъ посвятилъ цѣлый очеркъ, говоритъ о немъ, что, когда «ему было лѣтъ подъ сорокъ, онъ рѣшительно остался *старымъ студентомъ*».

Кто такой «веселый Щитовъ, Аристофанъ сходокъ», это разъясняетъ Н. Л. Бродскій въ указанной выше монографіи. Щитовъ-поэтъ Иванъ Петровичъ Клюшниковъ (1811—1895), о которомъ часто въ своей перепискѣ упоминаетъ Станкевичъ, изучавшій вмѣстѣ съ нимъ Канта и Шеллинга. Клюшниковъ обладалъ бойкимъ остроуміемъ, слѣды котораго остались въ его эпиграммахъ. Остроуміе его было настолько привычно для московской литературной среды, что, когда появился памфлетъ Бѣлинскаго «Педантъ», остроумно высмѣивавшій проф. С. П. Шевырева, Боткинъ приписалъ его Клюшникову. Анненковъ называетъ Клюшникова Мефистофелемъ московскаго кружка, такъ какъ онъ осмѣивалъ крайнія идеалистическія увлеченія его участниковъ. Свои стихотворенія Клюшниковъ подписывалъ греческою буквою Θ (ѳита); съ производною отсюда фамиліей Ѳитовъ можно сблизить фамилію Щитовъ.

XXXIII. *Рудинъ—Бакунинъ*.—Если даже упоминаемыя мелькомъ лица романа могутъ быть объяснены исторически, въ смыслѣ соотвѣтствія чертъ ихъ характеровъ опредѣленнымъ, существовавшимъ въ дѣйствительности личностямъ, то, конечно, и главное лицо романа—Рудинъ—не представляетъ всецѣло продукта творческой фантазіи Тургенева. «Въ основу Рудина,—вспоминаетъ одинъ авторъ слова Тургенева,—положенъ Бакунинъ. Я его хорошо зналъ и прожилъ съ нимъ, будучи студентомъ въ Берлинѣ, цѣлый годъ въ одной комнатѣ». (Воспоминанія А. Половцева, «Царь-Колоколъ» на 1887 г.). Еще болѣе достовѣрное свидѣтельство этому находимъ въ собственномъ письмѣ Тургенева отъ 1862 года 28 сентября къ малорусской писательницѣ М. А. Маркевичъ (Марко-Вовчокъ): «Что за человѣкъ Бакунинъ, спрашиваете вы? Я въ Рудинѣ представилъ довольно вѣрный его портретъ: теперь это—Рудинъ, не убитый на баррикадѣ».

Бакунинъ имѣлъ сильное вліяніе на кружокъ Станкевича. Послѣдній, вспоминаетъ Анненковъ, «суетливо отыскивалъ книги философскаго содержанія, старался учредить порядокъ въ чтеніи и обращался за совѣтами къ опытнымъ людямъ, знакомымъ съ историческимъ ходомъ германскаго мышленія. Когда

въ 1835 году вошелъ въ этотъ кругъ человѣкъ, надѣленный въ высшей степени способностями къ философскимъ занятіямъ, то стремленіе это получило еще большее развитіе». Этотъ человѣкъ былъ Бакунинъ.

Жизнь Михаила Александровича Бакунина была богата событіями. Родился онъ въ 1814 году въ Тверской губерніи, гдѣ отецъ его былъ предводителемъ дворянства. Въ 1832 г. Бакунинъ окончилъ артиллерійское училище и два года служилъ офицеромъ. По выходѣ въ отставку поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ примкнулъ къ кружку Станкевича. Въ 1840 г. уѣзжаетъ въ Германію, гдѣ сближается съ нѣмецкими соціалистами. Во Франціи близко знакомится съ извѣстными французскими писателями Прудономъ и Жоржъ-Зандъ и вступаетъ въ сношенія съ національными мастерскими; примыкаетъ къ польскимъ эмигрантскимъ комитетамъ, способствуя возбужденію революціоннаго движенія въ Польшѣ. Въ 1847 году, по распоряженію министра Гизо, Бакунинъ высылается изъ Парижа, но въ слѣдующемъ году возвращается туда и примыкаетъ къ революціи 1848 года; но такъ какъ Бакунинъ не имѣлъ никакой выдержки и мѣшалъ временному правительству, то и оно его выслало изъ Парижа. Затѣмъ Бакунинъ принимаетъ участіе въ возстаніи чеховъ, сражается на баррикадахъ въ Дрезденѣ и въ 1849 году попадаетъ въ руки саксонскаго правительства, которое приговариваетъ его къ смертной казни, но впослѣдствіи выдаетъ австрійскому правительству; послѣднее же передаетъ Бакунина русской власти. Въ 1857 году онъ былъ сосланъ въ Восточную Сибирь, откуда бѣжалъ черезъ шесть лѣтъ. Въ 1862 году участвуетъ въ журналѣ Герцена «Колоколъ». Не останавливаясь на одномъ мѣстѣ, агитируетъ, возбуждая революціонныя настроенія, въ Швеціи, Италіи и Испаніи и въ 1869 году основываетъ «Всемірный союзъ соціалистической демократіи». Въ 1876 году въ Бернѣ Бакунинъ уморилъ себя голодомъ.

Лица, близко знавшія Бакунина, даютъ ему характеристику, которую легко сблизить съ нѣкоторыми чертами Рудина.

Анненковъ говоритъ объ ораторскомъ талантѣ Бакунина, указывая на его «страсть къ митингству», «врожденную изворотливость мысли», пышную, всегда какъ-то праздничную по своей формѣ, шумную, хотя и нѣсколько холодную, малообразную и искусственную рѣчь». Съ характеристикой, данной Тургеневымъ краснорѣчію Рудина, это не совпадаетъ въ существенномъ отношеніи—рѣчь Рудина была, наоборотъ, многообразна: «Образы смѣнялись образами; сравненія, то неожиданно смѣлыя, то поразительно вѣрныя, возникали за сравненіями».

Бѣлинскій такъ охарактеризовалъ Бакунина: «Дикая мощь, безпокойное, тревожное и глубокое движеніе духа, безпрестанное стремленіе вдаль, безъ удовлетворенія настоящимъ... порываніе къ общему отъ частныхъ явленій»...

Такая черта, какъ «дикая мощь», опять не подходитъ къ характеру Рудина.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, слова: «глубокое движеніе духа», противорѣчатъ тому, что, по словамъ Анненкова, тотъ же Бѣлинскій сказалъ о Бакунинѣ: «это—пророкъ и громовержецъ, но съ румянцемъ на щекахъ и безъ пыла въ организмѣ». Это ближе къ тому, что Лежневъ говоритъ о Рудинѣ, который, по его словамъ, «холоденъ, какъ ледъ, и знаетъ это, и прикидывается пламеннымъ».

Болѣе всего напоминаетъ Рудина характеристика, которую даетъ Бакунину Т. П. Пассекъ: «Личность Бакунина была странна и замѣчательна. Умный, начитанный, обладающій даромъ слова, проникнутый нѣмецкою философіею, онъ иногда былъ малодушенъ какъ ребенокъ, которому хочется какого-либо дѣла: если печатать, то прокламаціи; если дѣйствовать, то все вездѣ поставить вверхъ дномъ; ничего не щадить, никогда не задаваться мыслью, что изъ этого можетъ выйти —итти напроломъ».

Къ послѣднимъ словамъ можно припомнить признанія Рудина. Говоря о своей жизни у «одного довольно страннаго господина», богатаго помѣщика, Рудинъ разсказываетъ Лежневу: «Планы,братъ, у меня были громадные»; когда же онъ поступилъ на учительскую службу въ гимназію, то «хотѣлъ коренныхъ преобразованій».

Академикъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій говоритъ объ отношеніи типа Рудина къ историческому Бакунину: «За вычетомъ ума и діалектики, а также, можетъ-быть, и нѣкоторыхъ чертъ характера, которыми Рудинъ отчасти напоминаетъ Бакунина, мы скажемъ, что въ остальномъ между ними нѣтъ сходства. Бакунинъ, несомнѣнно, былъ доктринеръ и фанатикъ, чего отнюдь нельзя сказать о Рудинѣ. Дилетантъ мысли и благородныхъ чувствъ, Рудинъ имѣетъ опредѣленныя убѣжденія и, навѣрное, никогда не измѣнилъ бы имъ, но мы не видимъ, чтобы онъ слѣдовалъ какой-либо доктринѣ, и въ его отношеніяхъ къ идеямъ нѣтъ фанатизма. Можно думать только, что въ 50-хъ годахъ Бакунинъ представлялся Тургеневу, какъ умъ и отчасти характеръ, приблизительно въ томъ свѣтѣ, въ какомъ изображенъ Рудинъ, но видѣть въ послѣднемъ вѣрную копію съ перваго нельзя». («Исторія русск. интеллигенціи», ч. I).

Мнѣніе Д. Н. Овсянико-Куликовскаго надо признать правильнымъ, потому что въ художественномъ типѣ только нѣкоторыя черты могутъ быть историческими или вообще соотвѣтствовать тѣмъ чертамъ характера, которыя наблюдались авторомъ въ дѣйствительности въ томъ или иномъ лицѣ, такъ какъ творчество, становясь на путь копировки дѣйствительности, перестаетъ быть истиннымъ художественнымъ творчествомъ. Да Тургеневъ и не старался создать портретъ Бакунина.—«Я не столько не хочу,—говорилъ впослѣдствіи Тургеневъ,—но я совершенно не могу, не въ состояніи написать что-нибудь съ предвзятою мыслью и цѣлью, чтобы провести ту или другую идею. У меня выходитъ произведеніе литературное такъ, какъ растетъ трава». («Русская Старина», 1883, окт., 214—15). Стремленіе дать портретъ Бакунина было бы именно «предвзятою цѣлью»; но характеръ Рудина развивался иначе. «Въ основу Рудина положенъ Бакунинъ», говорилъ самъ авторъ,

онъ былъ «натурщикомъ» при созданіи типа, но чтобы литературный герой не былъ портретомъ, отраженіемъ единичнаго лица, а обладалъ бы обобщающею силою, т.-е. чтобы при посредствѣ даннаго героя могла мыслиться группа однородныхъ характеровъ,— для этого Тургеневъ долженъ былъ наблюдать родственную Рудину психологію также въ другихъ современникахъ. Что это такъ, подтверждаетъ самъ Тургеневъ въ письмѣ къ С. Т. Аксакову: «Мнѣ пріятно, что вы,—пишетъ онъ,—не ищите въ Рудинѣ копіи съ какого-нибудь извѣстнаго лица... Ужъ коли съ кого списывать, такъ съ себя начинать». («Вѣстникъ Европы», 1894, № 2, 494).

XXXIV. *Рудинъ и общія черты русской интеллигенціи 30—40-хъ годовъ.*—Что въ Рудинѣ нашла отраженіе не только психологія Бакунина, но и вообще черты, общія представителямъ русской интеллигенціи 30—40-хъ годовъ, объ этомъ можно говорить, хотя бы сравнивая Рудина съ чертами характера поэта Николая Платоновича Огарева, ближайшаго сотрудника Герцена по изданію лондонскаго журнала «Колоколъ».

Н. П. Огаревъ (1813—1877), какъ онъ изображенъ въ «Воспоминаніяхъ» Анненкова,—типичный Рудинъ. Послѣдній «говорилъ прекрасно... о необходимости дѣлать дѣло». Не менѣе прекрасно и горячо говорилъ о томъ же Огаревъ: «Дайте мнѣ дѣйствія,—восклицалъ онъ,—дайте желаемый кругъ дѣйствія! Я чувствую въ себѣ силу неограниченную. Нѣтъ, еще есть вѣра, и я пойду далеко... Мой fatum (т.-е. предназначеніе) написанъ рукою Бога по пути вселенной: онъ неизмѣненъ». Къ этому слѣдуетъ припомнить сознаніе Рудина въ его письмѣ къ Натальѣ, что ему «природа много дала».

Далѣе, въ отношеніи Огарева любопытна смѣна его дѣлъ и намѣреній во время жизни въ пензенскомъ имѣніи: «Я читаю Ганемана,—пишетъ онъ,— убѣжденъ въ дѣйствительности гомеопатіи; я буду лѣчить... Я изобрѣлъ методу обученія въ народныхъ училищахъ... Иногда меня привлекаетъ законодательство: я кое-что написалъ на этотъ счетъ... Придумалъ способъ узнавать вѣсъ электричества...» Дальше слѣдуетъ мысль о созданіи фабрики, которая бы освободила крестьянъ отъ платежа барскихъ и государственныхъ повинностей; а тамъ возникаетъ идея издавать вмѣстѣ съ Гегелемъ журналъ... Ту же неопредѣленность и разнохарактерность интересовъ и предпріятій обнаруживаетъ Рудинъ; и все у обоихъ оканчивается неудачно. Анненковъ говоритъ объ Огаревѣ, что «онъ оказывался полнымъ неудачникомъ во всемъ, что ни предпринималъ. Это была избранная натура, созданная на то, чтобы на нее любовались, но не привлекали къ черновой работѣ, требуемой жизнью».

Найдется сходство между Огаревымъ и Рудинымъ также въ ихъ разсужденіяхъ о любви.—«Я,—писалъ Огаревъ,—не долженъ предаваться любви: моя любовь посвящена высшей универсальной «Любви», въ основѣ которой нѣтъ эгоистическаго чувства наслажденія: я принесу мою настоящую любовь въ жертву на алтарь всемірнаго чувства». Почти такъ же разсуждаетъ Рудинъ, заявляя Натальѣ: «Отъ дѣятельности, отъ блаженства дѣятельности я никогда не

откажусь, но я отказался отъ наслажденія. Мои надежды, мои мечты и собственное мое счастіе не имѣютъ ничего общаго».

Огаревъ, Герценъ, Бакунинъ, Станкевичъ, Бѣлинскій, К. С. Аксаковъ—всѣ они составляли ту среду, которая создала въ 30—40-е годы опредѣленную нравственную атмосферу, и Рудинъ—ея проявленіе. Онъ художественный памятникъ переживаній представителей передового общества данной эпохи и, конечно, самого автора.

Характеризуя Рудина со стороны общественныхъ чертъ опредѣленной эпохи, Д. Н. Овсянико-Куликовскій говоритъ:

«Тургеневъ вполнѣ удачно отмѣтилъ самое важное, самое существенное, чѣмъ душевный міръ людей 30—40-хъ годовъ характеризовался по преимуществу. На первый планъ выдвигается здѣсь то, что можно назвать философскою жаждою. Ни одно поколѣніе не отличалось этой чертою въ такой мѣрѣ, какъ именно поколѣніе 40-хъ годовъ, когда съ такимъ рвеніемъ философствовали и западники, и славянофилы... Эту жажду философскихъ откровеній изобразилъ Тургеневъ въ словахъ Лежнева о Рудинѣ: «Онъ прочелъ немного, но читалъ онъ философскія книги, и голова у него такъ была устроена, что онъ тотчасъ же изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлыя, правильныя нити мысли, открывалъ духовныя перспективы».

Итакъ, Рудинъ—философская голова. Какъ умъ, онъ воплощаетъ въ себѣ черты, которыми, несомнѣнно, обладали выдающіеся дѣятели эпохи, въ особенности Бѣлинскій, Бакунинъ, Герценъ и Хомяковъ».

Затѣмъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій указываетъ, что у Рудина «настоящій талантъ оратора, трибуна». Эта черта не случайна: она характерна для «людей 40-хъ годовъ», у которыхъ, рядомъ съ философскими дарованіями, выдѣлялись и словесныя, очень цѣнившіяся и имѣвшія несомнѣнное значеніе въ ихъ жизни и дѣятельности. Объ ораторскомъ талантѣ Бакунина говорилось выше. Хомяковъ былъ удивительный діалектикъ и спорщикъ. Бѣлинскій, когда былъ въ ударѣ, развивалъ необычайную силу рѣчи. Грановскій былъ образцовый лекторъ. Е. Ѳ. Коршъ блисталъ «мѣткимъ и ядовитымъ остроуміемъ», по свидѣтельству Анненкова. Блескъ и обаяніе рѣчи Герцена достаточно извѣстны. Весьма характерно то, что въ воспоминаніяхъ объ эпохѣ 40-хъ годовъ, какъ, напр., соотвѣтственныя главы «Былого и думъ» Герцена, «Замѣчательное десятилѣтіе» Анненкова и др., такъ обстоятельно говорится о «словесныхъ» способностяхъ и особенностяхъ лицъ, которымъ посвящены воспоминанія, точно ихъ авторы уже ожидаютъ отъ читателя вопроса Александры Павловны: «А какъ онъ говорилъ?» Намъ невольно вспоминаются при этомъ Наталья и Басистовъ, пораженные рѣчью Рудина, да и вообще вырисовывается то обаяніе, какое въ тѣ годы производило умное, просвѣщенное, искреннее, горячее, краснорѣчивое слово. Приведу слѣдующее мѣсто изъ воспоминаній Анненкова,

относящееся къ Герцену, но вмѣстѣ съ тѣмъ рисующее и самого, тогда юнаго, автора въ положеніи Бспетова: «Признаться сказать, меня ошеломилъ и озадачилъ, на первыхъ порахъ знакомства (съ Герценомъ), этотъ необычайно подвижной умъ, переходившій съ неистощимымъ остроуміемъ, блескомъ и непонятной быстротой отъ предмета къ предмету, умѣвшій схватить и въ складѣ чужой рѣчи, и въ простомъ случаѣ изъ текущей жизни, и въ любой отвлеченной идеѣ ту яркую черту, которая даетъ имъ физіономію и живое выраженіе. Способность къ поминутнымъ, неожиданнымъ сближеніямъ разнородныхъ предметовъ... была развита у Герцена въ необычайной степени, такъ развита, что подъ конецъ даже утомляла слушателя. Неугасающій фейерверкъ его рѣчи, неистощимость фантазіи и изобрѣтенія, какая-то безоглядная расточительность ума приводили постоянно въ изумленіе его собесѣдниковъ».

Люди 40-хъ годовъ» много учились, читали, много мыслили и много разговаривали, разговаривали гораздо больше своихъ предшественниковъ и своихъ преемниковъ. Ихъ интимная жизнь протекала въ частыхъ дружескихъ бесѣдахъ, въ которыхъ они отводили душу, и въ нескончаемыхъ спорахъ, въ которыхъ выяснялись ихъ мысли, ихъ разногласія, опредѣлялись ихъ отношенія къ дѣйствительности. «Слово» было ихъ «дѣло». Взамѣнъ того, въ практической дѣятельности даже въ узкихъ предѣлахъ возможнаго и доступнаго тогда, они обнаруживали невыдержанность, неумѣлость, отсутствіе дѣловитости и инціативы. Въ этомъ смыслѣ по ихъ адресу высказывались въ 50-хъ и 60-хъ годахъ суровые упреки, въ которыхъ было много справедливаго. Но эти упреки приходится теперь смягчить ссылкою на общія условія времени и на психологію самихъ дѣятелей. Принимая во вниманіе ея важнѣйшія черты, мы скажемъ такъ: главнѣйшая очередная задача времени, улучшеніе быта крѣпостныхъ и подготовка ихъ эманспаціи, занимала въ ихъ созданіи, въ ихъ мысляхъ и спорахъ, а равно и въ ихъ дѣятельности далеко не подобающее мѣсто. Правда, тѣ изъ нихъ, которые владѣли крѣпостными, старались улучшить ихъ бытъ, переводили съ барщины на оброкъ, относились къ нимъ гуманно. Но вѣдь это только тотъ минимумъ, который былъ нравственно обязателенъ для всякаго порядочнаго, добраго помѣщика. Одинъ только Огаревъ рѣшился отпустить своихъ крестьянъ на волю, взявъ съ нихъ ничтожный сравнительно съ милліоннымъ состояніемъ выкупъ и «устроивъ» ихъ бытъ. Но по непрактичности «устроилъ» дѣло такъ, что его крестьяне попали изъ огня да въ полымя—въ кабалу кулакамъ. Можно ли осуждать Огарева? Разумѣется, нѣтъ. Но можно указывать на такіе факты, какъ на доказательство неприспособленности лучшихъ людей 40-хъ годовъ къ важнѣйшему дѣлу, стоявшему тогда на очереди».

«Оставляя въ сторонѣ эту чисто-практическую дѣятельность, мы повторимъ здѣсь то, на что указывалось неоднократно: вырабатывать міросозерцаніе, упражняться въ діалектикѣ, очищать свои чужія головы отъ устарѣлыхъ и дикихъ понятій, распространять

гуманныя идеи и т. д., это было тогда несомнѣнное «дѣло», и люди 40-хъ годовъ отлично дѣлали его устно, письменно и въ предѣлахъ цензуры, печатно. И Рудинъ въ этомъ отношеніи является типичнымъ представителемъ эпохи, которую можно назвать эпохою первоначальной выработки передовыхъ идей, гуманныхъ стремленій и, такъ сказать, психологическихъ предпосылокъ нравственнаго и общественнаго сознанія у насъ. Для такого дѣла «музыка краснорѣчія» была неоцѣненнымъ подспорьемъ».

«Главный недостатокъ Рудина, это—то, что онъ самъ слишкомъ увлекается «музыкою своего краснорѣчія» и неосторожно переступаетъ ту границу, которая отдѣляетъ слово, какъ орудіе пропаганды, какъ силу просвѣтительную, отъ слова, какъ легкаго и пріятнаго способа отдѣлаться отъ дѣла разговоромъ о немъ, о его необходимости. И это было далеко не чуждо «людямъ 40-хъ годовъ» (не всѣмъ, конечно). Излишество и праздность рѣчи —вотъ «порокъ», которымъ страдали въ разной мѣрѣ говоруны, блестящіе собесѣдники и спорщики того времени. Тургеневъ мѣтко и зло оттѣнилъ въ Рудинѣ эту черту, напр. въ главѣ V, гдѣ Наталья говоритъ ему: «...вы должны трудиться, стараться быть полезнымъ. Кому же, какъ не вамъ»... Въ отвѣтъ на это Рудинъ только «безнадежно махнулъ рукой», но потомъ, воспрянувъ духомъ и «встряхнувъ своей львиной гривой», произнесъ горячую тираду о томъ, что онъ «не долженъ скрывать свои талантъ», «не долженъ растрачивать свои силы на одну болтовню пустую, безполезную болтовню, на одни слова»...— «И слова его полились рѣкою. Онъ говорилъ прекрасно, горячо, убѣдительно о позорѣ малодушія и лѣни, о необходимости дѣлать дѣло. Онъ осыпалъ самого себя упреками...» и т. д.

Какъ типичный представитель людей эпохи, Рудинъ обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для роли «просвѣтителя», кромѣ одного: работоспособности. У него нѣтъ выдержки въ трудѣ, упорства въ достиженіи цѣли, въ любви къ самому дѣлу «просвѣщенія» въ его трудной, будничной сторонѣ. Онъ любитъ только говорить о немъ, и пока онъ говоритъ, это дѣло само собою дѣлается. Но бѣда въ томъ, что онъ говоритъ такъ удачно и успѣшно только тогда, когда въ ударѣ, когда его посѣщаетъ «вдохновеніе». А между тѣмъ всякое культурное дѣло, въ томъ числѣ и просвѣтительное, имѣетъ свою черную работу, свои будни и не можетъ преуспѣвать, если будетъ дѣлаться только по праздникамъ «вдохновенія».

Вотъ именно этою-то невыдержкою въ будничной работѣ и отличались люди 40-хъ годовъ, кромѣ немногихъ, преимущественно лицъ не-дворянскаго, не-помѣщичьяго происхожденія, какъ Бѣлинскій, изъ дворянъ—Грановскій. Герценъ много работалъ, но все-таки онъ былъ «баринъ»,—«барство» сказывалось въ его отношеніяхъ къ вещамъ и людямъ, въ самой манерѣ мыслить и понимать». («Исторія русской интеллигенціи», ч. I, глава VI).

XXXV. *Лежневъ—подражатель Байрона.*—Лежневъ говоритъ Липиной: «Вы, можетъ, думаете, я стиховъ не писалъ». Писалъ-съ, и даже цѣлую драму сочинилъ, въ подражаніе Манфреду».

«Манфредъ»—драматическое произведеніе Байрона. Манфредъ—человѣкъ, надѣленный сверхъестественною силою, постигшій всѣ таинства природы, одаренный необъятнымъ разумомъ, подчиняющій себѣ даже безплотныхъ духовъ. Несмотря на все это, душа Манфреда полна скорбной неудовлетворенностью всѣмъ; его можетъ удовлетворить только забвеніе самого себя, и потому онъ ищетъ смерти. Манфредъ—одинъ изъ представителей «міровой скорби», подобно другому герою Байрона, Чайльдъ-Гарольду, Рене—Шатобріана, Алеко—Пушкина, Демону и Печорину—Лермонтова. Выше (XXVI) указано сопоставленіе Рудина и Печорина, впервые сдѣланное К. Аксаковымъ и развитое проф. Ивановымъ. Что въ настроеніи Рудина и другихъ лицъ, подчинявшихся его вліянію, были также ноты «міровой скорби», доказываютъ признанія Лежнева въ томъ, что онъ сочинилъ драму въ подражаніе Манфреду. Такъ сильны были вѣянія байроновскихъ настроеній, что имъ поддавались даже такіе флегматическіе, по собственному признанію, люди, какъ Лежневъ. Это—историческая черта въ біографіи послѣдняго. Конечно, у Лежневыхъ не могло быть глубины разочарованія; въ нихъ оно было мимолетнымъ, не столько идейнымъ, сколько бытовымъ явленіемъ, какъ въ Евгеніи Онѣгинѣ. Въ другомъ произведеніи—повѣсти «Два пріятеля»—Тургеневъ подмѣтилъ и оттѣнилъ такой характеръ байроническихъ настроеній у рядовыхъ представителей русскаго общества первой половины 50-хъ годовъ.

Когда Крупицынъ сообщилъ Вязовнину, что онъ везетъ его знакомиться съ семействомъ помѣщиковъ Тиходуевыхъ, состоящимъ изъ отца, матери и двухъ дочерей, то Вязовнинъ подумалъ: «Словно семейство Лариныхъ изъ Онѣгина». «И по милости ли этого воспоминанія, по другой ли какой причинѣ, черты его лица приняли на нѣкоторое время видъ разочарованный и скучающій».

XXXVI. *Павелъ и Виргинія.* — Вспоминая свою юношескую любовь, разрушенную умствованіями Рудина, Лежневъ говоритъ Липиной: «Я бы едва ли женился тогда на моей барышнѣ, но, по крайней мѣрѣ, мы бы съ ней славно провели нѣсколько мѣсяцевъ, въ родѣ Павла и Виргиніи».

«Павелъ и Виргинія»—сентиментальный романъ Жака-Анри Бернардена де-Сенъ-Пьера, французскаго писателя XVIII вѣка, вышедшій въ 1788 году. Въ немъ изображается жизнь двухъ семействъ на Островѣ Франціи (нынѣ островъ св. Лаврентія): госпожи де-ла-Туръ и ея дочери Виргиніи и Маргариты и ея сына Поля (Павла). Какъ обѣ матери, такъ и особенно дѣти были связаны нѣжною любовью другъ къ другу и проводили время въ спокойномъ и счастливомъ трудѣ на своей землѣ. «Каждый день былъ для этихъ семействъ днемъ счастья и мира»,—говоритъ про нихъ сосѣдъ.

Окончаніе романа, однако, трагическое: Виргинія погибаетъ при кораблекрушеніи; остальные герои романа умираютъ одинъ за другимъ отъ охватившаго ихъ горя.

XXXVII. *Наталья въ характеристикѣ Лежнева.*—«Наталья,—говоритъ Лежневъ Липиной,—не ребенокъ, повѣрьте мнѣ, хотя, къ

несчастію, неопытна какъ ребенокъ. Вы увидите, эта дѣвочка удивитъ всѣхъ насъ». — Какимъ это образомъ?—«А вотъ какимъ образомъ... Знаете ли, что именно такія дѣвочки топятся, принимаютъ ядъ и такъ далѣе? Вы не глядите, что она такая тихая: страсти въ ней сильныя, и характеръ —тоже ой-ой!»

Давая такую характеристику Натальѣ устами Лежнева, Тургеневъ повторяетъ въ ея лицѣ характеръ другой своей героини, изъ произведенія, предшествовавшаго «Рудину», именно изъ «Затишья». Героиня этой повѣсти Марья Павловна такъ же чувствовала глубоко и сильно, какъ и Наталья; такъ же мало говорила. Полюбивъ Веретьева и разочаровавшись въ немъ, Марья Павловна кончаетъ самоубійствомъ, бросившись въ прудъ. Наталья, какъ говоритъ Лежневъ, по натурѣ также способна на это. Но условія жизни Марьи Павловны и Натальи различны, и потому послѣдняя не приходитъ къ трагическому концу. У Марьи Павловны нѣтъ никакихъ привязанностей, у Натальи все же есть родная семья; Марья Павловна совершенно необразованная женщина, и потому чувства ея должны быть непосредственнѣе, чѣмъ у Натальи, дѣвушки хорошо воспитанной и для своего времени достаточно образованной. Кромѣ того, Марья Павловна грубѣе и суровѣе Натальи.

ГЛАВА VII.

XXXVIII. *Мнѣніе Рудина о призваніи женщины.* — Рудинъ говоритъ Натальѣ: «Вы не разъ слышали мое мнѣніе о призваніи женщины, вы знаете, что, по-моему, одна Жанна д'Аркъ могла спасти Францію»...

Высокое мнѣніе о призваніи женщины не было принадлежностью міросозерцанія одного Рудина, — для идеалистовъ 30-хъ годовъ, въ значительной степени романтиковъ, это была общая черта. Н. В. Станкевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Я. М. Невѣрову (21 сент. 1836 г.) говоритъ: «Мужчина грубъ въ своей добродѣтели, всѣ благородные порывы души его носятъ какую-то печать цинизма, какую-то жестокость; въ немъ больше стоицизма, чѣмъ христіанства, нежели человѣчества. Только вліяніемъ женщины, вліяніемъ семейныхъ отношеній —это благородное, сильное, но все немного деспотическое, чувство долга обращается въ отрадное чувство любви, сознаніе добра — въ непосредственное его ощущеніе». Бѣлинскій говоритъ, что натура женщины —«любовь и самоотверженіе». («Сочиненія Пушкина», глава VIII).

XXXIX. *Ла-Рошфуко.* —Французскій писатель-моралистъ XVII вѣка. Сборникъ его афоризмовъ «Максимы» проникнутъ скептическимъ и невысокимъ отношеніемъ къ нравственной природѣ человѣка.

XL. *Рудинъ — куцый.* —Когда за обѣдомъ у Ласунской Пигасовъ началъ разсуждать о «куцыхъ и длиннохвостыхъ» людяхъ и Рудинъ «небрежно» замѣтилъ, что его мнѣнія опредѣленнѣе уже давно были

высказаны Ла-Рошфуко, прибавивъ: «Къ чему тутъ было примѣшивать хвость, я не понимаю», Волынцевъ рѣзко заговорилъ: «Позвольте каждому выражаться, какъ ему вздумается. Толкуютъ о деспотизмѣ... По-моему, нѣтъ хуже деспотизма такъ называемыхъ умныхъ людей. Чортъ бы ихъ побралъ!»

«Всѣхъ изумила выходка Волынцева, всѣ притихли. Рудинъ посмотрѣлъ было на него, но не выдержалъ, отворотился, улыбнулся и рта не разинулъ.

«Эге, да и ты куцъ!» подумалъ Пигасовъ».

Эту характеристику Рудина, какъ «куцаго», потому что онъ не обнаружилъ въ данномъ случаѣ увѣренности въ себѣ и силы воли, можно сблизить съ самохарактеристикой другого тургеневскаго героя — Нежданова («Новь»). У послѣдняго нѣтъ нужной для политическаго пропагандиста увѣренности въ себѣ, въ своемъ дѣлѣ; онъ съ завистью говоритъ о видѣнномъ имъ сектантскомъ проповѣдникѣ, который самъ не зналъ, что онъ проповѣдывалъ, но зато говорилъ съ необычайнымъ возбужденіемъ; и потому Неждановъ, сознавая свое нравственное безсиліе, признается: «Окургузила меня жизнь».

ГЛАВА IX.

XLI. *Ловласъ.* — «Зачѣмъ, — спрашиваетъ самъ Тургеневъ о Рудинѣ, — не прикидываясь даже Ловласомъ, эту справедливость отдать ему слѣдуетъ, сбилъ онъ съ толку бѣдную дѣвушку?»

Ловласъ — герой романа англійскаго писателя Самюэля Ричардсона «Клариcса, или исторія молодой дѣвушки, заключающая въ себѣ важнѣйшія отношенія семейной жизни и въ особенности открывающія несчастія, которыя происходятъ, когда родители и дѣти непредусмотрительны въ дѣлахъ брака» (1748 г.). «Ловласъ — джентльменъ тогдашняго высшаго свѣта, ловкій, обязательный, рыцарскій, но и развратный, для котораго женская красота и невинность составляютъ только привлекательную приманку его необузданной страсти». (Геттнеръ, «Исторія всеобщей литературы», т. I, 378, изд. 1896 г.) Героиня романа Кларисса Гарлоу, нелюбимая въ семействѣ дочь, спасаясь отъ домашняго гнета, отдаетъ себя подъ покровительство Ловласа, который обольщаетъ ее самымъ преступнымъ способомъ, прибѣгнувъ къ опіуму.

Имя Ловласа было очень популярно въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. Славою Ловласа прельщался въ юности Евгеній Онѣгинъ; когда мать Татьяны была еще дѣвушкою, она увлекалась героями Ричардсона: Грандисономъ и Ловласомъ, потому что «княжна Полина, ея московская кузина, *твердила часто* ей объ нихъ».

XLII. *Свиданіе Рудина съ Натальей у Авдюхина пруда.* — Литературные критики различно посмотрѣли на сцену у Авдюхина пруда: одни основывали на ней положительную характеристику героини,

другіе видѣли въ сценѣ свиданія Натальи съ Рудинымъ только проявленіе ея необдуманной страсти къ послѣднему.

На основаніи этой сцены идеализируетъ Наталью С. А. Венгеровъ: «Наталья,—говоритъ онъ,—женщина дѣла, а не одного лишь слова. Разъ она чѣмъ-нибудь прониклась, она не останавливается ни передъ чѣмъ въ достиженіи своей цѣли. Какъ неизмѣримо выше Рудина становится она тогда, когда, несмотря на угрозы матери, рѣшается бросить свое обезпеченное положеніе, чтобы раздѣлить съ любимымъ человѣкомъ горе и нужду... Поведеніе ея настолько достойно, настолько внушаетъ къ себѣ уваженіе и почтеніе, что Рудинъ теряется и ничего не можетъ возразить противъ ея проникнутыхъ негодованіемъ на него нападокъ. Здоровая логика Натальи не даетъ Рудину возможности пустить въ ходъ столь излюбленное имъ оружіе діалектики, и онъ, посрамленный, долженъ удалиться съ поля сраженія».

Н. В. Шелгуновъ, наоборотъ, видитъ въ сценѣ свиданія положительныя стороны личности героя и отрицательныя героини, проявляющей «неразуміе и неспособность видѣть и оцѣнить послѣдствія». «Вы струсили,—говоритъ Тургеневская героиня Тургеневскому герою;—я же готова съ вами на край свѣта»... И нужно сказать правду, что въ трусости героя гораздо больше ума, чѣмъ въ отважности героини. Героиня дѣйствуетъ по короткому порыву; она только желаетъ страстнѣе и требуетъ немедленнаго удовлетворенія своей страсти... Разумѣется, герои были правы, когда отклоняли неопытныхъ дѣвушекъ отъ подобнаго намѣренія».

А. М. Скабичевскій за сцену у Авдюхина пруда обрушился на самого Тургенева, сдѣлавъ на основаніи ея выводъ объ узости міросозерцанія автора: «Рудинъ не захотѣлъ всего себя посвятить счастью любимой женщины, слѣдовательно, онъ неспособенъ любить; Рудинъ, которому и одному-то жутко на свѣтѣ, не захотѣлъ взвалить себѣ на шею ношу въ видѣ жены, избалованной прежнею жизнью, слѣдовательно, онъ — безхарактерный трусъ. Г. Тургеневъ никакъ не могъ представить себѣ энергическаго, храбраго, любящаго человѣка въ иномъ видѣ, какъ не героемъ, отважно похищающимъ сабинянку, чтобы потомъ быть готову броситься для нея въ воду».

Въ этихъ словахъ Скабичевскаго нѣтъ объективности. Они были написаны въ 1867 году, когда Тургеневъ, порвавъ съ журналомъ «Современникъ», стоявшемъ во главѣ передового направленія русской общественной мысли, сталъ подвергаться нападкамъ со стороны либеральныхъ круговъ и, между прочимъ, со стороны Герцена въ «Колоколѣ», за переходъ въ консервативный «Русскій Вѣстникъ» Каткова и за осмѣяніе крайнихъ общественныхъ теченій въ романѣ «Дымъ». Скабичевскій былъ правовѣрный шестидесятникъ, и съ этой стороны необходимо подойти къ его обвиненіямъ Тургенева за сцену у Авдюхина пруда: въ его художественную критику примѣшались общественно-партійныя отношенія къ писателю.

ГЛАВА XI.

XLIII. *Сравненіе Рудина съ Донъ-Кихотомъ.*—По отъѣздѣ отъ Ласунской Рудинъ говоритъ провожающему его Басистову: «Помните ли вы, что говоритъ Донъ-Кихотъ своему оруженосцу, когда выѣзжаетъ изъ дворца герцогини? Свобода,—говоритъ онъ,—другъ мой Санчо, одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ достояній человѣка, и счастливъ тотъ, кому небо даровало кусокъ хлѣба, кому не нужно быть за него обязаннымъ другому! Что Донъ-Кихотъ чувствовалъ тогда, я чувствую теперь»...

Слова Донъ-Кихота о свободѣ находятся въ LVIII главѣ II тома «Донъ-Кихота» Сервантеса. Рудинъ приводитъ только основную мысль. Донъ-Кихотъ говоритъ пространнѣе: «Свобода, Санчо, это драгоцѣннѣйшее благо, дарованное Небомъ человѣку. Ничто не сравнится съ нею: ни сокровища, скрытыя въ нѣдрахъ земныхъ, ни скрытыя въ глубинѣ морской. За свободу и честь человѣкъ долженъ жертвовать жизнью, потому что рабство составляетъ величайшее земное бѣдствіе. Ты видѣлъ, другъ мой, изобиліе и роскошь, окружавшія насъ въ замкѣ герцога. И что же, вкушая эти изысканныя яства и замороженные напитки, я чувствовалъ себя голоднымъ, потому что пользовался ими не съ той свободой, съ какою пользовался бы своею собственностью: чувствовать себя обязаннымъ за милости, значитъ налагать оковы на свою душу. Счастливъ тотъ, кому Небо дало кусокъ хлѣба, за который онъ можетъ благодарить только Небо».

А. В. Дружининъ въ своемъ разборѣ романа пользуется эпизодомъ цитированія Рудинымъ словъ Донъ-Кихота для сравненія характера его переживаній съ чувствами Натальи Ласунской: послѣдняя живетъ любимымъ избранникомъ, не говоря ни одной фразы; Рудинъ, въ свою очередь, такъ и сыплетъ фразами, а разставшись съ любящей дѣвушкой, вспоминаетъ слова Донъ-Кихота Санчо-Пансѣ: «Свобода, другъ мой Сано, это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній человѣка!» Вотъ что говоритъ Рудинъ въ тѣ минуты, когда у любящей дѣвушки сердце разрывается на части!»

XLIV. *Письмо Рудина къ Натальѣ.*—И. И. Ивановъ, характеризующій Рудина, какъ «московскаго Чайльдъ-Гарольда сороковыхъ годовъ», какъ личность печоринскаго типа (см. XXVIII) въ письмѣ Рудина къ Натальѣ видитъ подтвержденіе своего мнѣнія.

«Онъ,—говоритъ критикъ про Рудина,—въ послѣдній разъ обращается къ ней послѣ разлуки, повергшей ее въ отчаяніе. И неужели у него не нашлось бы простыхъ сердечныхъ словъ, даже въ эту минуту, если бы для него разлука являлась дѣйствительно лишеніемъ, разрывомъ съ единственно дорогимъ человѣкомъ? У Рудина совершенно не оказывается такихъ словъ, онъ письмо сочиняетъ, какъ цѣкую адвокатскую рѣчь, по всѣмъ правиламъ риторики, съ умными разсужденіями, съ чувствительными изліяніями, съ лирическихъ

безпорядкомъ и безчисленными многоточіями. Вотъ разсказъ объ этихъ странныхъ минутахъ «несчастнаго любовника».

«Онъ очень долго сидѣлъ надъ этимъ письмомъ, многое въ немъ перемарывалъ и передѣлывалъ и, тщательно списавъ его на тонкомъ листѣ почтовой бумаги, сложилъ его какъ можно мельче и положилъ въ карманъ. Съ грустью на лицѣ прошелся онъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, сѣлъ на кресло передъ окномъ, подперся рукою; слеза тихо выступала на его рѣсницы... Онъ всталъ, застегнулся на всѣ пуговицы, позвалъ человѣка и велѣлъ спросить у Дарьи Михайловны, можетъ ли онъ ее видѣть».

«Вы чувствуете ироническій тонъ разсказчика, и это вполнѣ естественно. Вся сцена искусственна, театральна. Рудинъ не забываетъ играть роль во всякомъ положеніи, «льются ли рѣкой» его слова или тихая слеза выступаетъ на его рѣсницы... Самое письмо лишено цѣльнаго чувства, лишено даже открытой объединяющей идеи. Сначала Рудинъ изображаетъ себя осужденнымъ на вѣчное одиночество: это величественная картина, намекъ на демоническую карьеру. Въ концѣ письма другой мотивъ нераздѣленныхъ страданій: самобичеваніе. Онъ — «неоконченное существо», онъ «весь разсыпался при первомъ препятствіи», «испугался отвѣтственности», и поэтому «недостоинъ» Натальи.

Очевидно, одно представленіе уничтожаетъ другое. То герой вообще врядъ ли способенъ «любить любовью сердца», то, полюбивъ, онъ бѣжитъ отъ отвѣтственности... Письмо, такимъ образомъ, въ послѣднихъ аккордахъ воспроизводитъ излюбленныя темы байроническихъ рѣчей Рудина: геніальничанье рядомъ со самоуничтоженіемъ, разсчитаннымъ на созвучныя волненія женскаго сердца».

Что письмо къ Натальѣ идетъ отъ ума, а не отъ сердца Рудина, и что въ этомъ письмѣ онъ стремится сохранить за собою позу, вызывающую сочувствіе, видно изъ словъ автора, вставленныхъ въ середину письма: «Здѣсь Рудинъ разсказалъ, было, Натальѣ свое посѣщеніе у Волынцева, но подумалъ и вымаралъ все это мѣсто, а въ письмѣ къ Волынцеву прибавилъ второй postscriptum». Въ этомъ postscriptum'ѣ Рудинъ проситъ Волынцева «не упоминать передъ Натальей о посѣщеніи имъ послѣдняго. Объясняется это тѣмъ, что въ самомъ Рудинѣ посѣщеніе имъ Волынцева оставило очень непріятное воспоминаніе. Тургеневъ такъ разсказываетъ объ этомъ. «Рудинъ вернулся домой (отъ Волынцева) въ состояніи духа смутномъ и странномъ. Онъ досадовалъ на себя, упрекалъ себя въ непростительной опрометчивости, въ мальчишествѣ. Не даромъ сказалъ кто-то: нѣтъ ничего тягостнѣе сознанія только что сдѣланной глупости.

«Раскаяніе грызло Рудина.

«Чортъ меня дернулъ,—шепталъ онъ сквозь зубы, — съѣздить къ этому помѣщику. Вотъ пришла мысль! Только на дерзости напрашиваться!..»

Понятно,! что Рудину не хотѣлось, чтобы его «опрометчивый», «непростительный» и «мальчишескій» поступокъ дошелъ до свѣдѣнія Натальи.

Форма обращенія этого письма Рудина: любезная (любезный, любезнѣйшій)—обычна въ частныхъ письмахъ какъ Тургенева, такъ и другихъ его современниковъ. Впослѣдствіи она была вытѣснена иными формами обращенія и стала даже казаться недостаточно вѣжливою. Такъ, извѣстный художникъ-баталистъ В. В. Верещагинъ, переписывавшійся съ Тургеневымъ, но какъ-то возмутившійся его генеральскимъ обхожденіемъ, перенесъ свое возмущеніе и на имѣвшіяся у него письма Тургенева: «Какой я ему любезный!»—говорилъ Верещагинъ по поводу обычнаго для Тургенева обращенія. Напрасно его увѣряли, что Тургеневъ ко всѣмъ такъ обращается,—Верещагинъ остался при убѣжденіи, что обращеніе—любезный показываетъ высокомѣрное отношеніе Тургенева къ своему адресату, и сжегъ всѣ бывшія у него письма автора «Рудина».

XLV. *Душевное состояніе Натальи послѣ полученія письма Рудина.* Изображая душевное состояніе Натальи послѣ прочтенія ею письма Рудина, авторъ говоритъ: «Она сидѣла не шевелясь; ей казалось, что какія-то темныя волны безъ плеска сомкнулись надъ ея головой, и она шла ко дну, застывая и нѣмѣя».

Тургеневъ въ своей литературной работѣ иногда пользовался удачными выраженіями собственной частной переписки. Такъ, нѣкоторыя мѣста изъ писемъ его къ С. Т. Аксакову вошли въ романъ «Отцы и дѣти» (XI глава); нѣсколько строкъ одного письма Тургенева къ Фету такъ же вошло въ данный романъ (въ VII главѣ). Послѣднія слова приведенной цитаты взяты Тургеневымъ изъ своего письма къ Е. М. Феоктистову отъ 1852 г. 26 февраля. Именно, сообщая о своихъ чувствахъ по поводу смерти Гоголя, Тургеневъ писалъ: «Мнѣ, право, кажется, что какія-то темныя волны безъ плеска сомкнулись надъ моей головой,—и я иду на дно, застывая и нѣмѣя». (И. М. Гутьяръ, «Творчество И. С. Т., процессъ его и пріемы.)

XLVI. *«Кто чувствовалъ, того тревожитъ»...*—изъ «Евгенія Онѣгина», I, XLVI.

ГЛАВА XII.

XLVII. *Корчагинъ.*—По поводу предложенія, сдѣланнаго Волынцевымъ Натальѣ, и согласія ея и Дарьи Михайловны на это, Лежневъ спрашиваетъ Басистова: «Скажи пожалуйста, до васъ доходили слухи о какомъ-то господинѣ Корчагинѣ. Стало-быть, это былъ вздоръ?»

(Корчагинъ былъ красивый молодой человѣкъ—свѣтскій левъ, чрезвычайно надутый и важный: онъ держался необыкновенно величественно, точно онъ не живой человѣкъ, а собственная своя статуя, воздвигнутая по общественной подпискѣ.)

— Ну, нѣтъ, не совсѣмъ вздоръ,—съ улыбкой возразилъ Басистовъ:—Дарья Михайловна очень къ нему благоволила; но Наталья Алексѣевна и слышать о немъ не хотѣла.

Какой художественный смыслъ имѣетъ это упоминаніе о Корчагинѣ, при томъ сопровождаемое его характеристикой?

Введя въ исторію Натальи Ласунской эпизодъ съ Корчагинымъ, къ которому Дарья Михайловна «очень благоволила», Тургеневъ устраняетъ возможность предположенія со стороны читателя, что Наталья выходитъ замужъ за Волынцева не по своей волѣ и не въ силу личныхъ симпатій, а, подобно Татьянѣ Лариной, потому, что для нея уже «всѣ были жребіи равны» послѣ того, какъ ее постигъ ударъ въ ея первой искренней любви. Критикъ П. В. Анненковъ на основаніи этого видѣлъ въ Татьянѣ «способность къ сдѣлкамъ съ своею совѣстью». Тургеневъ могъ опасаться этого и потому желалъ подтвердить нравственную самостоятельность своей героини, которая руководится только своими чувствами, а не честолюбивыми стремленіями матери, не гонится за внѣшнимъ положеніемъ въ свѣтѣ и потому даже не хочетъ слышать о человѣкѣ, который не нравится ей, хотя бы онъ въ этомъ свѣтѣ и игралъ «роль не изъ послѣднихъ».

XLVIII. *Націоналистическія идеи Лежнева.*—«Несчастье Рудина,—говоритъ Лежневъ,—состоитъ въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это, точно, большое несчастье. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ, вдвойнѣ горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится! Космополитизмъ—чепуха, космополитъ—нуль, хуже нуля; внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ физіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлое лицо возможно безъ физіономіи».

Относительно происхожденія этой проповѣди народности Д. Н. Овсянико-Куликовскій приводитъ такое соображеніе:

«Рудинъ» былъ написанъ какъ разъ въ то время, когда произошло нѣкоторое сближеніе между Тургеневымъ и славянофилами, когда поэтъ поддерживалъ дружескую переписку съ Аксаковыми. Можно предполагать нѣкоторое вліяніе со стороны послѣднихъ... Это вліяніе я представляю себѣ въ слѣдующемъ видѣ. Тургеневъ не усвоилъ (и не могъ усвоить) доктрины славянофильства, не могъ стать на точку зрѣнія этой партіи, но онъ, какъ вдумчивый и чуткій художникъ, долженъ былъ заинтересоваться самымъ фактомъ появленія людей, проводившихъ принципъ народности, идеалистовъ, влюбленныхъ (если можно такъ выразиться) въ русскую національность и стремившихся сознательно обосновать на ея началахъ и поэзію, и всякое творчество и общественные, даже политическіе идеи и идеалы. Вспомнимъ, что въ ту эпоху,—въ половинѣ 50-хъ годовъ,—независимо отъ славянофильской пропаганды, интересъ къ народности сталъ распространяться въ широкихъ кругахъ общества, и уже возникало своеобразное умственное теченіе, занимавшее какъ бы середину между демократическимъ сла-

вянофильствомъ и радикальнымъ западничествомъ,—народничество, въ которомъ вскорѣ должны были объединиться лучшіе элементы того и другого. Интересъ къ народу и сочувствіе къ нему, все усиливавшіеся въ виду мелькавшей вдали, въ предразсвѣтномъ туманѣ безвременья, крестьянской реформы, оживляли и самое чувство народности. Тургеневъ не могъ остаться незатронутымъ этими вѣяніями. Они отразились уже въ «Запискахъ охотника», именно въ отдѣльномъ изданіи ихъ 1852 года. Три года спустя поэтъ отдалъ дань новому вѣянію въ «Рудинѣ» вышеприведенной тирадой, вложенной въ уста Лежнева. Но это не значитъ, конечно, что въ фигурѣ Лежнева Тургеневъ хотѣлъ изобразить славянофильское умонастроеніе 40-хъ годовъ. Въ защиту идеи народности выступали тогда не одни славянофилы. Во всемъ остальномъ, что говоритъ Лежневъ, не видать сколько-нибудь ясныхъ признаковъ самой доктрины славянофильства. Въ энтузіазмѣ, съ которымъ Лежневъ говоритъ о народности, сквозитъ одно: сознаніе нѣкоторой отвлеченности и безпочвенности пропаганды Рудина, мысль, что нужно изучать Россію, народъ и, путемъ такого изученія, добиться обоснованія на національной почвѣ тѣхъ общечеловѣческихъ идеаловъ, проводникомъ которыхъ является Рудинъ. Если видѣть здѣсь народническую, въ тѣсномъ смыслѣ, идею, окрѣпшую и распространившуюся позже, то пришлось бы тираду Лежнева признать нѣкоторымъ анахронизмомъ. Но въ словахъ Лежнева мы видимъ только энтузіазмъ къ идеѣ народности, а вовсе не тотъ культъ самого народа, которымъ по преимуществу и характеризуется народничество, зачинавшееся въ 50-хъ годахъ. Идея Лежнева, собственно говоря, не народническая, а націоналистическая, и онъ легко могъ проникнуться ею не только подъ вліяніемъ ученія славянофиловъ 40-хъ годовъ, но и подъ впечатлѣніемъ того, что писалъ на эту тему Бѣлинскій».

Дѣйствительно въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго мы постоянно сталкиваемся съ проповѣдью національности, начиная съ его первой большой статьи—«Литературныхъ мечтаній» (1834 года). А въ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія» (1839 г.) находимъ близкое къ тирадѣ Лежнева разсужденіе Бѣлинскаго о національности и космополитизмѣ: «Всякій народъ отличается единствомъ языка, а слѣдовательно и характера мысли, взгляда на вещи и способа понимать ихъ (потому что языкъ есть осуществившееся, явившееся понятіе), единствомъ религіи, образа правленія, родовымъ сходствомъ въ образѣ внѣшней жизни, наконецъ, семейственнымъ сходствомъ физіономіи составляющихъ его индивидуумовъ, такъ что трудно не узнать по одному лицу англичанина, француза, нѣмца, итальянца, татарина и т. д. Это сходство, это единство, это родство—священны, потому что основаніе ихъ плоть и кровь, какъ первосущныя формы духа. И вотъ почему космополитъ есть какое-то ложное, двухсмысленное, странное и непонятное явленіе, какой-то блѣдный, туманный призракъ, а не яркая и живая дѣйствительность».

Д. Н. Овсянико-Куликовскій говоритъ, что Лежневъ могъ проникнуться націоналистическими тенденціями не только подъ вліяніемъ проповѣди славянофиловъ, но и подъ вліяніемъ статей Бѣлинскаго. Здѣсь упущено изъ виду одно, что Лежневъ самъ членъ того кружка, изъ котораго одни примкнули къ славянофиламъ, какъ Аксаковы, Ю. Самаринъ; другіе, какъ Бѣлинскій, Бакунинъ,—къ западникамъ. Въ историческомъ же кружкѣ Станкевича, гдѣ господствовали Шеллингъ и Гегель, съ ихъ ученіемъ о проявленіи мірового духа въ національно-исторической сущности отдѣльныхъ народовъ, идеи національности не могли не занимать умы членовъ кружка, и здѣсь у однихъ выработался большій наклонъ мысли къ славянофильству, у другихъ—къ западничеству. Лежнева Тургеневъ, очевидно, желалъ изобразить примыкающимъ къ первому теченію. Если же въ словахъ Лежнева «не видать сколько-нибудь ясныхъ признаковъ самой доктрины славянофильства», то это согласно съ общими художественными пріемами изображенія въ романѣ «Рудинъ». Тургеневъ вообще избѣгаетъ прямыхъ и точныхъ указаній на дѣйствительные факты: оттого въ изложеніи идей кружка Покорскаго нѣтъ опредѣленныхъ признаковъ ни шеллингіанства, ни гегеліанства; оттого Покорскій—бѣднякъ, въ противоположность Станкевичу, котораго онъ изображаетъ; оттого Рудинъ—только психологическій намекъ на Бакунина.

Кромѣ вопроса объ общественномъ источникѣ національныхъ идей, выраженныхъ въ романѣ, есть другой вопросъ о томъ, что побуждало Тургенева выступить съ проповѣдью національности и съ этой стороны освѣтить «несчастье» Рудина.

Обстоятельства къ этому можно видѣть въ самомъ времени написанія романа—въ разгаръ Севастопольской кампаніи. Какъ всякая война, угрожающая государству, она породила подъемъ національныхъ чувствъ и осужденіе космополитизма. Одинъ современникъ заноситъ въ это время въ свой дневникъ такія слова: «Всего болѣе боялись мы и стыдились быть русскими! Обезьяны Европы! И звучный, мощный, благородный языкъ свой мы предоставили употребленію, какъ сами говоримъ, непросвѣщенной части народа... Мы накликали на себя кару Провидѣнія Божія!» (Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», XIII, 37). Это національное теченіе, наконецъ, становится настолько популярнымъ, что выражается въ ничего незначащую внѣшность. Поэтому въ то время серьезно носились съ мыслью переименовать камергеровъ въ стольниковъ, камеръ-юнкеровъ въ ключниковъ, а нѣкоторыя дамы рѣшили замѣнить парижскіе фасоны русскими сарафанами.

Именно, подъ вліяніемъ общаго настроенія въ эпоху войны Тургеневъ высказался въ защиту народности и противъ космополитизма.

XLIX. *Настойчивость въ характерѣ Рудина.* — Рудинъ разсказываетъ Лежневу въ эпилогѣ: «Шесть мѣсяцевъ прожили мы въ землянкахъ. Курбѣевъ однимъ хлѣбомъ питался, я тоже не доѣдалъ».

Н. М. Гутьяръ въ книгѣ «И. С. Тургеневъ» (1907 г.) пишетъ: «Слабохарактерность Рудина усматриваютъ обыкновенно въ его поспѣшномъ отказѣ отъ рѣшительныхъ мѣръ при послѣднемъ свиданіи съ Натальей, въ его какъ бы трусливомъ отступленіи передъ женитьбой. Но при чемъ здѣсь воля, крѣпость ея или безсиліе, когда Рудинъ не любилъ очарованной имъ дѣвушки? Указываютъ также, какъ на признакъ слабоволія, на практическую безрезультатность стремленій Рудина. Но развѣ упорный, постоянный порывъ къ дѣятельности, проявляемый имъ, есть признакъ безхарактерности? «Съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ тобой, говорилъ онъ Лежневу, я перепыталъ и перепробовалъ многое.. Начиналъ я жить, принимался за новое разъ двадцать». Человѣкъ, лишенный воли, не станетъ искать, не станетъ горячо и съ увлеченіемъ браться за новое дѣло, потерпѣвъ неудачу на предыдущемъ. Неужели шестимѣсячное голоданіе въ землянкахъ за разработкою проекта углубленія рѣки въ кампаніи съ Курбѣевымъ есть признакъ отсутствія характера?»

1. *Учительство Рудина.* Учительство Рудина очень напоминаетъ профессорство въ университетѣ св. Владиміра упомянутаго выше поэта Василія Ивановича Красова (XXXII). Слушавшій его лекціи М. К. Чалый такъ характеризуетъ ихъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Красовъ читалъ теорію краснорѣчія, подъ вліяніемъ минуты, съ необыкновеннымъ жаромъ, но безъ обдуманнаго плана и предварительнаго приготовленія. Ему недоставало ни свѣдѣній, ни терпѣнія къ пріобрѣтенію познаній. Восторженное состояніе, въ которомъ онъ находился постоянно, было скорѣе плодомъ фантазіи, болѣзненно развитой на счетъ другихъ душевныхъ силъ. Дилетантизмъ, нетерпимый въ наукѣ, въ школѣ московскихъ словесниковъ пріобрѣлъ, такъ сказать, право гражданства: науку о словѣ они третировали не какъ науку, а какъ искусство красно говорить. Поддѣльный жаръ, звучныя фразы, искусственный паѳосъ, театральные жесты замѣняли у нихъ спокойное, строго-научное изложеніе предмета».

Особенно характерно отношеніе Красова къ наукѣ сказалось на его диспутѣ. Ректоръ Неволинъ,—разсказываетъ Чалый,—предложилъ Красову вопросъ, что такое изящное? Вмѣсто всѣхъ ученыхъ опредѣленій, восторженный поэтъ отвѣчалъ одними лишь примѣрами и сравненіями. Вообразите,—говоритъ,—во время бури, нависшія надъ пропастью скалы, озаренныя блескомъ молній..., прочтите стихотвореніе Пушкина: «Ты видѣлъ дѣву на скалѣ». Одиимъ словомъ,—сказалъ въ заключеніе Красовъ,—прекраснаго опредѣлить невозможно; его только можно чувствовать.
—Нельзя же, г. Красовъ, быть докторомъ чувствительности,—замѣтилъ съ ядовитой улыбочкой К. А. Неволинъ и тѣмъ заключилъ пренія». («Статьи по новѣйшей русской литературѣ акад. Н. И. Дашкевича»).

Рудинъ, излагавшій то, что было у него «на душѣ», былъ также больше учителемъ чувствительности, чѣмъ русской словесности.

LI. *Рудинъ и Гамлетъ Щигровскаго уѣзда.* Разсказывая о своей неудачной педагогической дѣятельности, Рудинъ заканчиваетъ слѣдующими словами «Я принужденъ былъ выйти въ отставку. Я этимъ не ограничился, я хотѣлъ показать, что со мной нельзя поступить такъ... но со мной можно было поступить, какъ угодно... Я теперь долженъ выѣхать отсюда».

Рудинъ переоцѣниваетъ общественное значеніе своей личности. Но окружающее общество, видя въ Рудинѣ фразера, перестаетъ чувствовать въ немъ нравственную силу и никакъ не считается съ нимъ. Онъ оказывается «куцымъ», по характеристикѣ Пигасова, но поздно уразумѣваетъ это.

Совершенно такое же положеніе находимъ въ «Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда». Герой разсказа Василій Васильевичъ долго считаетъ себя значительною личностью, но разговоръ съ исправникомъ открываетъ ему глаза на отношеніе къ нему общества. Когда Василій Васильевичъ сказалъ исправнику, что онъ такъ же могъ бы претендовать на выборы въ предводители, какъ и нѣкій помѣщикъ Орбассановъ, который не отличался ни богатствомъ, ни знатностью, —исправникъ возразилъ на это: «Эхъ, Василій Васильевичъ, не намъ бы съ вами о такихъ людяхъ разсуждать: гдѣ намъ? Знай сверчокъ свой шестокъ...»

«Завѣса,—разсказываетъ Василій Васильевичъ,—спала съ глазъ моихъ; я увидѣлъ ясно, яснѣе, чѣмъ лицо свое въ зеркалѣ, какой я былъ пустой, ничтожный и ненужный, неоригинальный человѣкъ!»

То же нравственное сознаніе и въ словахъ Рудина: «но со мной можно было поступить, какъ угодно».

LII. *Противорѣчіе въ словахъ Рудина.*—Рудинъ говоритъ Лежневу: «Помнишь, когда мы съ тобой были за границей, я былъ тогда самонадѣянъ и ложенъ... Точно, я тогда ясно не сознавалъ, чего я хотѣлъ, я упивался словами и вѣрилъ въ призраки; но теперь, клянусь тебѣ, я могу громко, передо всѣми высказать все, чего я желаю. Мнѣ рѣшительно скрывать нечего: я вполнѣ, и въ самой сущности слова, человѣкъ благонамѣренный; я смиряюсь, хочу примѣниться къ обстоятельствамъ, хочу малаго, хочу достигнуть цѣли близкой, принести хотя ничтожную пользу. Нѣтъ! не удается! Что это значитъ? Что мѣшаетъ мнѣ жить и дѣйствовать, какъ другіе?.. Я только объ этомъ теперь и мечтаю. Но едва успѣваю я войти въ опредѣленное положеніе, остановиться на извѣстной точкѣ, судьба такъ и спретъ меня съ нея долой... Я сталъ бояться ея—моей судьбы...»

Этотъ мотивъ стремленія неудачника, «лишняго человѣка» къ примиренію съ жизнью встрѣчается уже въ «Дневникѣ лишняго человѣка». Герой послѣдняго Чулкатуринъ считалъ счастіемъ «найти пріютъ, свить себѣ хотя временное гнѣздо, узнать отраду ежедневныхъ отношеній и привычекъ».

Но у Рудина этотъ мотивъ противорѣчитъ всему тому, что онъ только что разсказалъ Лежневу. Онъ говоритъ, что когда-то, давно

онъ вѣрилъ въ призраки, а теперь хочетъ малаго, и тѣмъ не менѣе судьба всякій разъ сталкивала его съ занятой имъ точки. На самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго нѣтъ въ передаваемыхъ самимъ Рудинымъ фактахъ своей жизни. Когда онъ поселился у богача-помѣщика, его «планы были громадные»; съ Курбѣевымъ Рудинъ стремился осуществить одинъ изъ тѣхъ «самыхъ смѣлыхъ, самыхъ неожиданныхъ» проектовъ, которые «такъ и кипѣли на умѣ» Курбѣева, и, сдѣлавъ судоходною рѣку, они надѣялись получить «огромныя выгоды»; въ гимназіи Рудинъ захотѣлъ «коренныхъ преобразованій». Такимъ образомъ, нигдѣ не видно это желаніе малаго, о которомъ говоритъ Рудинъ. Въ этомъ - противорѣчіе между словами Рудина и дѣйствительностью, но не противорѣчіе въ его характерѣ. Покаянныя слова героя о смиреніи и желаніи малаго, это форма, имѣющая цѣлью внушить состраданіе къ нему, какъ къ вѣчно гонимому судьбою страннику жизни. Рудинъ не въ первый разъ уже представляетъ себя въ такомъ свѣтѣ. Когда онъ жилъ у Ласунской и, по выраженію Лежнева, былъ у нея «великимъ визиремъ», въ разговорѣ съ Натальею онъ и тогда представлялъ себя безпріютнымъ скитальцемъ: «Мнѣ остается теперь тащиться по знойной и пыльной дорогѣ, со станціи до станціи, въ тряской телѣгѣ», -такова его судьба! Въ письмѣ къ Натальѣ Рудинъ удивляется своей странной, почти комической судьбѣ». Въ разговорѣ съ Лежневымъ судьба является уже трагическимъ началомъ: «Я сталъ бояться ея моей судьбы», говоритъ Рудинъ. Слѣдовательно, изображеніе себя въ освѣщеніи, вызывающемъ сочувствіе, - одна изъ чертъ въ характерѣ героя, проходящая черезъ весь романъ. Эта черта—безусловно историческая. «Принявъ глубоко-тронутый видъ», Печоринъ также прибѣгаетъ къ возбужденію состраданія, разсказывая княжнѣ Мери о томъ, какъ онъ былъ готовъ любить міръ но его никто не понялъ—и проч.

LIII. «*Смерть должна примирить*».—«Ты всегда былъ строгъ ко мнѣ,—говоритъ Рудинъ Лежневу,—и ты былъ справедливъ; но не до строгости теперь, когда уже все кончено, и масла въ лампадѣ нѣтъ, и сама лампада разбита, и вотъ-вотъ, сейчасъ докурится фитиль... Смерть, братъ, должна примирить наконецъ...»

Скабичевскій даетъ такую двойственную характеристику Рудина. «Если въ первой части онъ является передъ нами Гамлетомъ, то во второй части онъ Донъ-Кихотъ въ полномъ смыслѣ этого слова». Повидимому, образъ Донъ-Кихота дѣйствительно выплывалъ въ сознаніи Тургенева, когда онъ писалъ эпилогъ романа. Такъ, послѣднія слова: «Смерть, братъ, должна примирить наконецъ...» очень напоминаютъ предсмертныя слова Донъ-Кихота, обращенныя имъ къ друзьямъ: «Вздоръ—увы!—наполнилъ всю мою жизнь. Да, этотъ вздоръ былъ слишкомъ дѣйствителенъ, и дай Богъ, чтобы хоть смерть моя могла сколько-нибудь оправдать меня». («Донъ-Кихотъ», т. II, LXXIV).

LIV. «*Наши дороги разошлись*».—«Наши дороги разошлись,—говоритъ Лежневъ Рудину,—можетъ быть, именно оттого, что,

благодаря моему состоянію, холодной крови, да другимъ счастливымъ обстоятельствамъ, ничто мнѣ не мѣшало сидѣть сиднемъ, да оставаться зрителемъ, сложивъ руки; а ты долженъ былъ выйти на поле, засучивъ рукава, работать. Наши дороги разошлись... но посмотри, какъ мы близки другъ другу. Вѣдь мы говоримъ съ тобой почти однимъ языкомъ, съ полунамека понимаемъ другъ друга; на однихъ чувствахъ выросли. Вѣдь ужъ мало насъ остается, братъ; вѣдь мы съ тобой послѣдніе могикане! Мы могли расходиться, даже враждовать въ старые годы, когда еще много жизни оставалось впереди; но теперь, когда толпа рѣдѣетъ вокругъ насъ, когда новыя поколѣнія идутъ мимо насъ къ не нашимъ цѣлямъ, намъ надобно крѣпко держаться другъ за друга».

Въ словахъ Лежнева нѣтъ достаточной опредѣленности. Съ одной стороны, говоря Рудину, что ихъ дороги разошлись, онъ понимаетъ это въ чисто личномъ бытовомъ значеніи, объясняя смыслъ своихъ словъ указаніемъ на свое богатство и бѣдность Рудина. Съ другой стороны, указывая на то, что новыя поколѣнія идутъ мимо нихъ къ не ихъ цѣлямъ, и что имъ надобно крѣпко держаться другъ за друга, Лежневъ придаетъ словамъ: «наши дороги разошлись» общій идейный смыслъ. Въ романѣ эти слова и не могли получить полной опредѣленности. Личный характеръ авторъ долженъ былъ придать имъ потому, что Лежневъ разошелся съ Рудинымъ по личнымъ причинамъ. Но Тургеневъ изображалъ не просто характерныя личности, а русское общество въ извѣстный періодъ его развитія, — отсюда слова «наши дороги разошлись» получаютъ общественный смыслъ. Націоналистическая тирада Лежнева даетъ художественное оправданіе этому. Не будь ея, читатель совсѣмъ не могъ бы опредѣлить, было ли идейное разногласіе между Лежневымъ и Рудинымъ. Проповѣдь націонализма со стороны Лежнева даетъ намекъ на такое разногласіе: Лежневъ былъ, очевидно, идейно ближе къ славянофильству, Рудинъ — къ западничеству, но оба они развивались на однѣхъ и тѣхъ же идеяхъ, и потому близки другъ къ другу (см. XLVIII).

Къ словамъ Лежнева можно привести историческія параллели во взаимныхъ отношеніяхъ славянофиловъ и западниковъ 40-хъ годовъ.

Въ 1844 году, — передаетъ Герценъ, — «наши споры дошли до того, что ни славяне, ни мы не хотѣли больше встрѣчаться». Особенно непримиримымъ отношеніемъ къ славянофиламъ отличался Бѣлинскій: «Я, — писалъ онъ Герцену, — съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу». Тѣмъ не менѣе, между западниками и славянофилами 40-хъ гг. существовала тѣсная идейная связь. А. И. Герценъ [illegible] по поводу смерти «передового бойца славянофильства» К. С. Аксакова (ум. 1860 года): «Больно людямъ, любившимъ ихъ (т.-е. К. С. Аксакова и А. С. Хомякова, умершаго въ томъ же году), знать, что нѣтъ больше [illegible] благородныхъ, неутомимыхъ, что нѣтъ этихъ противниковъ, которые ближе къ намъ были многихъ своихъ... Да, мы были противниками ихъ, но очень

странными. У насъ была одна любовь, но неодинаковая. У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физiологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминанiе, а мы за пророчества,—чувство безграничной, охватывающей все существованiе, любви къ русскому народу, къ русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время какъ сердце билось одно».

Говоря о «своихъ», которые не такъ близки, какъ противники-славянофилы, Герценъ имѣетъ въ виду такихъ представителей русской общественной мысли, какъ Н. Г. Чернышевскiй и Н. А. Добролюбовъ. Они были такими же прогрессистами, какъ и Герценъ, но между нимъ и имъ не могло быть душевной близости, такъ какъ они выросли и развились подъ влiянiемъ иныхъ культурныхъ традицiй и въ иныхъ условiяхъ жизни, чѣмъ люди 40-хъ годовъ. Послѣднiе были преимущественно люди высшаго круга.—Чернышевскiй и Добролюбовъ были разночинцы: люди 40-хъ годовъ воспитали свой умъ на романтикѣ Шеллинга и Гегелѣ,—для людей 50-хъ годовъ увлеченiе ими было чуждо. Все это приводило къ большей нравственной близости такихъ людей, какъ Герценъ, Грановскiй, Тургеневъ, къ Аксаковымъ, Самарину и другимъ славянофиламъ, чѣмъ къ Чернышевскому и Добролюбову.

Слова Лежнева о новыхъ поколѣнiяхъ, идущихъ мимо, являются анахронизмомъ для романа, дѣйствiе котораго происходитъ въ 40-ые годы. Они могутъ быть понимаемы, какъ отраженiе того положенiя вещей, которое было во время написанiя романа, т.-е въ серединѣ 50-хъ годовъ. Въ это время, дѣйствительно, уже не было въ живыхъ нѣсколькихъ представителей 40-хъ годовъ: во время написанiя романа 4 октября 1855 года умеръ проф. Т. Н. Грановскiй, въ 1848 году скончался Бѣлинскiй, въ 1840 году—Станкевичъ. Въ 40-ые годы еще не было радикально настроенной молодежи, идущей своею дорогою, которая въ 50-ые годы въ литературѣ была представлена Добролюбовымъ и Чернышевскимъ.

LV. *Мистическое значенiе странствованiй Рудина.*—Лежневъ говоритъ Рудину: «Каждый остается тѣмъ, чѣмъ сдѣлала его природа, и больше требовать отъ него нельзя! Ты назвалъ себя Вѣчнымъ Жидомъ... А почему ты знаешь, можетъ-быть, тебѣ и слѣдуетъ такъ вѣчно странствовать, можетъ-быть, ты исполняешь этимъ высшее, для тебя самого неизвѣстное назначенiе: народная мудрость гласитъ не даромъ, что мы всѣ подъ Богомъ ходимъ».

Несмотря на свой флегматическiй характеръ, Лежневъ способенъ иногда увлекаться, какъ это замѣчаетъ въ XII главѣ его жена Александра Павловна («Сознайся, что ты немного увлекся въ пользу Рудина, какъ прежде увлекался противъ него»). Увлеченiе слышится и въ приведенныхъ словахъ, въ которыхъ Лежневъ придаетъ Рудину мистическое значенiе. На увлеченiе, прежде всего, указываютъ слова: «Ты назвалъ себя Вѣчнымъ Жидомъ». Выше Рудинъ нигдѣ себя такъ не называлъ: онъ говоритъ иначе: «Я ро-

дился перекати-полемъ, я не могу остановиться», но Лежневъ въ увлеченіи приписываетъ Рудину собственныя мысли.

Толкованіе жизни Рудина, какъ выраженія высшаго, для него самого неизвѣстнаго назначенія, исторически вполнѣ возможно въ устахъ представителя интеллигенціи 40-хъ годовъ, бывшаго члена кружка Покорскаго-Станкевича, какимъ былъ Лежневъ. Провиденціальное пониманіе жизни, въ романтическо-философской окраскѣ, было свойственно, напр., самому Станкевичу: Въ письмѣ къ Я. М. Невѣрову 13 окт. 1833 года онъ говоритъ: «Много хранитъ для меня Провидѣніе; оно, я начинаю вѣровать, ведетъ меня...». 6 авг. 1835 г. Станкевичъ пишетъ ему же: «Я вѣрю въ особенный промыселъ, бдящій надъ жизнью каждаго, кто хочетъ быть человѣкомъ, онъ подаетъ ему на это средства: иному счастіе, иному бѣдствіе». У западниковъ, впрочемъ, мистическіе и религіозные элементы мысли были незначительны, у нѣкоторыхъ же вовсе отсутствовали. Славянофильству, напротивъ, мистико-религіозныя идеи были близки. Лежнева, какъ указано выше, можно считать выразителемъ славянофильскаго умозрѣнія, и этимъ объясняется провиденціальный характеръ толкованія имъ жизни Рудина и ссылка на народную мудрость, которую идеализировали славянофилы.

Мистическое толкованіе Лежневымъ странствованіи Рудина напоминаетъ подобное же объясненіе Гоголемъ героя «Мертвыхъ Душъ» Чичикова: «Есть страсти,- говоритъ авторъ,—которыхъ избранье не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденья его въ свѣтъ, и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Высшими начертаніями онѣ ведутся, и есть въ нихъ что-то вѣчно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ, все равно, въ мрачномъ ли образѣ, или пронесшись свѣтлымъ явленьемъ, возрадующимъ міръ,- одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И, можетъ-быть, въ семъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростью небесъ» (т. I, глава XI).

LVI. *«Національныя мастерскія».*—Національныя мастерскія были учреждены временнымъ республиканскимъ правительствомъ 25 февраля 1848 года, посредствомъ которыхъ оно обязывалось обезпечить всякому рабочему трудовое существованіе. Но настоящихъ мастерскихъ, гдѣ бы рабочіе могли находить приложеніе своихъ спеціальныхъ ремесленныхъ знаній и умѣній, не было организовано. Всѣ неимѣвшіе занятій рабочіе, а такихъ было множество, потому что революція 1848 года вызвала промышленный кризисъ, были привлечены къ землянымъ работамъ. Когда же онѣ прекратились, рабочіе остались безъ дѣла. Ими и были подготовлены «іюньскіе дни» 1848 года. Учредительное собраніе и, въ частности, министръ торговли Мари относились отрицательно къ «національнымъ мастерскимъ» и въ концѣ-концовъ рѣшили закрыть ихъ.

предлагая рабочимъ или поступить въ армію, или отправиться въ провинцію на земляныя работы. Рабочіе явились къ Мари съ выраженіемъ протеста, но министръ заявилъ, что, если рабочіе не отправятся въ провинцію добровольно, ихъ принудятъ къ этому силою, послѣ чего началось возстаніе «національныхъ мастерскихъ». Инсургенты сосредоточились въ восточныхъ кварталахъ Парижа и забаррикадировались. Правительство направило противъ нихъ значительныя военныя силы. Обѣ стороны сражались съ ожесточеніемъ, такъ какъ національная гвардія была враждебно настроена къ рабочимъ-соціалистамъ. Главнымъ центромъ сопротивленія было Сентъ-Антуанское предмѣстье (въ романѣ—св. Антонія), которое осаждалось три дня, съ 24 по 26 іюля. Рабочее движеніе было подавлено, и Учредительное Собраніе выработало конституцію 1848 года, въ духѣ демократической республики, провозгласившее принципы свободы, равенства и братства.

LVII. *Смерть Рудина.*—Въ письмѣ къ Натальѣ Ласунской Рудинъ писалъ: «Я кончу тѣмъ, что пожертвую собой за какой-нибудь вздоръ, въ который даже вѣрить не буду». Не оправдываетъ ли Тургеневъ эти слова героя обстоятельствами его смерти? Возстаніе «національныхъ мастерскихъ» было однимъ изъ эпизодовъ борьбы французскихъ партій за власть. Партія соціалистовъ боролась противъ Учредительнаго Собранія, въ которомъ она имѣло немного представителей, хотя они и были выбраны всеобщею подачею голосовъ. Принимая участіе въ этомъ возстаніи, могъ ли Рудинъ искренно проникнуться интересами одной партіи и имѣлъ ли онъ основаніе быть враждебно настроеннымъ къ демократическому Учредительному Собранію? Интересы этой партіи никогда, конечно, не могли стать своими для Рудина, владѣвшаго до старости крѣпостными, хотя бы ихъ было, по его словамъ, «двѣ души съ половиною» и прожившаго всю сознательную жизнь въ сферѣ отвлеченныхъ идей Гегелевской философіи. Поэтому можно утверждать, что смерть Рудина логически связана съ приведенными словами изъ его письма къ Натальѣ и со словами, сказанными имъ Лежневу: «А кончу я скверно».

Въ критической литературѣ смерть Рудина вызвала различное отношеніе къ себѣ. Одни увидѣли въ ней доказательство безпочвенности героя и безцѣльности его нравственнаго направленія; другіе, наоборотъ, нашли въ ней положительное проявленіе его личности. Съ отрицательной стороны посмотрѣлъ на этотъ вопросъ, напр., проф. Незеленовъ въ своей книгѣ «Тургеневъ въ его произведеніяхъ», съ положительной—Д. И. Писаревъ: «Рудинъ умираетъ великолѣпно»,—говоритъ онъ.

В. Буренинъ въ книгѣ «Литературная дѣятельность Тургенева» отмѣчаетъ историческую неправдоподобность смерти Рудина: «Сцена смерти Рудина невѣрна въ историческомъ отношеніи, потому что, сколько извѣстно, никто изъ русскихъ идеалистовъ сороковыхъ годовъ, по крайней мѣрѣ, изъ идеалистовъ выдающихся, на баррикадахъ парижскихъ не погибалъ».

LVIII. *Рудинъ — «Polonais» — полякъ.* — То, что французскіе рабочіе приняли Рудина за поляка, объясняется большимъ количествомъ польскихъ эмигрантовъ, жившихъ во Франціи. Въ 1832 году они основали въ Парижѣ польское демократическое общество, наполовину состоявшее изъ соціалистовъ. Отсюда тѣсная связь польскихъ эмигрантовъ съ французскими соціалистами, въ революціонныхъ выступленіяхъ которыхъ поляки принимали самое энергичеcкое участіе.

LIX. *Изображенія природы въ романѣ «Рудинъ».* — Каждое изъ описаній природы, встрѣчающееся въ романѣ, имѣетъ опредѣленный художественный смыслъ.

Въ русской литературѣ Тургеневъ является однимъ изъ лучшихъ живописцевъ природы. На эту сторону его творчества обратили вниманіе русскіе и иностранные критики. Финскій изслѣдователь Гуго Тауно Салоненъ посвятилъ Тургеневу, какъ поэту природы, цѣлую книгу: «Ландшафты И. С. Тургенева» (1915 г.). Живопись природы у Тургенева обладаетъ слѣдующими свойствами. Во-первыхъ, природа въ его изображеніяхъ представляется не въ видѣ неподвижной, застывшей картины. Тургеневъ всегда изображаетъ ее въ движеніи: онъ «слышитъ, какъ она дышитъ, живетъ и творитъ» (Цабель). Во-вторыхъ, описанія природы у Тургенева отличаются «необыкновенно чуткимъ пониманіемъ вліяній, которыя она обнаруживаетъ на душу человѣка» (Арс. Введенскій).

Первое свойство можно видѣть во всѣхъ описаніяхъ природы въ «Рудинѣ». Въ описаніи лѣтняго утра, которымъ начинается романъ, рожь представлена «зыбкою», она «переливается то серебристо-зеленой, то красноватою рябью»; по ней бѣгутъ «съ мягкимъ шелестомъ длинныя волны». Въ описаніи ночи въ III главѣ деревья «шепчутъ», ночь «нѣжится». Въ изображеніи утра въ VII главѣ трава «переливаетъ изумрудомъ и золотомъ»; листья «прилипаютъ другъ къ другу и т. д. Эта оживляющая природу точка зрѣнія въ описаніи Авдюхина пруда переходитъ въ олицетвореніе: «Рѣдкіе сѣрые остовы громадныхъ деревьевъ высились какими-то унылыми призраками надъ низкой порослью кустовъ. Жутко было смотрѣть на нихъ: казалось, злые старики сошлись и замышляли что-то недоброе».

Второе свойство тургеневской живописи природы выясняется изъ художественнаго смысла отдѣльныхъ ея описаній въ «Рудинѣ».

Романъ начинается изображеніемъ тихаго лѣтняго утра. Это — манера многихъ писателей, въ томъ числѣ Тургенева, пользоваться пейзажемъ, какъ вступленіемъ въ произведеніе. Такъ, описаніемъ природы начинаются у Тургенева «Бѣжинъ лугъ», «Пѣвцы», «Дворянское гнѣздо», «Дымъ» и друг. Но описаніе утра въ началѣ «Рудина» имѣетъ еще другое художественное значеніе. Изображая блескъ росы, «душистую свѣжесть», веселое пѣніе птицъ, разнообразныя краски ржи, авторъ создаетъ эффектъ контраста съ «тѣсною, душною и дымною» избою и умирающею въ ней старушкою. Этотъ контрастъ усиливаетъ впечатлѣніе непригладности

крестьянскаго міра, которому далѣе противополагается міръ барской усадьбы, съ ея чуждыми народу интересами.

Второе, очень короткое, описаніе ночи (III глава), въ сценѣ, изображающей ораторское выступленіе Рудина въ салонѣ Ласунской. Онъ—артистъ и умѣетъ выбирать для себя подходящія декораціи. Онъ становится у раскрытаго окна, въ которое смотрится лѣтняя ночь, съ «душистою мглою», съ «дремотною свѣжестью» деревьевъ, съ «тихо теплящимися» звѣздами. На такомъ фонѣ «музыка краснорѣчія» Рудина достигаетъ наивысшаго эффекта. Такимъ образомъ, данное описаніе ночи художественно связано съ цѣлями характеристики героя.

Описаніемъ утра начинается VII глава. Художественный смыслъ его въ заключительныхъ словахъ: отъ сада «вѣяло свѣжестью и тишиной, той кроткой и счастливой тишиной, на которую сердце человѣка отзывается сладкимъ томленіемъ сочувствія и неопредѣленныхъ желаній». Въ слѣдующей за описаніемъ сценѣ, въ разговорѣ съ Натальею, Рудинъ изображаетъ себя вѣчнымъ странникомъ, человѣкомъ, для котораго не можетъ быть уже личныхъ наслажденій, но остается блаженство дѣятельности, и Наталья проникается сочувствіемъ къ нему: «Развѣ женщина не въ состояніи оцѣнить такого человѣка?» Наконецъ Рудинъ признается въ своей любви къ Натальѣ, и она не скрываетъ своего чувства къ нему. Такъ проявляется «томленіе тайнаго сочувствія и неопредѣленныхъ желаній». Слѣдовательно, здѣсь природа является элементомъ дѣйствія романа, усиливающимъ настроеніе героевъ.

Такое же значеніе придается авторомъ природѣ въ изображеніи сцены вечерняго свиданія Рудина съ Натальею: «Просто и тихъ былъ вечеръ; но сдержанный, страстный вздохъ чудился въ этой тишинѣ». Полнымъ соотвѣтствіемъ этому «сдержанному, страстному вздоху» природы является признаніе Натальи на вопросъ Рудина, любитъ ли она его: «Мнѣ кажется... да...—прошептала она».

IX глава, въ которой изображается поражающій героиню ударъ внезапнаго разочарованія въ Рудинѣ, начинается описаніемъ Авдюхина пруда. Описаніе этого «голаго, глухого и мрачнаго» мѣста, съ двумя огромными соснами, въ тощей зелени которыхъ «вѣтеръ вѣчно шумѣлъ и угрюмо гудѣлъ», съ остовами вымершаго лѣса, «кажущимися унылыми призраками», «злыми стариками», описаніе «невеселаго» утра, съ низкими надъ землею «сплошными тучами», со свистомъ и визгомъ вѣтра—является своего рода увертюрою къ изображенію печальнаго для героини послѣдняго свиданія съ Рудинымъ, разбившаго ея первую любовь.

Въ концѣ романа находится небольшое описаніе долгой осенней ночи. Осеннимъ пейзажемъ Тургеневъ пользуется, какъ параллелью грустнымъ настроеніямъ человѣка. Таково описаніе осени въ «Свиданіи» и въ «Нови»: въ ненастный осенній день, подъ заунывные звуки завывающаго вѣтра Неждановъ кончаетъ самоубійствомъ.

Бесѣда Лежнева и Рудина растрогала ихъ обоихъ. Состарѣвшійся, безпріютный Рудинъ уѣзжаетъ. «Бѣднякъ!» говоритъ вслѣдъ ему Лежневъ. Въ это время «на дворѣ поднялся вѣтеръ и завылъ зловѣщимъ завываньемъ, тяжело и злобно ударяясь въ звенящія стекла. Наступила долгая осенняя ночь». Это описаніе должно усилить сочувственный тонъ по отношенію къ Рудину, которымъ проникнутъ эпилогъ, и является художественнымъ подходомъ къ заключительному аккорду автора: «Да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!»

LX. *Взгляды на Рудина людей 40-хъ годовъ и представителей русской мысли 50—60-хъ годовъ.*— Типъ Рудина въ русской критикѣ находилъ какъ положительное, такъ и отрицательное освѣщеніе.

Критики, современные эпохѣ Рудиныхъ, переживавшіе тѣ же увлеченія, что и Тургеневскій герой, не могли отрѣшиться отъ симпатіи къ его личности, которая такъ была знакома имъ по собственному опыту, и потому находили въ Рудинѣ гораздо болѣе положительныхъ, чѣмъ отрицательныхъ чертъ.

Одинъ изъ первыхъ критиковъ «Рудина» Ал—дръ Вас. Дружининъ (1825—1864 г.) говоритъ о значеніи Рудиныхъ для своего поколѣнія («Соч. Дружинина», т. VII): «Многіе изъ насъ въ юности увлекались Рудинымъ, многіе изъ насъ, въ былое время молодости, слушали рудинскія импровизаціи такъ, какъ студентъ Басистовъ слушалъ вдохновенныя разсужденія Дмитрія Николаевича».

Эти слова являются ключомъ разумѣнія, почему Дружининъ призналъ за Рудинымъ выдающееся общественное значеніе: «Рудины,— говоритъ онъ,—были не безполезны обществу въ свое время, можетъ-быть, они нужны ему и теперь,—во всякомъ случаѣ никто не имѣетъ права кидать камнемъ въ этихъ вѣчныхъ странниковъ жизни, безпріютныхъ «инвалидовъ мысли»... Рудинъ—«застрѣльщикъ между двумя арміями»; онъ «долженъ называться человѣкомъ просвѣщеннымъ: сердце его, смягченное знаніемъ, благородная жажда идеала словно родились съ нимъ вмѣстѣ. По уму и душѣ онъ опередилъ многихъ просвѣщенныхъ людей одного съ нимъ края...» Въ Рудинѣ Дружининъ видитъ «огонь любви къ истинѣ, въ немъ горѣвшій, неутомимое стремленіе къ идеалу, сочувствіе къ слабымъ, вражду къ житейской неправдѣ». Онъ «много служилъ дѣлу добраго слова».

Все это положительныя черты Рудина. Но критикъ признаетъ въ немъ и отрицательныя стороны: Рудинъ «всю жизнь свою не могъ возвыситься до пониманія дѣла, до возможной и необходимой гармоніи съ средой, его окружающей. Въ разъединеніи дѣла и слова лежитъ корень всѣхъ недостатковъ Рудина,—основаніе всей его грустной, но близкой къ намъ личности»... Хотя онъ человѣкъ просвѣщенный, но «остановился посреди блестящаго пути, не умѣя воспользоваться сокровищами, только что добытыми».

«Причина такого бездѣйствія,—продолжаетъ Дружининъ,—разрѣшившагося полнымъ безсиліемъ передъ практическою жизнію, заключается въ отсутствіи воли, въ неспособности къ правильному

восприятію началъ истиннаго просвѣщенія. Можно до глубины существа нашего пропитаться добрымъ словомъ,—и, при всемъ томъ, оказаться дѣтски-слабымъ въ тѣ минуты, когда представитъ необходимость сдѣлать дѣло изъ добраго слова. Человѣкъ просвѣщается тѣмъ же путемъ, какъ и общество, какъ и государство. Человѣкъ, просвѣщающій себя, долженъ быть для своего нравственнаго міра въ нѣкоторомъ смыслѣ тѣмъ же, чѣмъ былъ великій преобразователь Россіи, государь Петръ Великій,—для края. Подобно тому какъ нашъ великій просвѣтитель, усиліями могучей воли, вводилъ великія идеи, имъ добытыя, въ жизнь и бытъ Россіи, всякій честный и слабый человѣкъ, обогащаясь сокровищами мудрости, обязанъ, во что бы то ни стало, сродить эти сокровища съ своей жизнью, примѣнить ихъ къ средствамъ и потребностямъ среды, его окружающей. Мало одной горячей любви къ правдѣ, надо проводить эту правду въ всей жизни нашей. Мало проводить правду съ упорствомъ и необузданной горячностью, надо быть мудрымъ, практическимъ, своевременнымъ въ ея примѣненіи. Одного идеала мало для просвѣщенія, съ одной благородной горячкою ничего не сдѣлаешь, съ однимъ краснорѣчивымъ словомъ не уйдешь далеко. Необходимо просвѣщенному дѣятелю жизни коротко знать всѣ средства той среды, гдѣ ему судьбой назначено жить». Но Рудинымъ, говоритъ далѣе Дружининъ,—«самое поприще боя было совершенно незнакомо».

Говоря объ этихъ нравственныхъ недостаткахъ героя романа, Дружининъ относитъ ихъ происхожденіе ко вліянію исторической эпохи, въ которую жилъ Рудинъ: онъ «есть живой плодъ нашего ранняго, быстро развивающагося, порывистаго просвѣщенія».

Дружининъ, конечно, нѣсколько сгущаетъ краски, рисуя идеализмъ Рудина. Онъ говоритъ, напр., объ его «враждѣ къ житейской неправдѣ». Это можно сказать о другомъ героѣ Тургенева, но человѣкѣ совсѣмъ иной складки—Бабуринѣ («Пунинъ и Бабуринъ»), съ представленіемъ же о Рудинѣ слова Дружинина мало вяжутся. Однако, въ общемъ, тонъ критики Дружинина объективный.

Иначе относится къ типу Рудина другой писатель, Мих. Вас. Авдѣевъ (1821—1876 г.), принадлежащій къ школѣ беллетристовъ 40-хъ годовъ. Его оцѣнка впадаетъ въ слишкомъ субъективное истолкованіе Тургеневскаго героя и лишена какого-либо критицизма.

«Совершенно несправедливо,—говоритъ онъ,—установившееся воззрѣніе, что Рудины и всѣ люди сороковыхъ годовъ были способны только къ разговорамъ, а не къ дѣлу. Напротивъ, тамъ, гдѣ для этихъ людей была открыта возможность общественной дѣятельности, они немедленно воспользовались ею и явились способнѣйшими тружениками. Такъ, крестьянское дѣло выработано и вынесено ими на своихъ плечахъ; и если потомъ обстоятельства вновь такъ сложились, что ихъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ опять найдено излишнимъ, то ихъ бездѣйствіе уже не можетъ быть имъ поставлено въ вину».

Эти слова имѣютъ автобіографическій смыслъ. Авдѣевъ принималъ ближайшее участіе въ крестьянской реформѣ, состоя членомъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, но въ 1863 году онъ принужденъ былъ удалиться за границу, гдѣ прожилъ значительное время. Такимъ образомъ, авторъ отождествляетъ себя, какъ представителя общества, съ типомъ Рудина, въ чемъ и состоитъ субъективность его общественнаго истолкованія.

Послѣ этого понятна основа того, что Авдѣевъ говоритъ о Рудинѣ: «Рудинъ не былъ пустословомъ, но былъ положительнымъ дѣятелемъ. Тамъ, гдѣ слово выходитъ изъ обыкновенной колеи и возвышается до краснорѣчія, до силы подымающей, двигающей, не дающей покоя, — тамъ рѣчь становится дѣломъ, говорунъ обращается въ проповѣдника... Рудинъ не ограничивался одними словами. Когда онъ видитъ, что эти слова не приносятъ пользы, онъ хватается за всякое дѣло... Конецъ Рудина показываетъ, что Рудинъ не принадлежалъ къ числу людей слова, онъ умираетъ, убитый на парижской баррикадѣ, сражаясь за свободу чуждаго ему народа. Теперь спросимъ мы читателя: такъ ли умираютъ люди слова, люди, не имѣющіе воли и твердости, чтобы пожертвовать собою своему дѣлу?.. Рудинъ былъ человѣкъ, цѣлой головой выходящій изъ ряда; онъ первый между героями является намъ не какъ страдательное лицо, не какъ забитый и изломанный человѣкъ, а какъ истинный и положительный двигатель, погибающій какъ водится — впослѣдствіи. Да, Рудинъ первый между героями литературы общественный дѣятель».

Того, что видѣли въ Рудинѣ люди 40-хъ годовъ, не могли видѣть представители послѣдующихъ поколѣній русской интеллигенціи. Примѣромъ отношенія людей 50-хъ годовъ къ Рудинскому типу является Н. А. Добролюбовъ. Въ знаменитой статьѣ «Что такое обломовщина?» критикъ подводитъ подъ одинъ знаменатель такихъ героевъ, какъ Онѣгинъ, Печоринъ, Бельтовъ («Кто виноватъ» Герцена), Тентѣтниковъ, Обломовъ и Рудинъ: «Надъ всѣми этими лицами тяготѣетъ одна и та же обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгладимую печать бездѣльничества, дармоѣдства и совершенной ненужности на свѣтѣ».

Добролюбовъ доказываетъ свою мысль фактами, напр.:

Онѣгинъ дома запершись,
Зѣвая, за перо взялся,
Хотѣлъ писать, но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его...

На этомъ же поприщѣ подвизался и Рудинъ, который любилъ читать избраннымъ «первыя страницы предполагаемыхъ статей и сочиненій своихъ» («Рудинъ», гл. VI). Тентѣтниковъ тоже много лѣтъ занимался «колоссальнымъ сочиненіемъ, долженствовавшимъ обнять всю Россію со всѣхъ точекъ зрѣнія»; но и у него «предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо.

являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось въ сторону». Илья Ильичъ не отсталъ въ этомъ отъ своихъ собратій: онъ тоже писалъ и переводилъ,—Сэя даже переводилъ. «Гдѣ же твои работы, твои переводы?» — спрашиваетъ его потомъ Штольцъ. «Не знаю, Захаръ куда-то дѣлъ; въ углу, должно-быть, лежатъ», отвѣчаетъ Обломовъ. Выходитъ, что Илья Ильичъ даже больше, можетъ-быть, сдѣлалъ, чѣмъ другіе, принимавшіеся за дѣло съ такой же твердой рѣшимостью, какъ и онъ»...

«Всѣ наши герои, кромѣ Онѣгина и Печорина [1]), служатъ, и для всѣхъ ихъ служба — ненужное и неимѣющее смысла бремя; и всѣ они оканчиваютъ благородной и ранней отставкой. Бельтовъ четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ не дослужилъ до пряжки, потому что, погорячившись сначала, вскорѣ охладѣлъ къ канцелярскимъ занятіямъ, сталъ раздражителенъ и небреженъ... Тентетниковъ поговорилъ крупно съ начальствомъ, да при томъ же хотѣлъ принести пользу государству, лично занявшись устройствомъ своего имѣнія. Рудинъ поссорился съ директоромъ гимназіи, гдѣ былъ учителемъ. Обломову не понравилось, что съ начальствомъ всѣ говорятъ «не своимъ голосомъ, а какимъ-то другимъ, тоненькимъ и гадкимъ»; онъ не хотѣлъ своимъ голосомъ объясняться съ начальствомъ по тому поводу, что отправилъ нужную бумагу вмѣсто Астрахани въ Архангельскъ, и подалъ въ отставку... Вездѣ все одна и та же обломовщина...»

Отдѣльно отъ другихъ литературныхъ героевъ, Добролюбовъ такъ характеризуетъ Рудина: «Онъ не только понимаетъ, что ему дано много силъ, но знаетъ и то, что у него есть великая цѣль... Подозрѣваетъ, кажется, даже и то, какая это цѣль, и гдѣ она находится. Онъ благороденъ, честенъ (хотя часто и не платитъ долговъ); съ жаромъ разсуждаетъ не о пустякахъ, а о высшихъ вопросахъ; увѣряетъ, что готовъ пожертвовать собою для блага человѣчества. Въ головѣ его рѣшены всѣ вопросы, все приведено въ живую, стройную связь; онъ увлекаетъ своимъ могучимъ словомъ неопытныхъ юношей, такъ что, послушавъ его, и они чувствуютъ, что призваны къ чему-то великому... Но въ чемъ проходитъ его жизнь? Въ томъ, что онъ все начинаетъ и не оканчиваетъ, разбрасывается во всѣ стороны, всему отдается съ жадностью и не можетъ отдаться... Онъ влюбляется въ дѣвушку, которая, наконецъ, говоритъ ему, что, несмотря на запрещеніе матери, она готова принадлежать ему; а онъ отвѣчаетъ: «Боже! такъ ваша маменька не согласна! какой внезапный ударъ! Боже! какъ скоро... Дѣлать нечего,— надо покориться»... И въ этомъ точный образецъ всей его жизни... Это—Обломовъ. Когда вы хорошенько всмотритесь въ эту личность и поставите ее лицомъ къ лицу съ требованіями современной жизни,—вы сами въ этомъ убѣдитесь».

---

[1]) Здѣсь или недосмотръ Добролюбова, или неясность мысли: вѣдь Печоринъ былъ офицеръ.

Наконецъ, Добролюбовъ даже признаетъ, что «Обломовъ менѣе раздражаетъ свѣжаго, молодого, дѣятельнаго человѣка, нежели Печоринъ и Рудинъ».

Статья Добролюбова не имѣетъ характера исключительно критическаго разбора ряда литературныхъ героевъ,—эта статья публицистическая и была направлена противъ людей 40-хъ годовъ, которые продолжали свою дѣятельность и въ 50-ые годы, какъ Тургеневъ и Герценъ. Выше (LIV) было указано расхожденіе этихъ двухъ общественныхъ поколѣній, «отцовъ и дѣтей». «Дѣти» считали «отцовъ» романтиками и аристократами, барами; «отцы» не любили «дѣтей» за ихъ рѣзкость и самомнѣніе. Однажды Тургеневъ сказалъ Чернышевскому: «Васъ я еще могу переносить, но Добролюбова не могу... Вы простая змѣя, а Добролюбовъ—очковая змѣя». Герценъ направилъ противъ нихъ двѣ статьи въ «Колоколѣ». Одна изъ нихъ, подъ названіемъ по-англійски «Very dangerous!!!» («Очень опасно») нападала на «дѣтей» за постоянное высмѣиваніе въ «Свисткѣ», приложеніи къ журналу «Современникъ», обличительной литературы, къ которой относился и лондонскій «Колоколъ» Герцена; другая, подъ названіемъ «Лишніе люди и желчевики», изображала столкновеніе двухъ поколѣній: лишнихъ людей 30—40-хъ годовъ и желчевиковъ, людей 50-хъ годовъ. Отношеніе послѣднихъ къ первымъ выражено здѣсь въ слѣдующемъ діалогѣ между Герценомъ и однимъ изъ желчевиковъ, подъ которымъ нѣкоторые изслѣдователи разумѣютъ Чернышевскаго, ѣздившаго въ Лондонъ объясняться съ Герценомъ по поводу статьи «Очень опасно».

« — Что вы заступаетесь за этихъ лѣнтяевъ,—говорилъ намъ одинъ желчевикъ,—дармоѣдовъ, трутней, бѣлоручекъ, тунеядцевъ, à la Онѣгинъ?.. Извольте видѣть, они образовались иначе, міръ ихъ окружающій, имъ слишкомъ грязенъ, недовольно натертъ воскомъ, замараютъ руки, замараютъ ноги. То ли дѣло стонать о несчастномъ положеніи и при томъ спокойно ѣсть да пить.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что эти люди по доброй волѣ ничего не дѣлали или дѣлали вздоръ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, они были романтики и аристократы, они ненавидѣли работу, себя считали бы униженными, взявшись за топоръ или за шило, да и того, правда, они не умѣли».

Такая точка зрѣнія на людей 30—40-хъ годовъ и отразилась въ пониманіи Добролюбовымъ Рудина.

Въ 60-ые годы взаимное непониманіе «отцовъ» и «дѣтей» было усилено глубокимъ различіемъ въ самомъ міросозерцаніи двухъ общественныхъ поколѣній. Люди 40-хъ годовъ жили идеями романтика Шеллинга и отвлеченною философіею Гегеля, трактовавшихъ о духѣ и его жизни. Въ 50-ые и особенно 60-ые годы источникъ идейнаго возбужденія среди мыслящей части русскаго общества былъ, правда, тотъ же германскій, но совершенно иного характера. «Нѣмцы—наши учителя», говоритъ герой «Отцовъ и

дѣтей» Базаровъ, но среди этихъ учителей уже не числится ни Шеллингъ, ни Гегель.

Въ 40-ые годы въ самой Германіи идеалистическое направленіе мысли, выражавшееся въ системахъ этихъ философовъ, стало уступать свое мѣсто опытному направленію науки и матеріалистическому воззрѣнію на природу. Если Шеллингъ и Гегель представляли міръ, какъ проявленіе идеи, Мірового Разума, духа, то Александръ Гумбольдтъ въ своемъ «Космосѣ» трактуетъ природу, какъ нѣчто оживляемое и движимое внутренними силами матеріи. Появляется цѣлый рядъ крайнихъ матеріалистовъ-ученыхъ, какъ Либихъ, Молешоттъ, Фохтъ, Бюхнеръ, Фейербахъ и другіе, стремившіеся всѣ явленія живой природы свести къ тѣмъ же процессамъ, какіе существуютъ въ неорганическомъ мірѣ.

Это матеріалистическое міросозерцаніе въ серединѣ 50-хъ и въ 60-ые годы прививается въ Россіи, отраженіемъ чего въ русской литературѣ и является Базаровъ, который смѣется надъ «отцами», людьми 40-хъ годовъ, называя ихъ «старенькими романтиками», считаетъ романтизмомъ философію вообще, отрицаетъ даже логику и поэзію, заявляя, что «порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта». Вотъ тотъ кругъ идей, въ которомъ жилъ первый критикъ 60-хъ годовъ, Д. И. Писаревъ, и который былъ такъ далекъ отъ идеалистическаго мировоззрѣнія Рудина. Все это надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ взгляда Писарева на послѣдняго.

Поколѣніе Рудиныхъ,—говоритъ онъ,—гегельянцы, заботившіеся только о томъ, чтобы въ ихъ идеяхъ господствовала систематичность, а въ ихъ фразахъ—замысловатая таинственность, мирились съ нелѣпостями жизни, оправдывая ихъ разными высшими взглядами, и, всю свою жизнь толкуя о стремленіяхъ, не трогались съ мѣста и не умѣли измѣнить къ лучшему даже особенности своего домашняго быта. Развѣнчать этотъ типъ было такъ же необходимо, какъ необходимо было Сервантесу похоронить своимъ Донъ-Кихотомъ рыцарскіе романы, какъ одно изъ послѣднихъ наслѣдій средневѣковой жизни. Типъ красиваго фразера, совершенно чистосердечно увлекающагося потокомъ своего краснорѣчія, типъ человѣка, для котораго слово замѣняетъ дѣло и который, живя однимъ воображеніемъ, прозябаетъ въ дѣйствительной жизни, совершенно развѣнчанъ Тургеневымъ. Люди этого типа совершенно не виноваты въ томъ, что они люди безполезные; но они вредны тѣмъ, что увлекаютъ своими фразами тѣ неопытныя созданія, которыя прельщаются ихъ внѣшнею эффектностью; увлекши ихъ, они не удовлетворяютъ ихъ требованіямъ; усиливъ въ нихъ чувствительность, способность страдать, они ничѣмъ не облегчаютъ ихъ страданія,—словомъ, это болотные огоньки, заводящіе ихъ въ трущобы и погасающіе тогда, когда несчастному путнику необходимъ свѣтъ, чтобы разглядѣть свое затруднительное положеніе. Тургеневъ исчерпалъ этотъ типъ въ Рудинѣ. На словахъ эти люди, подобные Рудину, способны на подвиги, на жертвы, на героизмъ, такъ, по крайней мѣрѣ, подумаетъ каждый обыкновенный смертный,

слушая ихъ разглагольствованія о человѣкѣ, о гражданинѣ и другихъ тому подобныхъ отвлеченныхъ и высокихъ предметахъ. На дѣлѣ эти дряблыя существа, постоянно испаряющіяся въ фразы, неспособны ни на рѣшительный шагъ, ни на усидчивый трудъ».

LXI. *Двойственное отношеніе Тургенева къ Рудину.* Аполлонъ Григорьевъ первый изъ критиковъ обратилъ вниманіе на художественную двойственность романа «Рудинъ»: «Въ этой повѣсти, — говоритъ онъ, — совершается передъ глазами читателей явленіе совершенно особенное. Художникъ, начавши критическимъ отношеніемъ къ создаваемому имъ лицу, видимо, путается въ этомъ критическомъ отношеніи, самъ не знаетъ, что ему дѣлать съ своимъ анатомическимъ ножомъ, и наконецъ, увлеченный порывомъ искренняго стараго сочувствія, снова возводитъ въ апотеозу въ эпилогѣ то, къ чему онъ пытался отнестись критически въ разсказѣ. И нельзя даже подумать, чтобы критика была новымъ подходомъ къ апотеозѣ, такъ быстро и прямо совершается передъ глазами читателя поворотъ, такъ послѣ прочтенія эпилога становится ясно, что все, кромѣ эпилога, да той минуты, когда Рудинъ, стоящій вечеромъ у окна и заключающій свою бесѣду, свою проповѣдь легендою о скандинавскомъ царѣ, напоминаетъ манеры, пріемы и цѣлый образъ одного изъ любимѣйшихъ людей нашего поколѣнія, что, кромѣ этого, говорю я, все остальное сдѣлано, а не рождено, сдѣлано искусственно, хоть и не совсѣмъ искусно, вымучено у души насильственно... Тутъ, однимъ словомъ, обнаруживается въ отношеніяхъ художника къ создаваемому имъ типу, да вмѣстѣ съ тѣмъ и для многихъ изъ насъ, кто подобросовѣстнѣе, — замѣчательная путаница» (соч. I, 322).

Такимъ образомъ, Ап. Григорьевъ указываетъ, во-первыхъ, что авторъ проявляетъ неодинаковое отношеніе къ своему герою во всемъ романѣ; во-вторыхъ, что между романомъ и эпилогомъ нѣтъ художественной связи и единства; и, въ-третьихъ, что эпилогъ вытекаетъ изъ «искренняго стараго сочувствія» автора къ «одному изъ любимѣйшихъ людей его поколѣнія», все же остальное «сдѣлано искусственно», т.-е. критическое отношеніе Тургенева къ Рудину надумано, идетъ отъ ума, а не сердца.

Далѣе на художественную двойственность романа указалъ А. М. Скабичевскій: «Трудно, — говоритъ онъ, — встрѣтить въ какомъ-либо другомъ произведеніи литературы характеръ до такой степени невыдержанный, противорѣчащій самому себѣ, какъ Рудинъ въ повѣсти Тургенева... Если въ первой части онъ является передъ нами Гамлетомъ, то во второй части онъ Донъ-Кихотъ въ полномъ смыслѣ этого слова (я здѣсь сообразуюсь съ характеристикою этихъ обоихъ типовъ, представленныхъ Тургеневымъ въ статьѣ «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ»)».

Наконецъ на вопросѣ о двойственности романа подробно останавливается И. И. Ивановъ въ книгѣ «И. С. Тургеневъ. Жизнь, личность, творчество».

Въ первомъ изданіи этой книги Ивановъ говоритъ: «Смыслъ перваго тургеневскаго романа несравненно болѣе автобіографическій, чѣмъ историко-общественный. И именно этотъ смыслъ возвышаетъ значеніе романа и бросаетъ вѣрный свѣтъ на нравственную природу художника и его дальнѣйшій путь развитія. Рудинъ послужилъ духовнымъ самоочищеніемъ для автора. Тургеневу необходимо было освободиться отъ юношескихъ ослѣпленій, отъ праздной игры тщеславнаго воображенія, чтобы вполнѣ сознательно отнестись къ окружающей дѣйствительности и сказать и прочное слово, и столь для него желанное, и жадно искомое. Но авторъ не могъ остановиться на одномъ отрицаніи, не могъ оставить себя и читателей среди поля, покрытаго осмѣянными фразами и позами, оборванной, потускнѣвшей мишурой. Воспоминанія молодости вообще дороги и близки сердцу, но они еще дороже, когда съ ними соединяется представленіе о былыхъ успѣхахъ, о быломъ блескѣ, беззаветномъ героизмѣ— все-равно дѣйствительномъ или театральномъ. Всѣ поэты, развѣнчивая молодыя заблужденія, хранятъ въ сердцѣ какое-то нѣжное чувство къ своимъ героямъ, похожее на чувство отца къ легкомысленному сыну».

Такимъ образомъ, критикъ признаетъ, во-первыхъ, что отрицательное отношеніе автора къ Рудину въ первой части романа явилось слѣдствіемъ стремленія Тургенева къ «духовному самоочищенію отъ юношескихъ ослѣпленій»; положительное же освѣщеніе героя во второй части—результатомъ дорогихъ воспоминаній молодости, т.-е. того «и крѣпкаго стараго сочувствія», о которомъ говоритъ Ап. Григорьевъ.

Во второмъ изданіи той же книги И. И. Ивановъ представляетъ дѣло иначе.

«Тургеневу предстояла задача изобразить существо разнородное, двуликое и надломленное, одновременно и смѣшное и трагическое, жалкое и героическое, пошлое и благородное, носящее въ себѣ смерть и сѣмена новой жизни». Всѣ отрицательныя свойства Тургеневъ изобразилъ въ первой части романа, которая вышла «живой, свободной и драматической»... «Но вторая часть... Ее написать было необходимо,—иначе осталось бы одностороннее несправедливое обличеніе сложнаго и отнюдь не сплошь отрицательнаго явленія. Но какъ изобразить положительныя стороны рудинской личности? Въ какой дѣятельности? Ни сами Рудины не обладали дѣятельными способностями, ни русская жизнь не представляла возможностей дѣйствовать... Тургеневу приходилось *придумать* положенія, не возможности соотвѣтствующія русской жизни и показать Рудина безупречнымъ рыцаремъ чести и правды и безпомощной жертвой житейской пошлости».

«Сначала Рудина «возстанавливаютъ» на словахъ: «минуло около двухъ лѣтъ», и Лежневъ—его искренній другъ, даже поклонникъ, наравнѣ съ Басистовымъ. Теперь онъ все оправдываетъ и все объясняетъ. Но какъ же, спросите вы, можно оправдать поступки,

разсказанные раньше тѣмъ же Лежневымъ и ясно доказывавшіе, что Рудинъ, тридцатипятилѣтній Рудинъ—почти невѣжа, недобросовѣстный фразеръ, сомнительный въ своихъ отношеніяхъ къ друзьямъ и женщинамъ? Ни одинъ изъ этихъ поступковъ и не опровергается, а другихъ Лежневъ не знаетъ: онъ не видѣлъ Рудина послѣ романа съ Натальей. Неужели только чувство ревности, притомъ далеко неясное и въ глазахъ самого Лежнева врядъ ли основательное, можетъ до такой степени сбить съ толку необыкновенно уравновѣшеннаго и разсудительнаго человѣка? Кромѣ того, надо помнить, Лежневъ порвалъ съ Рудинымъ задолго до романа и встрѣчается съ нимъ крайне непривѣтливо: очевидно, причины разрыва были весьма внушительны и вполнѣ соотвѣтствовали разсказамъ Лежнева о Рудинѣ. Куда же все это исчезло безъ всякаго участія со стороны Рудина, и даже послѣ его послѣднихъ далеко непохвальныхъ приключеній? Только что мы слышали суровый приговоръ герою и видѣли на дѣлѣ, насколько этотъ приговоръ справедливъ,—и вдругъ оправданіе по всѣмъ статьямъ и даже признаніе великой пользы отъ его краснорѣчія, хотя именно оно и заставило Лежнева презирать Рудина задолго до побѣдъ оратора надъ Натальей и Басистовымъ!..»

«Очевидно, *логическое* объясненіе здѣсь непримѣнимо. Автору нужно создать у читателей новое представленіе о своемъ героѣ, и сначала тость Лежнева, его безпощаднаго судьи, а потомъ—для картиннаго подтвержденія—появленіе самого Рудина. Въ первой части Рудинъ дѣйствовалъ соотвѣтственно отзывамъ Лежнева, во второй части его дѣйствія другія, другія и рѣчи Лежнева».

Въ первой и второй частяхъ романа «чувства и мысли (Рудина) до такой степени различны, что передъ нами будто два лица и два романа. Въ одномъ лицѣ безпощадно разоблачены пышныя рѣчи и лицедѣйская удаль, прикрывающія слабость воли и роковую разсыпчатость натуры, на другомъ лицѣ почили всепрощеніе, глубокая жалость и даже уваженіе».

Для объясненія этого И. И. Ивановъ выходитъ изъ рамокъ личности Тургенева и становится на широкій путь толкованія общихъ свойствъ русской интеллигенціи:

«Кто изъ русскихъ—не сороковыхъ годовъ—а какого бы ни было поколѣнія броситъ камень въ Рудина? Да это значитъ посягнуть на самаго отечественнаго, на самаго кровнаго своего собрата, на самое туземное и устойчивое произведеніе русской почвы. Кто не былъ Рудинымъ самъ или кто не встрѣчалъ его въ жизни? То, что принято именовать *русскій интеллигентъ*, и есть Рудинъ—до сихъ поръ все возрождающійся подъ разными именами, съ кое-какими добавочными чертами,—но по существу все тотъ же единый и вѣчный. *Геніальность есть, натуры нѣтъ*—вотъ знамя, все еще вѣющее надъ русскими поколѣніями; и кто скажетъ, въ какомъ десятилѣтіи, въ какомъ вѣкѣ рука исторіи сотретъ эту надпись и поставитъ другую: *геніальность и натура*—и тогда исчезнутъ всевозможныя породы лишнихъ, разочарованныхъ, разбитыхъ

(людей),—и тогда художникамъ и вслѣдъ за ними историкамъ не придется въ своихъ описаніяхъ и воспоминаніяхъ смѣяться смѣхомъ сквозь слезы и плакать слезами сквозь улыбку надежды. Съ такимъ чувствомъ Тургеневъ писалъ свой романъ».

Такимъ образомъ, проф. Ивановъ объясняетъ художественную двойственность романа не личною психологіею Тургенева, какъ объяснялъ Ап. Григорьевъ, и самъ онъ въ первомъ изданіи своей книги, а тою психологіею автора «Рудина», которая присуща ему, какъ русскому интеллигенту.

Въ вопросѣ о художественной двойственности романа «Рудинъ» заключается два вопроса. Первый: представляетъ ли Рудинъ романа и Рудинъ эпилога «будто два лица», какъ говоритъ И. И. Ивановъ, или Гамлета и Донъ-Кихота, какъ говоритъ Скабичевскій? — И второй вопросъ: не зависитъ ли художественная двойственность романа отъ различнаго отношенія къ герою самого автора?

Первый вопросъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно не на основаніи общаго впечатлѣнія, которое производитъ эпилогъ тономъ, какимъ онъ написанъ, а на основаніи самыхъ фактовъ.

Что образъ Донъ-Кихота носился въ творческой фантазіи Тургенева, когда онъ писалъ вторую половину романа, это доказывается сопоставленіями словъ Рудина и Донъ-Кихота, указанными выше (XLIII и LIII). Но такъ какъ типъ Рудина есть индуктивный художественный образъ, т.-е. является результатомъ наблюденій автора, а не литературной начитанности, то Донъ-Кихотъ не въ состояніи былъ повліять на этотъ сложившійся въ творческомъ сознаніи Тургенева образъ. Если сравнить Рудина эпилога съ тѣмъ, какъ понималъ Тургеневъ Донъ-Кихота въ своей рѣчи, на которую ссылается Скабичевскій, то между ними нѣтъ ничего общаго. Изъ сообщаемыхъ Рудинымъ трехъ эпизодовъ своей жизни первый разсказанъ въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что никакихъ фактовъ для характеристики героя, какъ Донъ-Кихота, не почерпаешь изъ него. Читатель узнаетъ только, что планы у Рудина были громадные, что онъ мечталъ о разныхъ усовершенствованіяхъ, нововведеніяхъ, но въ чемъ эти планы заключались, не знаемъ. Рудинъ думалъ, пользуясь средствами своего богатаго знакомаго, приносить пользу существенную и дѣлать добро, но ни о какихъ попыткахъ къ этому дальше ничего не говорится. Поэтому изъ разсужденія о Рудинѣ эпилога первый эпизодъ приходится совершенно исключить.

Второй эпизодъ какъ будто имѣетъ въ себѣ что-то Донъ-Кихотское, но, когда Рудинъ разсказываетъ о проектѣ Курбѣева, онъ не забываетъ упомянуть, что эт   проектъ «могъ бы принести огромныя выгоды». Такія практическія соображенія совершенно не мыслимы въ представленіи о Донъ-Кихотѣ: «въ немъ нѣтъ и слѣда эгоизма, говоритъ о немъ Тургеневъ, онъ не заботится о себѣ, онъ весь самопожертвованіе».

«Смиренный сердцемъ, онъ духомъ великъ и смѣлъ; чуждый тщеславія, онъ не сомнѣвается въ себѣ, въ своемъ призваніи, даже въ своихъ физическихъ силахъ; воля его—непреклонная воля».

Рудинъ сомнѣвается въ себѣ,— иначе чѣмъ объяснить вопросъ, предлагаемый имъ Лежневу: «Послушай, вѣдь и ты не станешь отрицать во мнѣ желанія добра?» Непреклонной воли въ немъ нѣтъ: онъ готовился ко второй и третьей лекціи, потомъ воля ослабѣла, и Рудинъ сталъ импровизировать. Донъ-Кихотъ чуждъ тщеславія. Рудинъ, передавая о своемъ учительствѣ, только и говоритъ о впечатлѣніи, которое онъ производилъ на гимназистовъ.

«Донъ-Кихотъ, исколоченный галерными преступниками до невозможности пошевельнуться, ни мало не сомнѣвается въ успѣхѣ своего предпріятія».- Рудинъ всегда сознаетъ неуспѣхъ своихъ предпріятій: «меня понимали плохо,—говоритъ онъ о своихъ ученикахъ,- «слушатели мои выносили мало изъ моихъ лекцій»; его учительство «послѣдній мыльный пузырь».

Такимъ образомъ, въ эпилогѣ нѣтъ фактовъ, которые вели бы Рудина въ разрядъ Донъ-Кихотовъ. Это прежній Рудинъ - лѣнивый, по словамъ Лежнева, и потому не готовящійся къ урокамъ, хотя онъ сознаетъ, что не знаетъ своего предмета, подтверждая этимъ также слова Лежнева, сказанныя про него, что онъ «не очень свѣдущъ». Въ первой части Лежневъ бросаетъ ему въ укоръ: «Стыдно тѣшиться шумомъ собственныхъ рѣчей!» - Рудинъ эпилога тѣшится имъ передъ гимназистами: вѣдь онъ зналъ, что его понимали плохо, что изъ его лекцій ученики мало выносили, и все-таки онъ говорилъ передъ ними!

Поэтому невозможно утверждать, что Рудинъ эпилога - это не тотъ герой, какого авторъ изобразилъ въ романѣ. Герой остался тотъ же, какъ типъ, но отношеніе къ нему автора, тонъ, съ которымъ Тургеневъ говоритъ о немъ, измѣнились.

Въ этомъ отношеніи романъ дѣлится на двѣ части: первая обнимаетъ одиннадцать главъ, вторая—двѣнадцатую главу и эпилогъ. Съ двѣнадцатой главы мѣняетъ свое мнѣніе о Рудинѣ его правственный судья Лежневъ, а также самъ авторъ. Въ первыхъ одиннадцати главахъ для него Рудинъ—«путешествующій принцъ», «только на словахъ ищетъ чистыхъ и преданныхъ душъ», говоритъ такъ, будто «не высказываетъ и десятой доли того, что тѣснилось ему въ душу»; уѣзжая отъ Ласунской, хотя и припоминаетъ гордыя слова Донъ-Кихота о свободѣ, но плачетъ изъ самолюбія. Въ XII главѣ и эпилогѣ Рудинъ рисуется сочувственнымъ тономъ. Въ его фигурѣ «было что-то безпомощное и грустно-покорное»; «въ похолодѣлой, какъ бы разбитой рѣчи высказывалась усталость окончательная, тайная и тихая скорбь, далеко различная отъ той полупритворной грусти, которою онъ щеголялъ бывало». Въ концѣ романа у автора вырывается восклицаніе: «Да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!»

Такимъ образомъ, можно говорить о двойственности въ отношеніи Тургенева къ Рудину, но не о двойственности самаго образа героя.

LXII. *Вліяніе историческаго момента на двойственное отношеніе Тургенева къ Рудину.*—Ап. Григорьевъ и проф. Ивановъ сначала

выводили объясненіе двойственнаго отношенія Тургенева къ Рудину изъ личной психологіи автора; затѣмъ второй изъ названныхъ критиковъ сталъ въ объясненіи этого факта на почву психологіи Тургенева, какъ русскаго интеллигента. Психологическія явленія сложны и многосторонни, и все указанное надо принять во вниманіе при объясненіи романа, но должна была быть еще очень важная сторона психологіи Тургенева, которую необходимо раскрыть для уясненія вопроса о двойственномъ отношеніи автора къ типу Рудина. Эта сторона зависѣла отъ историческаго момента, въ который былъ созданъ «Рудинъ».

По словамъ К. С. Аксакова, лѣтъ за десять до года написанія романа Тургеневъ изобразилъ бы Рудина «совершеннымъ героемъ». Что же могло направить мысль автора прежде всего въ сторону критическаго освѣщенія избраннаго имъ типа? Это были тѣ сильныя потрясенія, которыя заставили русское общество 50-хъ годовъ оглянуться на себя, задать себѣ вопросъ, что оно сдѣлало и на что способно, и критически отнестись къ своему прошлому. Эта критика начинается подъ громъ Севастопольской войны, коснувшись всего общественнаго и политическаго уклада жизни Россіи.

Даже людей стараго общественнаго закала, переживших̆ъ еще 1812 годъ, какъ, напр., С. Т. Аксакова, Крымская война волновала совершенно особенно и заставляла, на старости лѣтъ, задавать себѣ вопросы, которые были первымъ шагомъ къ широкому общественному пробужденію: «Мы находимся теперь, —писалъ С. Т. Аксаковъ А. О. Смирновой,—въ исключительномъ положеніи. Мы погружены въ безотрадное горе и въ тревожное ожиданіе новыхъ печальныхъ явленій нашего безъисходнаго положенія. Много великихъ событій совершилось на моей памяти; я помню, какъ возникалъ Наполеонъ; но ни одно такъ не волновало меня, какъ настоящее или, лучше сказать, грядущее событіе. Самое тяжелое въ нашемъ положеніи—неизвѣстность, туманъ, который насъ окружаетъ. Что мы такое? Чего хотимъ, за кого стоимъ? Никто не знаетъ». Подобные вопросы приводили всѣхъ мыслящихъ русскихъ къ печальнымъ отвѣтамъ. Очень опредѣленно смотрѣлъ на военныя неудачи Россіи сынъ Сергѣя Тимоѳеевича Ив. С. Аксаковъ: «Какъ неумолимо правосудна судьба, — писалъ онъ отцу,—какъ жестока въ своей логикѣ! Признаюсь,—я не очень негодую на Горчакова: Севастополь палъ не случайно, не по его милости; я жалѣю, что не было тутъ искуснѣйшаго генерала, чтобы отнять всякій поводъ къ искаженію истины; онъ долженъ былъ пасть, чтобы явилось въ немъ дѣло Божіе, то-есть обличеніе всей гнили правительственной системы, всѣхъ послѣдствій удушающаго принципа. Видно, еще мало жертвъ, мало позора, еще слабы уроки; нигдѣ сквозь окружающую насъ мглу не пробивается луча новой мысли, новаго начала». А. С. Хомяковъ и Ѳ. И. Тютчевъ разразились уголовными обличеніями въ духѣ библейскихъ пророковъ, первый—въ стихотвореніи «Россіи», въ которомъ онъ обращается къ ней съ грозными словами:

Помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ онъ судитъ строго,—
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!
О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Тютчевъ предсказываетъ это наказаніе въ стихотвореніи «На новый 1855 годъ», о которомъ онъ говоритъ:

Не просто будетъ онъ воитель,
Но исполнитель Божьихъ каръ,—
Онъ совершитъ, какъ поздній мститель,
Давно задуманный ударъ.
Для битвъ онъ посланъ и расправы,
Съ собой несетъ онъ два меча:
Одинъ—сраженій мечъ кровавый,
Другой—сѣкира палача.
Но на кого?.. Одна ли выя,
Народъ ли цѣлый обреченъ?..

Критическое направленіе общества распространяется на всѣ стороны жизни. Славянофилъ А. И. Кошелевъ пишетъ Погодину 9 іюля 1855 года: «Всѣ знаютъ, что въ насъ ложь, и даже что остается истины подъ этою покрышкою уже не можетъ принести пользы. Я уговаривалъ Хомякова написать о лжи церковной, а Самарина о лжи правительственной. Я собираюсь написать о лжи помѣщичьей и крѣпостной. Очень бы мнѣ хотѣлось уговорить Кирѣевскаго также написать противъ лжи. Онъ могъ бы выбрать своимъ спеціальнымъ предметомъ ложь общественную или частную».

Это возбужденіе умовъ не было только принадлежностью наиболѣе мыслящихъ людей, но становится общимъ явленіемъ. Погодинъ говоритъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ политическихъ писемъ, которыя распространялись въ рукописномъ видѣ: «Умъ уже приведенъ въ движеніе и самъ собою... Множество вопросовъ, о которыхъ прежде и въ голову инымъ не приходило, обращается повсемѣстно. Новыя мысли зарождаются, плодятся и по мѣрѣ сообщенія увеличиваются въ своемъ содержаніи. Возникаютъ различныя желанія и надежды. Послышались пѣсни, разыгралась фантазія. Всѣ сословія волнуются одинаковымъ чувствомъ любопытства и живого участія».

Но въ историческія эпохи, подобныя эпохѣ Крымской войны, которыя глубоко затрогиваютъ общественную психологію, противоположныя настроенія и мнѣнія иногда очень быстро смѣняютъ другъ друга. Такъ какъ такія эпохи всегда являются переходными,

то нѣтъ твердо установившихся мыслей и настроеній, и люди, переживающія ихъ, склонны переходить отъ утвержденія къ отрицанію, отъ осужденія къ похвалѣ. Это мы и видимъ въ серединѣ 50-хъ годовъ въ русскомъ обществѣ. А. С. Хомяковъ, написавъ стихотвореніе «Россіи», начинаетъ чувствовать горечь отъ своихъ словъ: «Я написалъ стихи,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ отъ 4 апр. 1854 г.,—изъ которыхъ, конечно, добросовѣстный человѣкъ не выкинетъ ни слова, и что же? Мнѣ вдругъ стало какъ-то жаль, что я нашей Руси наговорилъ столько горькихъ истинъ, хотя и въ духѣ любви; стало какъ-то тяжело. Вѣдь если я сказалъ и если другіе прочли и, любя Россію, въ то же время не слишкомъ разсердились на меня, развѣ ужъ это не полезные или не знакъ постояннаго, хотя и не выраженнаго покаянія? Я написалъ другую пьесу...» Эта пьеса—стихотвореніе «Раскаявшейся Россіи». Если въ первомъ стихотвореніи было много горькой правды, то во второмъ уже былъ «возвышающій обманъ». Здѣсь Хомяковъ обращается къ Россіи съ такими словами:

Иди! Свѣтла твоя дорога!
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна—Ангелъ Бога,
Съ огнесверкающимъ челомъ!

Тѣ же смѣны настроеній можно видѣть у Погодина. Въ одномъ и томъ же политическомъ письмѣ «О вліяніи внѣшней политики на внутреннюю», давъ сначала мѣткую и сильную характеристику отрицательныхъ сторонъ общественнаго положенія въ Россіи и предложивъ «лѣкарства» для ихъ устраненія, Погодинъ вдругъ переходитъ отъ мыслей, питающихъ надежды, къ печальному настроенію: «А, можетъ-быть, говоритъ онъ, это только несбыточныя мечтанія! Можетъ-быть, и мы осуждены на такое же безплодное исканіе, какъ и Западъ, который предъ нашими глазами ищетъ тщетнаго исцѣленія своихъ болѣзней и попадаетъ большею частью на такія лѣкарства, которыя увеличиваютъ еще болѣе ихъ ярость».

Тѣ же настроенія, въ зависимости отъ войны, то упадка, то оживавшей надежды испытывалъ Тургеневъ во время работы надъ «Рудинымъ». Недолгій періодъ его созданія былъ полонъ событій, одно тяжелѣе другого. 25 мая во время приступа союзниковъ погибло пять тысячъ русскаго войска; 28 іюня смертельно раненъ Нахимовъ; 4 августа произошло крайне неудачное для русскихъ войскъ сраженіе при Черной рѣчкѣ; 5 августа непріятель бомбардировалъ Севастополь; 24 августа была послѣдняя рѣшительная бомбардировка послѣдняго, и 27 августа князь Горчаковъ долженъ былъ отвести войска на сѣверную сторону. Подъ этотъ непрерывный грохотъ орудій, приносившій только неудачи, Тургеневъ изображалъ предшествующій войнѣ періодъ общественной русской жизни... Какимъ другимъ могло быть это изображеніе, какъ не отрицательнымъ! Вѣдь война, въ глазахъ мыслящей части общества, подводила итоги всей русской жизни. Тургеневъ чувствовалъ это вмѣстѣ съ другими, и у него естественно не могло найтись свѣт-

лыхъ красокъ для изображенія задуманной имъ картины. Какъ Хомяковъ, онъ долженъ былъ чувствовать, что общественная жизнь Россіи полна «лжи мертвой и позорной»; какъ Погодинъ, долженъ былъ видѣть, что у насъ «умъ притупленъ, воля ослабѣла, духъ упалъ, люди обмелѣли»; и, какъ Кошелевъ, долженъ былъ сказать, что «въ насъ ложь, и даже что остается истины уже не можетъ принести пользы». И Тургеневъ въ художественной формѣ даетъ отвѣтъ именно на тотъ вопросъ, который Кошелевъ хотѣлъ предложить для разработки Кирѣевскому, говоря, что «онъ могъ бы выбрать своимъ спеціальнымъ врагомъ: ложь общественную или частную».

Въ сохранившихся письмахъ Тургенева къ С. Т. Аксакову, писанныхъ въ періодъ работы надъ «Рудинымъ», находимъ чаще всего грустные мотивы. 3 августа онъ пишетъ: «Живемъ мы въ невеселое время. Война растетъ, растетъ—и конца не видать; лучшіе люди (бѣдный Нахимовъ!) гибнутъ, болѣзни, неурожаи, падежи—у насъ коровы и лошади гибнутъ, какъ мухи... Впереди еще пока никакого не видать просвѣта. Надо потерпѣть. Еще разикъ, еще разъ, какъ говорятъ бурлаки. Авось все это вознаградится съ лихвой». 5 сентября, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстія о паденіи Севастополя, нѣсколько запоздавшаго въ Спасскомъ, у Тургенева вырываются изъ-подъ пера такія строки: «Извѣстіе о Севастополѣ, полученное здѣсь вчера, лишило меня всякой бодрости... Хотя бы мы умѣли воспользоваться этимъ страшнымъ урокомъ, какъ пруссаки Іенскимъ пораженіемъ!..»

Той твердой вѣры въ будущее и восторженности передъ нимъ, которыя видны въ настроеніи Хомякова, у Тургенева нѣтъ. Но все-таки и его питали надежды, что отразилось въ первой цитатѣ изъ его писемъ («Еще разикъ...» и проч.). При томъ же Тургеневъ не могъ не знать и не замѣчать тѣхъ явленій, на которыя указываетъ Погодинъ, говоря, что «умъ уже приведенъ въ движеніе». Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо Тургенева къ С. Т. Аксакову отъ 16 октября: «Мнѣ такъ хочется,—пишетъ онъ,—переговорить съ вами о многомъ... Время, въ которое мы живемъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя повторяются слишкомъ рѣдко—и всѣ люди, мыслящіе, любящіе свою родину, должны желать сближенія и духовнаго сообщенія». Подобные моменты въ сознаніи Тургенева должны были смягчить строгость его взгляда на предшествующую общественную жизнь. Между послѣднею и возбужденнымъ войною движеніемъ умовъ надо было признать преемственную идейную связь и найти въ «рудинскомъ» періодѣ извѣстную общественную стоимость. Это и выразилось въ переходѣ Тургенева отъ критическаго освѣщенія типа Рудина къ признанію за нимъ извѣстнаго нравственнаго достоинства.

LXIII. *Иностранные критики о Рудинѣ.*—Иностранные критики смотрѣли на Рудина, преимущественно какъ на русскій характеръ. Датскій критикъ Георгъ Брандесъ говоритъ: «Въ одной изъ его большихъ повѣстей Тургенева, въ «Рудинѣ», изображеніе неустой-

чивости такъ глубоко и такъ полно, что, на основаніи одного этого слабаго характера, научаешься понимать слабую сторону русскаго характера вообще».

Съ подобной же мысли о русскомъ характерѣ Рудина начинаетъ освѣщеніе Тургеневскаго героя французскій критикъ Мельхіоръ де-Вогюэ: «Въ «Рудинѣ» авторъ изучаетъ темпераментъ, принадлежащій собственно всѣмъ временамъ и всѣмъ странамъ, но который какъ будто особенно акклиматизировался въ Россіи. Рудинъ—красворѣчивый идеалистъ, ловкій на словахъ, неспособный къ дѣйствію. Онъ опьяняетъ себя и другихъ своей многорѣчивостью, бросается въ жизнь какъ рьяный потокъ великодушныхъ и свѣтлыхъ идей; но каждое испытаніе жизни обращается противъ него вслѣдствіе отсутствія въ немъ характера... Не имѣя мужества ни для добра, ни для зла, онъ безпрестанно впадаетъ въ пустоту и нищету; старѣясь, онъ начинаетъ сознавать свое непоправимое безсиліе; кончаетъ онъ самымъ плачевнымъ образомъ».

Характеристику Рудина критикъ заключаетъ слѣдующими словами: «Романистъ коснулся одного изъ величайшихъ недостатковъ русскаго духа и далъ своимъ соотечественникамъ полезный урокъ; онъ объяснилъ имъ, что великихъ стремленій недостаточно, что надо соединять съ ними практическій смыслъ, умѣнье владѣть собою». (Сравнить съ мыслями Дружинина, LX.)

LXIV. *Литературные образы, напоминающіе Рудина.*—Въ 1841 году появился романъ «Орасъ» знаменитой французской писательницы Жоржъ Зандъ, литературная дѣятельность которой имѣла нѣкоторое вліяніе на творчество русскихъ писателей 40-хъ годовъ.

Вотъ характеристика героя этого романа, которую даетъ авторъ изслѣдованія «Жоржъ Зандъ, ея жизнь и произведенія» В. Каренинъ:

«Орасъ человѣкъ одаренный; изъ него можетъ выйти незаурядный писатель, изъ него можетъ выйти и хорошій юристъ, и блестящій политическій ораторъ; онъ уменъ, отзывчивъ на все доброе, онъ понимаетъ все великое и прекрасное, у него живое воображеніе, даръ слова, способность увлекаться и увлекать своихъ собесѣдниковъ». Но въ Орасѣ слишкомъ много «себялюбія, самолюбія, тщеславія, самовлюбленности и, главное, постоянной занятости своею личностью,—и эта одна черта парализуетъ всѣ его способности и качества, и изъ Ораса выходитъ лишь блестящій говорунъ, холодный энтузіастъ и одинъ изъ тѣхъ, столь распространенныхъ между попавшими случайно въ интеллигентную среду лицами, мнимыхъ людей, которыми стало такъ богато европейское общество послѣ все перемѣшавшей и взбудоражившей первой французской революціи. Онъ сынъ мелкаго провинціальнаго чиновника. Бѣдны: родители отказываютъ себѣ во всемъ, надѣясь, что черезъ немного лѣтъ сынокъ станетъ на ноги, а сынокъ теряетъ годъ за годомъ, все лишь только собираясь выбрать себѣ подходящую карьеру, критикуя всѣ представляющіяся ему и ничего не дѣлая.

У него такія возвышенныя стремленія и грандіозныя мечты, что ни адвокатура, ни медицина не могутъ его удовлетворить. Карьера политическаго оратора кажется ему тоже недостаточно безупречной, недостойной такой исключительной натуры, какъ онъ. Онъ, пожалуй, согласился бы быть литераторомъ и задумываетъ цѣлый десятокъ романовъ, драмъ, повѣстей и разсказовъ, но далѣе заглавія и обозначенія: «первая глава», «первый актъ»—не можетъ ничего заставить себя написать. Трудъ, выдержка, отданіе себя какому-нибудь дѣлу, искусству или наукѣ—вещи для него невозможныя. Онъ проводитъ время въ безконечныхъ словопреніяхъ и ораторствованіяхъ во всевозможныхъ кафе Латинскаго квартала, покоряетъ и очаровываетъ всѣхъ благоговѣйно внимающихъ ему сверстниковъ студентовъ жаромъ своего краснорѣчія, силою своихъ доводовъ, рѣзкой критикой существующаго порядка и даже своей привлекательной и оригинальной наружностью».

Типъ Ораса, какъ видно, напоминаетъ нѣкоторыя черты личности Рудина, но сюжетъ романа Жоржъ Зандъ не имѣетъ ничего общаго съ содержаніемъ произведенія Тургенева. Совпаденіе характеровъ Ораса и Рудина дало возможность В. Каренину сдѣлать заключеніе о вліяніи героя Жоржъ Зандъ на образъ Рудина. «Если отбросить,—говоритъ онъ,—всѣ особенности расы или касты, которыя отличаютъ Рудина отъ Ораса, то передъ нами встало бы одно и то же лицо, одинъ и тотъ же типъ краснобая-энтузіаста, который увлекаетъ другихъ и самъ увлекается своимъ краснорѣчіемъ, но который неспособенъ дѣйствовать».

Предыдущіе комментаріи показываютъ, какъ тѣсно, неразрывно типъ Рудина сплетается съ русскою жизнью 30—40-хъ годовъ, въ ея цѣломъ и въ подробностяхъ, какъ Рудинъ близко подходитъ къ историческимъ русскимъ лицамъ и какъ все произведеніе Тургенева цѣликомъ выросло на русской почвѣ. Поэтому мнѣніе Каренина о вліяніи Ораса на Рудина совершенно теряетъ смыслъ въ виду явной историчности романа «Рудинъ». Знатокъ русской и французской литературы, переводчикъ русскихъ писателей на французскій языкъ, Гальперинъ-Каминскій, отрицая сближеніе Каренина, указываетъ на національную самобытность Тургеневскаго героя: «Типъ Рудина слишкомъ русскій для того, чтобы авторъ искалъ себѣ модель гдѣ-либо внѣ Россіи».

К. Ф. Тіандеръ въ книгѣ «Датско-русскія изслѣдованія» (вып. II) намѣчаетъ рядъ произведеній датской литературы, герои которыхъ напоминаютъ Рудина. Авторъ относитъ ихъ ко вліянію Тургенева на датскую литературу. Сюда принадлежитъ романъ Шандорфа (1836—1901 г.)—«Безъ центральной точки» (1878). Характеристика героя этого романа Карла Альбректа дана въ письмѣ къ нему его товарища: «Почему случилось такъ, что всѣ твои дарованія нашли себѣ столь скудное примѣненіе къ жизни. Неужели ты предназначенъ къ тому, чтобы растратить свои силы на частныхъ урокахъ? Предлагая этотъ вопросъ, я нахожу на него только одинъ отвѣтъ: ты удалился отъ центральной точки жизни—отъ вѣры»...

«Какой-то писатель,—разсказываетъ Шандорфъ,—предсказалъ ему блестящую карьеру поэта, доцентъ по философіи нашелъ въ немъ несомнѣнную умозрительную способность, профессоръ математики объявилъ его рожденнымъ для своей спеціальности», но Карлъ Альбректъ только кое-какъ перебивался частными уроками.

К. Ф. Тіандеръ находитъ, что и сюжетъ романа Шандорфа напоминаетъ «Рудина»: «Положеніе Рудина въ гостяхъ у Дарьи Михайловны весьма схоже съ положеніемъ кандидата Альбректа въ домѣ графа Эгерпскьольда. Какъ Рудинъ, такъ и Альбректъ своими рѣчами очаровываютъ и мать и дочь. И въ томъ и въ другомъ романѣ сама дочь предлагаетъ герою вступить съ нимъ въ бракъ. Свиданіе дочери съ героемъ въ обоихъ случаяхъ становится извѣстнымъ третьему лицу, которое докладываетъ объ этомъ родителю. И графъ Эгерпскьольдъ и Дарья Михайловна оба рѣшаютъ отказать своему опасному гостю, но тотъ ихъ предупреждаетъ и самъ уходитъ раньше, чѣмъ они успѣли привести въ исполненіе свой планъ. Наконецъ Рудинъ имѣетъ двухъ противниковъ— Лежнева и Волынцева. Также и Альбректъ - пастора Іергенсена и Отто Хольма. У Шандорфа всѣ трое товарищи по университету, у Тургенева только Рудинъ и Лежневъ, но студенческимъ воспоминаніямъ удѣляется одинаково много вниманія въ обоихъ романахъ».

Второе вліяніе «Рудина» въ датской литературѣ К. Ф. Тіандеръ усматриваетъ въ романѣ «Сверхкомплектный» (1876 г.) Дракмана (1846—1908), но герой этого романа Адольфъ Брунновъ, поскольку можно судить по характеристикѣ, которую даетъ ему К. Ф. Тіандеръ, болѣе напоминаетъ Веретьева изъ «Затишья» Тургенева, чѣмъ Рудина. Затѣмъ К. Ф. Тіандеръ видитъ вліяніе «Рудина» въ романѣ Якобсена (1847—1885)—«Нильсъ Люне», герой котораго является неудачникомъ и въ общественной и въ личной жизни; однако, онъ замѣчаетъ: «Въ образѣ Нильса Люне отразился не столько одинъ какой-нибудь тургеневскій персонажъ, сколько Тургеневъ вообще». Наконецъ, вліяніе «Рудина» К. Ф. Тіандеръ видитъ въ романѣ Эльстера (1841—1881)—«Чужестранная птица» (1881). О героѣ этого романа Паулѣ Хоретѣ изслѣдователь говоритъ: «Пауль Хоретъ—чистѣйшій типъ Рудина. Его холодная душа, которая довольствуется въ жизни ролью зрителя, его боязнь систематическаго труда, его брезгливое отношеніе ко всему трудовому, его краснобайство, его способность увлекаться собственными словами, его готовность встать на защиту благородныхъ идей, если отъ него требуются слова, одни слова, но не дѣло—все это характерно и для Рудина».

Изъ Тургеневскихъ типовъ ближе всего къ Рудину «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда»—Василій Васильевичъ. Исключительно умственная жизнь, отсутствіе воли, неумѣнье использовать окружающее, пассивное отношеніе къ препятствіямъ, широкое образованіе, идейность, воспитанная кружковыми бесѣдами и философіей Гегеля,—все это сближаетъ героя названнаго разсказа съ Рудинымъ. Но между ними есть и глубокое различіе: Василій Васильевичъ—

слишкомъ обыкновенный человѣкъ, Рудинъ—очень талантливъ. По своему безволію и постоянному стремленію къ анализу, напоминаетъ Рудина также Чулкатуринъ, герой «Дневника лишняго человѣка», но въ другихъ отношеніяхъ: по своей мнительности и какому-то мучительному напряженію всего существа, а также безцѣльности Чулкатуринъ очень далекъ отъ Рудина. Вообще, онъ морально-патологическій типъ и съ этой стороны не имѣетъ общественнаго значенія. Другіе «лишніе люди» Тургенева, какъ, напр., Веретьевъ («Затишье»), Вязовнинъ («Два пріятеля»), Лаврецкій,—по своей нравственной организаціи нисколько не напоминаютъ Рудина.

Кромѣ Тургенева, типъ человѣка, воспринимающаго жизнь съ точки зрѣнія своихъ широкихъ идей, которыя онъ не можетъ согласовать съ условіями жизни, и потому вѣчно ищущаго и не находящаго, человѣка широкихъ замысловъ, но слабой воли, былъ изображаемъ и другими писателями.

Въ 1851 году въ учено-литературномъ альманахѣ «Комета» (изд. М. Н. Щепкина) былъ напечатанъ разсказъ Ал-дра Влад. Станкевича, младшаго брата Николая Владиміровича, «Идеалистъ». Герой разсказа Константинъ Сергѣевичъ Левинъ, какъ и Рудинъ, воспиталъ свой умъ въ кружкахъ молодежи, откуда навсегда вынесъ идеалистическое настроеніе. Окончилъ Левинъ образованіе, и «потянулись другіе дни: смущенъ, озадаченъ юноша представшею ему дѣйствительностью; онъ всматривается въ жизнь съ напряженіемъ, прислушивается ко всѣмъ ея звукамъ, тревожно допрашивается смысла всѣхъ ея явленій; съ недоумѣніемъ и вопросомъ обращается онъ къ людямъ, ихъ дѣламъ и стремленіямъ, и представляется ему, что настоящій смыслъ жизни скрытъ отъ него, и онъ ждетъ, что тайна и истина, наконецъ, откроются ему. Нетерпѣливо ждетъ онъ ихъ призыва; а жизнь несется мимо, и напрасны его усилія броситься въ ея волны: несокрушимы цѣпь и мощь разъ овладѣвшаго имъ идеала. Ноетъ и сохнетъ душа въ безплодной борьбѣ, и потянулись дни безчисленныхъ противорѣчій, безсильнаго бѣшенства, мучительныхъ сновъ и стоновъ». Левинъ становится «наблюдателемъ и созерцателемъ» жизни. Онъ много читаетъ, но самъ неспособенъ что-либо создать: «началъ писать какую-то политико-экономическую статью, скоро оставилъ ее и началъ другую, о современной живописи. Не кончивши и этой, онъ началъ писать повѣсть, которую тоже не кончилъ, и сжегъ. Левинъ называетъ себя «вѣчнымъ странникомъ» и, дѣйствительно, все время переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто, «никогда ничему не предаваясь и ни съ чѣмъ не заключая союза». Во время странствій онъ и умираетъ гдѣ-то въ трактирѣ. Самый сюжетъ повѣсти состоитъ въ томъ, что Левинъ полюбилъ одну искреннюю, свѣтло глядящую на міръ дѣвушку Сонечку, но бѣжитъ отъ этой любви, находя, что она чужда его идеаламъ. Въ концѣ-концовъ, но «поздно понялъ онъ, что въ жизни являются существа, въ своей живой и движущейся ограниченности болѣе прекрасныя и увлекательныя, чѣмъ безконечность отвлеченныхъ и мертвыхъ идеаловъ совершенства».

Постоянно сопоставляется съ Рудинымъ герой поэмы Н. А. Некрасова «Саша», которая была напечатана одновременно съ романомъ Тургенева въ январской книжкѣ «Современника» 1856 года. Левъ Алексѣичъ Агаринъ — «современный герой» —

Книги читаетъ да по свѣту рыщетъ —
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ,
Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ,
Благо идти по дорогѣ избитой
Лѣнь помѣшала, да разумъ развитый.
— Нѣтъ, я души не растрачу моей
На муравьиной работѣ людей:
Или подъ бременемъ собственной силы
Сдѣлаюсь жертвою ранней могилы,
Или по свѣту звѣздой пролечу!
Миръ — говоритъ — осчастливить хочу!»
Что жъ подъ руками, того онъ не любитъ,
То мимоходомъ безъ умысла губитъ...
Все, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно и сродно,
Только дающая силу и власть
Въ словѣ и дѣлѣ чужда ему страсть!
Любитъ онъ сильно, сильнѣй ненавидитъ,
А доведись — комара не обидитъ!
Да говорятъ, что ему и любовь
Голову больше волнуетъ — не кровь!
Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ:
Вѣритъ, не вѣритъ — ему все равно,
Лишь бы доказано было умно!
Самъ на душѣ ничего не имѣетъ,
Что вчера сжалъ, то сегодня и сѣетъ;
Нынче не знаетъ, что завтра сожнетъ
Только навѣрное сѣять пойдетъ.
Это въ простомъ переводѣ выходитъ,
Что въ разговорахъ онъ время проводитъ;
Если жъ за дѣло возьмется — бѣда!
Міръ виноватъ въ неудачѣ тогда;
Чуть поослабнутъ нетвердыя крылья,
Бѣдный, кричитъ: «безполезны усилья!»

В. Буренинъ въ книгѣ «Литературная дѣятельность Тургенева» указываетъ на сходство Рудина и героя «Бѣсовъ» Достоевскаго, Верховенскаго. — Полное развѣнчаніе рудинскаго типа, полное разоблаченіе его отрицательныхъ сторонъ сдѣлано Достоевскимъ въ «Бѣсахъ». Въ лицѣ Степана Трофимовича Верховенскаго мы встрѣчаемся съ Рудинымъ, уже состарѣвшимся, окончательно распатавшимся и умственно и нравственно и дошедшимъ въ своей жизненной карьерѣ до того положенія, которое пророчески предсказывалъ этому герою Пигасовъ, когда онъ увѣрялъ, что Рудинъ кончитъ тѣмъ, что умретъ на рукахъ престарѣлой дѣвы, которая будетъ думать о немъ, какъ о геніальнѣйшемъ человѣкѣ въ мірѣ. Достоевскій еще усилилъ пророческое предсказаніе Пигасова: его Степанъ Трофимовичъ даже въ барынѣ, у которой онъ состоитъ приживальщикомъ, не возбуждаетъ о себѣ иного представленія, какъ

только о жалкомъ, «пустомъ, безславномъ и малодушномъ» человѣкѣ. И однакоже этотъ одряхлѣвшій и окончательно вывѣтрившійся идеалистъ живетъ среди чуждой ему и вполнѣ антипатичной жизни новаго поколѣнія все съ тою же юношескою, даже младенческою вѣрою въ свои эстетически гуманные принципы, доведенные имъ почти до смѣшного значенія. Отраженіе типа Рудина какъ психологическаго явленія, а не какъ созданія Тургенева, можно усмотрѣть въ разсказѣ Е. Чирикова «Инвалиды». Его герой Крюковъ народникъ; слѣпо вѣруетъ въ общину и артель, какъ въ средства поднять крестьянскую жизнь; онъ живетъ этими вѣрованіями, несмотря на то, что общество ушло отъ нихъ далеко впередъ; пробуетъ примѣнить свои идеалы на дѣлѣ, но изъ этого ничего не выходитъ. «Инвалидомъ мысли», разбитый на всѣхъ своихъ позиціяхъ, но не сознаваясь въ этомъ, онъ влачитъ голодную и тоскливую жизнь. По словамъ автора, Крюковъ оторвался отъ дѣйствительности, «не желаетъ считаться съ фактами», «былъ одинокъ», «все путешествовалъ и все чего-то искалъ», иногда схватывалъ вдругъ перо и начиналъ нервно писать, но никогда не дописывалъ, рисовалъ въ умѣ «грандіозныя ассоціаціи труда» и т. д.— словомъ, выполнялъ всю рудинскую программу жизни.

Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ".

Москва, Срѣтенка, домъ 8 (уг. Рыбникова переулка).
Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227—42.

Кн. 1. **И. П. Покровскій.** Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія 10 лѣтъ. **2 р.**

Кн. 2. **Исторія соціализма.** Въ монографіяхъ К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго и Бернштейна. Перев. *Е. и Н. Леонтьевыхъ.* Ч. I. За обѣ части **7 р.**

Кн. 3. **М. С. Александровъ.** Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. **5 р.**

Кн. 7. **Петръ Масловъ.** Исторія народнаго хозяйства. **3 р.**

Кн. 8. **А. М. Коллонтай.** Общество и материнство. Государственное страхованіе материнства. **5 р.**

Кн. 10. **А. Деборинъ.** Введеніе въ философію діалектическаго матеріализма. Съ предисловіемъ *Г. В. Плеханова.* **4 р.**

Кн. 11. **Вл. Кранихфельдъ.** Въ мірѣ идей и образовъ. **3 р. 50 к.**

Кн. 13. **С. Т. Семеновъ.** Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ. **3 р.**

Кн. 14. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Духоборцы въ Канадскихъ преріяхъ. **5 р.**

Кн. 15. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Къ исторіи русскаго духоборчества. **5 р.**

Кн. 16. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Новый Израиль. **5 р.**

Кн. 17. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Среди сектантовъ. **5 р.**

Кн. 19. **Фр. Энгельсъ.** Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. и Е. Леонтьевыхъ.* **5 р.**

Кн. 22. **Ю. Каменевъ.** Объ А. И. Герценѣ и М. Г. Чернышевскомъ. **1 р. 50 к.**

Кн. 23. **Б. Авиловъ.** Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи. **1 р. 25 к.**

Кн. 24. **К. Тахтаревъ.** Соціологія какъ наука. 2-е изд. **3 р.**

Кн. 25. **Ю. Каменевъ.** Экономическая система имперіализма. **4 р. 50 к.**

Кн. 26. **К. Марксъ и Фр. Энгельсъ.** Манифестъ коммунистической партіи. 3-е изданіе. **2 р.**

Кн. 27. **В. П. Милютинъ.** Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи. **1 р. 50 к.**

Кн. 28. **В. П. Милютинъ.** Сельско-хозяйственные рабочіе и война. **3 р. 50 к.**

Кн. 29. **Ю. Стекловъ.** Карлъ Марксъ, его жизнь и дѣятельность. **3 р. 50 к.**

Кн. 30. **Подъ старымъ знаменемъ.** Сборникъ статей. **1 р. 50 к.**

Кн. 31. **С. О. Загорскій.** Война послѣ мира. **5 р.**

Кн. 32. **Ж. Гедъ и П. Лафаргъ.** Программа рабочей партіи, ея основанія и комментаріи къ ней. **1 р. 50 к.**

Кн. 34. **И. В. Чернышевъ.** Памятная книжка марксиста. **7 р. 50 к.**

Кн. 36. **Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.** Волненія въ войскахъ и военныя тюрьмы. **3 р.**

Кн. 37. **Н. Ленинъ. (Вл. Ульяновъ).** Аграрная программа соціалъ-демократіи въ 1-й русской революціи 1905—7 г. **4 р.**

Кн. 38. **Н. Ленинъ. (Вл. Ульяновъ).** Изъ исторіи соціалъ-демократ. аграрной программы. (Статьи 1901—1906 гг.). **1 р. 75 к.**

Кн. 39. **Н. Ленинъ. (Вл. Ульяновъ).** Новыя данныя о законѣ развитія капитализма. (Соединенные Штаты). **3 р.**

Кн. 40. **Н. Ленинъ. (Вл. Ульяновъ).** Государство и революція. **2 р. 50 к.**

Кн. 41. **Н. Ленинъ. (Вл. Ульяновъ).** Имперіализмъ, какъ новѣйшій этапъ капитализма. 2-ое изд. **2 руб. 50 к.**

Кн. 42. **Н. Крупская.** Народное образованіе и демократія. **3 р.**

Кн. 43. **Ю. Каменевъ.** Борьба за миръ. **2 р.**

Кн. 44. **Ю. М. Стекловъ.** Международная политика рабочаго класса. **1 р. 20 к.**

Кн. 50. **Мих. Павловичъ (М. Вельтманъ).** Французскій имперіализмъ и экономическое развитіе франціи въ XX столѣтіи. **2 р.**

Кн. 51. **Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ).** Аграрный вопросъ въ Россіи къ концу 19-го вѣка. **1 р. 75 к.**

Кн. 52. **Карлъ Каутскій.** Эрфуртская программа. Ц. **4 руб.**

Кн. 53. **Вл. Мещеряковъ.** Національзація и соціализація земли. **2 р.**

Кн. 54-я. **Л. Д. Троцкій.** Октябрьская революція. **3 р**

Кн. 55. **М. П. Павловичъ.** (Мих. Вельтманъ). Милитаризмъ, маринизмъ и мировая война. Ц. **2 р. 65 к.**

Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ“.

Москва, Срѣтенка, д. 8 (уг. Рыбникова пер.).
Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.

ОТДѢЛЪ ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

И. СТЕПАНОВА,

при участіи: Н. Бухарина, П. Дауге, Г. Зиновьева, Ю. Каменева, Н. Ленина, Н. Лукина, А. Луначарскаго, Н. Мещерякова, В. Оболенскаго, М. Ольминскаго, В. Орловскаго, М. Покровскаго, В. Смирнова, Ю. Стеклова и друг.

К. МАРКСЪ. Собраніе сочиненій. Юбилейное изд.

Все изданіе—близкое къ полному собранію сочиненій—составитъ до 35 томовъ по 25—30 листовъ (400—500 стр.) большого формата. Въ это юбилейное изданіе войдутъ какъ всѣ работы, появившіяся до сихъ поръ въ Германіи и Англіи отдѣльными изданіями, такъ и работы, разсѣянныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ.

Въ настоящее время печатаются: „Теорія прибавочной стоимости“ въ переводѣ Н. И. Бухарина; „Капиталъ“ и дополненное изданіе „Собраніе историческихъ работъ“, въ переводахъ подъ ред. В. Базарова и И. Степанова, вновь пересмотрѣнныхъ И. Степановымъ.

Ф. ЭНГЕЛЬСЪ. Собраніе сочиненій.

Намѣчены три тома большого формата, по 25—30 листовъ каждый. Въ „Собраніе“ войдутъ какъ работы, появившіяся отдѣльными изданіями, такъ и журнальныя статьи Энгельса.

Книжные склады и магазины „Коммунистъ“ (Москва, Срѣтенка, д. 8 (уг. Рыбникова пер.), и 2-й домъ Совѣтовъ, Театральная площадь) принимаютъ на себя выполненіе всѣхъ книжныхъ заказовъ какъ для частныхъ лицъ, такъ и для партійныхъ, совѣтскихъ, городскихъ, общественныхъ и правительственныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній всѣхъ комиссаріатовъ.

Выполняютъ заказы по пополненію и устройству новыхъ книжныхъ складовъ и магазиновъ. Высылаютъ регулярно всѣ новинки книжнаго рынка. Составляютъ новыя и пополняютъ уже существующія библіотеки и читальни. Подбираютъ книги для частныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Книжные склады принимаютъ изданія какъ на комиссію, такъ и на главный складъ. Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

